

**АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»**

**СОБЫТИЯ И ЛЮДИ
В ДОКУМЕНТАХ
КУРСКИХ АРХИВОВ**

Сборник статей

Выпуск XX

КУРСК
2021

УДК 94 (470.323) «14/19»
ББК 63 (2Рос – 4Кус)
С 54

С 54 События и люди в документах курских архивов. Выпуск XX / под редакцией В. Л. Богданова. – Курск : ООО «Центр рекламы «Лоцман», 2021. – 198 с. – Текст : непосредственный

Редакционная коллегия: В. Л. Богданов (гл. редактор) – начальник архивного управления Курской области; Л. Б. Карманова (зам. гл. редактора) – зам. начальника архивного управления Курской области; Н. А. Елагина – директор ОКУ «Госархив Курской области»; О. В. Пешехонова – зам. директора ОКУ «Госархив Курской области»; В. В. Раков – зам. директора по научно-исследовательской работе ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук; О. А. Черников – заведующий филиалом ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук.

Научный редактор: О. Н. Аргунов, канд. ист. наук.

В сборник вошли исследования ученых-историков и сотрудников Государственного архива Курской области, посвященные различным проблемам истории края XV–XX вв. Опубликованные в сборнике работы будут полезны широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей. Также в настоящем сборнике представлены публикации документов по различным сторонам культурной жизни курского края. Все материалы опубликованы в авторской редакции.

УДК 94 (470.323) «14/20»
ББК 63 (2Рос – 4Кус)

© Архивное управление Курской области
© ОКУ «Госархив Курской области»
© Авторы статей, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	3–5	
Курский край в XV–XX вв.		
<i>Бабин И.П., Озеров М.М.</i>	На шаг ближе к разгадке тайны Гочевского городища (О чем рассказали архивные находки)	6–14
<i>Ефремова И.С.</i>	Функции магистратов в сфере налогообложения и текущего учета демографических событий в последней четверти XVIII века	14–21
<i>Аргунов О.Н., Гончаров А.С., Манжосов А.Н.</i>	«Мосты, построенные под его руководством, оказались необыкновенно прочными...» (К 200-летию со дня рождения выдающегося русского ученого-мостостроителя Д. И. Журавского)	22–38
<i>Раков В.В.</i>	Публичная библиотека имени Семенова: к истории создания и функционирования	39–52
<i>Шпаков И.В., Холодова Е.В.</i>	Дом О. С. Косаревой – единственный сохранившийся адрес краеведа Н. И. Златоверховникова в Курске	53–59
<i>Кононов Н.Г.</i>	Краткая история села Маломихайловки и колхоза «Веселе життя» Шебекинского района ныне Белгородской области (По материалам экспедиции Курского областного краеведческого музея)	59–69
<i>Салтык Г.А.</i>	«Почетная гражданка г. Курска была названа “врагом народа”...» (О судьбе старейшей курской революционерки – П. Н. Шавердо)	69–79
<i>Палий Л.В.</i>	Экономические и правовые проблемы организации городской садово-парковой инфраструктуры Курска в 70-е – 80-е гг. XIX столетия	80–87
<i>Чубаров А.И.</i>	Выплаты солдаткам по закону от 25 июня 1877 г. во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	88–91
<i>Потаскаева Т.Н.</i>	Сельскохозяйственное образование в Белгородском уезде Курской губернии в	

	конце XIX в. – 1920-е гг. (На материалах Шебекинского сельскохозяйственного техникума)	92–96
Черкасова Н.Н.	Общественная деятельность земских учителей Курской губернии в конце XIX – начале XX веков	96–101
Шпаков И.В., Холодова Е.В. Ванин Д.С., Кауров И.А., Крохина А.В., Манжосов А.Н.	История и архитектура городской усадьбы Г. Б. Фрида в Курске	101–109
	«Были мы всегда отвагою богаты...» (Страницы боевого и трудового подвига курских железнодорожниц Н. Д. Непогодиной и М. С. Смирновой)	109–118
Черникова К.О.	Улица Троцкого (Дзержинского) города Курска в 1920-е гг. (По документам Государственного архива Курской области)	118–122
Пчелинов- Образумов А.А., Крылова Т.В.	Корочанский район накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам военно-экономической справки районного военкомата)	123–130
Аргунов О.Н., Коровин В.В., Кауров А.А., Манжосов А.Н.	«Мне при немцах жилось лучше...» (О неприглядных фактах бытового поведения и восприятия режима немецко-фашистской оккупации частью женской молодежи Курской и Орловской областей в 1941–1943 годах)	130–137
Пчелинов- Образумов А.А., Крылова Т.В.	Осуществление санитарно-противоэпидемических мероприятий и медицинское обслуживание населения в отдельных районах Курской и Воронежской областей в 1943 году	137–145
Долженков И.А., Попов Е.В.	По страницам истории Курского государственного сельскохозяйственного института (1949–1965 гг.)	145–148
Тимохов Е.И.	Мини-футбол в Курской области в конце 1980-х гг.	148–151

Документальные свидетельства истории курского края. Библиография

Раздорский А.И.	Всеподданнейшие донесения правителя Курской губернии А. Н. Зубова за 1783–
------------------------	--

	1790 гг. как исторический источник	152–158
<i>Ефремова И.С.</i>	Церемониал встречи императрицы Екатерины II в Курской губернии летом 1787 года	158–165
<i>Раков В.В.</i>	«...О сделании распоряжения, чтобы икона Знамения Божией Матери по случаю сближения крестного выноса оной из Курска в Коренную пустынь, по причине свирепствования в городе Курске эпидемической болезни холеры, и происходящей от ней смертности людей, во избежание многолюдства, при имеемом быть стечении народа в Курск к определенному крестному с иконой ходу в Коренную пустынь, отвезена была туда, без всяких обрядов церемониала...»	165–168
<i>Капустин Д.А.</i>	Офицеры-белогвардейцы в Курской губернии в 1920-е гг.: Статистическая сводка Курского губернского отдела ОГПУ за 1924 г.	168–173
<i>Черников О.А.</i>	Документы архивных фондов сельских Советов Курской области как источник по истории советской повседневности ...	173–180
<i>Носов Д.М.</i>	Материалы партийных организаций Курской области 1960-х – 1980-х гг.: источниковедческий анализ в контексте изучения вопроса транспортного обслуживания населения региона	180–184
<i>Золоторева Н.В.</i>	О некоторых раритетах научно-справочной библиотеки Госархива Курской области (Обзор дореволюционных печатных изданий обменного фонда)	185–195
	Сведения об авторах	196–197

КУРСКИЙ КРАЙ В XV–XX вв.

И. П. Бабин, М. М. Озеров

НА ШАГ БЛИЖЕ К РАЗГАДКЕ ТАЙНЫ ГОЧЕВСКОГО ГОРОДИЩА (О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ АРХИВНЫЕ НАХОДКИ)¹

В 1647 г. при выборе места строительства города между Курском и Белгородом по царскому указу стольник Иван Бутурлин и подьячий Влас Андриянов произвели осмотр и сделал обмеры на месте всех ранее существовавших древних городищ в верховьях реки Псла, в том числе Обоянских и Гочевских [1, с. 32–46].

Из сохранившейся росписи этих городищ следовало, что местность в устье речки Обоянки была заселена ещё в незапамятные времена. Через Боянский холм к тому времени уже проходила дорога из Курска в Белгород, а рядом, на небольшом удалении друг от друга, размещались два городища. Первое описанное Бутурлиным городище находилось на крутом «самородном» холме недалеко от места впадения в Псел речки Обоянки и имело треугольную форму («в три стены»), а за Большим (Боянским) буераком располагалось ещё одно городище. Оно имело четырехугольную форму и в периметре составляло более 140 метров. Кроме этого, было обследовано и городище при впадении Гочева Колодезя в Псел, получившее название Гочевского городища. Как известно, выбор места для строительства города царя и боярской думы пал на одно из Обоянских городищ, где в 1649 г. и было начато строительство города Обоянь. О Гочевском городище же забыли на долгие годы.

Впервые обследование археологического памятника в районе села² Гочево было проведено в июле 1909 г. членом Курской губернской учёной архивной комиссии К. П. Сосновским, а уже в августе того же года были проведены первые раскопки курганов под руководством Д. Я. Самоквасова³.

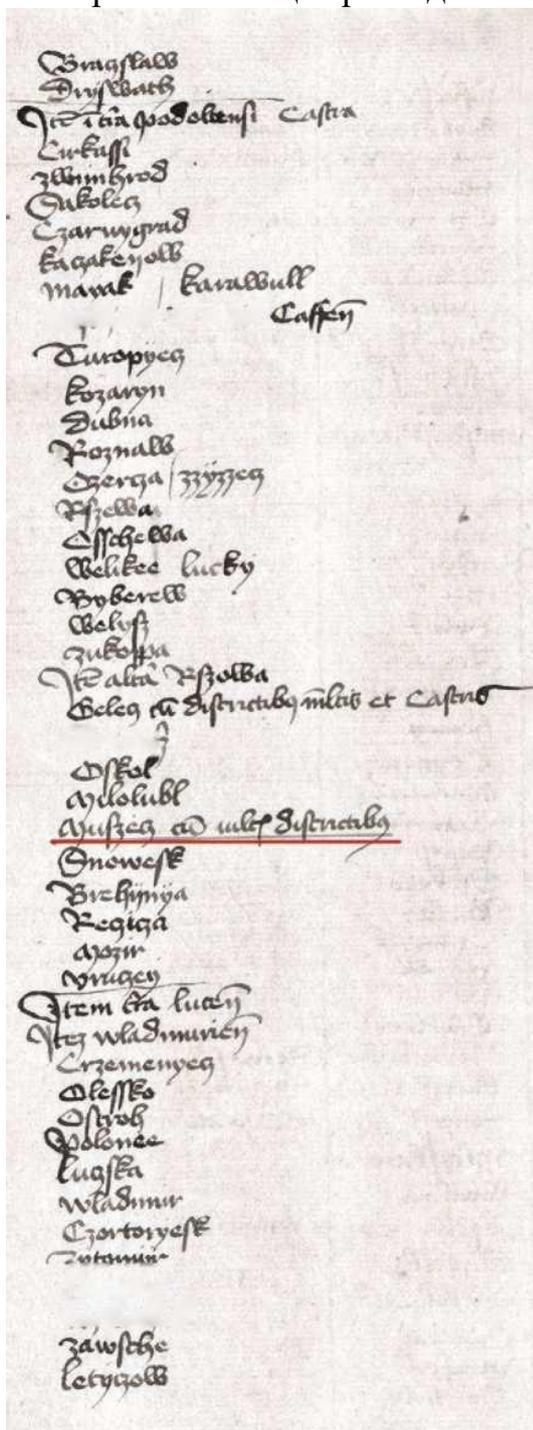
До сих пор ведутся споры о названии этого уникального памятника. Одна из гипотез о наименовании города в древнерусское время была выдвинута в 1971 г. известным курским краеведом, писателем и археологом Ю. А. Липкингом [2]. Он отождествил его с летописным городом Римовым.

¹ Авторы выражают благодарность и глубокую признательность кандидату исторических наук А. В. Зорину и доктору исторических наук В. В. Енукову за консультации и ценные замечания при работе над данной статьей.

² Село после постройки в 1871 г. церкви во имя Святого Николая Угодника.

³ Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843–1911) – русский археолог, историк права, архивовед, профессор Императорского Варшавского университета, заслуженный профессор Императорского Московского университета.

Археологические раскопки, которые ведутся на Гочевском городище уже много лет, показали, что это целый археологический комплекс, который состоит из двух городищ, имеющих условные наименования «Крутой курган» и «Царский Дворец». К городищам примыкают селища (посады), курганные и грунтовые могильники, а также христианский некрополь. Общая разведанная площадь комплекса составляет около 50 га.

Последние археологические исследования показали, что во второй половине XIV – первой половине XV веков, после вхождения территории верхнего Псла в состав Великого княжества Литовского, на соседнем мысу коренного берега, располагающемся севернее городища «Крутой курган», был построен новый мощный укрепленный пункт замкового типа (названный археологами «Царским Дворцом»). Он представлял собой крепость с двумя обособленными площадками. Цитадель была укреплена валом. Судя по всему, замок одновременно выполнял функцию и военного, и административного центра данной территории. Кроме того, в случае вражеского нападения население округа могло укрыться и отсидеться за его достаточно мощными укреплениями¹.

«Список городов Свидригайла». Список 1432 г. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (Berlin). XX. Hauptabteilung (Königsberger Archiv). Ordensbriefarchiv 27885.

В 2001 г. главным хранителем Курского государственного областного музея археологии А. В. Зориным по результатам проведенных раскопок и анализу совокупности дошедших до нашего времени сведений было высказано предположение, что археологический

¹ Что интересно – городище, похожее по структуре, виду и размерам, есть в Восточной Литве. Рядом с городом Аникшяй, расположен большой курган, который считается столицей короля Миндаугаса. Скорее всего, строители крепости на территории нынешнего Гочевского археологического комплекса, имели готовый план и просто применили его к местным условиям: выбрали подходящий мыс, выровняли площадку, обрезали рвами, подрезали склоны, поставили частокол.

комплекс «Царский дворец» Гочевского городища, возможно, является остатками древнего города Мужеча, входящего в состав Великого княжества Литовского [3, с. 271].

В пользу этого предположения говорят и результаты обследования течения реки Мужицы в Глушковском районе Курской области, проведенного В. В. Енуковым. В результате этого обследования было установлено отсутствия каких-либо городищ или селищ по всему течению реки Мужицы. Таким образом было отсеяно одно из ранее высказанных предположений о локализации Мужецкой волости и города Мужеча.

Упоминания о Мужече встречаются, например, в списке «городов, замков и волостей», приложенному к договору князя Свидригайло с Тевтонским орденом в 1432 г. [4, с. 144–145], а также в составе так называемой «Яголдаевой тьмы» в документе великого литовского князя Александра 1497 г., а также в ханских ярлыках, в частности, в ярлыке Менгли-Гирея (1507 г.) [3, с. 271].

О существовании в начале XVII в. на территории, прилегающей к верховью реки Псла Мужецкой волости Путивльского уезда упоминают многие исследователи, в том числе и зарубежные, в частности Е. Е. Русина, считающая, что Мужецкая волость охватывала территорию между современными Суджей и Обоянью [5]. Сделать такие выводы ей позволило изучение описания Мужецкой волости, содержащееся в Писцовой книге Путивльского уезда писца П. И. Мусоргского и подьячего Г. Федорова 1628–1629 годов [6, л. 124 об. – 182 об.].

Желание узнать больше подробностей заставило обратиться к более предметному изучению этого источника в части, касающейся Мужецкой волости.

В вышеназванной Писцовой книге содержится, в частности, описание бортных ухожьев¹ в Мужецкой волости Путивльского уезда. Приведены сведения о бортниках, иногда и о бывших владельцах ухожьев, которые помимо добычи меда и воска занимались здесь звериной охотой и рыбной ловлей. Описаны границы ухожьев, указано количество бортей с пчелами и без пчел, а также количество деревьев «холостцов», которые можно было бы использовать для изготовления бортей («делного дерева»).

Приводятся рисунки бортных знамен, которыми метились деревья конкретного владельца, сведения о количестве сдаваемого оброчного меда, а также пошлин за звериную и рыбную ловлю и продажу меда в денежном выражении. В заключении указываются имена поручителей в оброке и в пошлинах.

В качестве примера приводим описание одного из бортных ухожьев: «№ 103. За посадким человеком за Микулою Юрьевым сыном Бутовым бортной ухожей в Мужецкой волости на реке на Псле по обе стороны, да по речке по Рыбнице, и по речке по Каменице, по обе стороны по ровням и по бояракам с рыбной и звериной ловлею и з бобровыми гоны и со

¹ Ухожье – участок леса с бортными деревьями.

всякими угоды, что к тому ухожью изстари тягла. А знамя в том ухожью – ребра (*приведен рисунок знамени*), да знамя – треигла (*приведен рисунок знамени*). Судерев¹ тот ухожей с Микитою Стегнищевым, да с Михаилом Гречиным, да с Ондреем Логвиновым, да Степаном Валковым. Делново деревья со пчелами – семь дерев, да делново ж дерева безо пчел – сорок дерев, холостцов де, которые вперед в дело пригодятца – тех нечетно. Оброку с того ухожья бортного – пять пуд меду да куница, да на нево ж прибавлено в оклад пятнатцать гривенок меду да куница. Да с меду и с куницы и з бобровых гонов пошлины – по указу.

Порука в оброке и в пошлинах тоеж волости бортники: Ондрей Логвинов, Степан Валков, Яков Шулешкин» [6, л. 142–143].

Для занятия бортным промыслом, звериной и рыбной ловлей в этих местах было все необходимое: большие смешанные леса, чередующиеся со степными участками с разнотравьем, обилие рек, мелких речек, ручьев (колодезей) и полное отсутствие поселений. Бортники по соглашению с путивльским воеводой получали в свое пользование участки земли (бортные ухожья) с обязанностью платить за это оброк и пошлины с добытого меда, зверей и рыбы. Сам факт существования упомянутых ухожий интересен еще и тем, что описывает одну из форм колонизации южной окраины Московского государства начала XVII в. Более подробно эти вопросы освещены в работе Ю. А. Мизиса «Бортные ухожья как форма заселения и освоения южно-русского пограничья в XVI–XVII вв.» [7].

Образцы знамен (граней) бортных ухожьих Мужецкой волости. 1628 г. [6, л. 142–143].

¹ Судерев – смежно, по-соседству (авт.).

Восточная граница Мужецкой волости проходила по речке Пселец¹, от истока до ее впадения в реку Псёл. От устья Псельца граница волости пересекала Псёл и шла южнее до речки Солотины.

На юге граница Мужецкой волости проходила по водоразделу рек Ворсклы и Псла, откуда берут свое начало многочисленные речки – левые притоки Псла: две Солотины², Ивня, Студенок, Пена, Олэк³, Сухой⁴, Баброва⁵.

В Мужецкую волость, кроме описанной выше территории входил ещё и небольшой по размерам анклав, расположенный далеко на западе, примерно в 10 верстах ниже Путивля по течению реки Сейм, напротив перевоза Белые Берега. Земли этого бортного ухозя размером около 20 квадратных верст были отданы в 1626–1627 гг. царем Михаилом Федоровичем в оброк донским казакам, общим числом 136 человек, во главе с есаулом Гаврилой Еремеевым сыном Спицыным [6, л. 177–180].

Все это позволяет теперь с полным основанием утверждать, что Мужецкая волость располагалась на территории современного Курского края в верховьях реки Псёл и её притоков (на землях современных Беловского, Медвенского, Обоянского, Суджанского, Большесолдатского и Пристенского районов Курской области, а также части Ивнянского района Белгородской области).

И наконец, главное: удалось установить местонахождение центра Мужецкой волости – Мужецкого городища, которое, как оказалось располагалось рядом с современным селом Гочево Беловского района Курской области на Гочевском городище.

Данное упоминание Мужецкого городища, на наш взгляд, является ещё одним, весьма весомым аргументом в пользу уже упоминаемого нами предположения А. В. Зорина о том, что археологический комплекс «Царский дворец» Гочевского городища, возможно, является остатками древнего Мужеча, который встречается во многих исторических документах, начиная с тридцатых годов XV-го века.

В подтверждение вышесказанного приводим фрагмент текста из писцовой книги: «За бортником за Богданом Степановым сыном Жаковым, что преж того было за казаком за Степаном Матвеевым сыном Соколовым, да за посацким человеком за Тимошкою Федоровым сыном Бабком половина ухозя бортного в Мужецкой волости на реке на Псле по обе стороны, и по речкам по Рыбницам и по речке по Пене, по обе ж стороны, да по речке по Студенку, и по речке по Каменке по обе стороны Псла от Мужецкого городища и от Колпитцкой Прости...» [6, л. 174–175].

¹ Речка Запселец.

² Современные названия этих речек – Солотина и Солотинка.

³ Речка Илэк.

⁴ Сухой Колодезь – левый приток речки Илэк.

⁵ Речка Боброва.

Интересной особенностью Путивльской писцовой книги 1628–1629 гг. является то, что при описании границ бортных ухажьев авторы ее перечисляют в основном гидронимы (названия рек, речек и ручьев), очень редко встречаются упоминания о дорогах и совсем не упоминаются какие-либо селения, за исключением нескольких загадочных «избищ» и городища. Дело в том, что, как следует из описаний этой местности разных лет, здесь до конца 40-х годов XVII в. не было селений. Такие земли, расположенные вдалеке от населённых мест, в то время считались очень опасными для постоянного проживания и обрабатывались обычно «наездом». «Наездом» осуществляли свою деятельность и путивльские бортники.

Другой интересной особенностью была административно-территориальная принадлежность данной территории. Из описания в Путивльской писцовой книге 1628–1629 гг. можно было бы сделать однозначный вывод об административной подчинённости Мужецкой волости Путивльскому уезду. Однако, этому противоречит ряд фактов.

Так, одно из первых упоминаний о месте, где ныне стоит Обоянь, содержится в отказной грамоте царя Михаила Фёдоровича от 30 июня 1636 г. [8, с. 150–151], выданной по челобитной курских детей боярских Гаврилы Малышева и Федосея Малютина, которые просили у государя пожаловать им землю, расположенную в Курском уезде, в Подгороднем стане, на Обоянской пустоши. Из этого документа следует, что на пустоши в то время находились два городища и два селища при них. В устье речки Обояни, как раньше называли современную речку Обоянку, существовали два мельничных пруда. Далее от Обоянской пустоши вниз по реке Пслу до устья речки Трубеж лежали дикие (необработанные) поля и дубравы. Из того же документа узнаем, что здесь на землях, раскинувшихся от речки Трубежа до речек Псельца и Ольшанки, уже ранее находились поместья курских детей боярских Сафона Толмачева и Петра Гавриловича Зорина «с товарищи» [8, с. 151–152]. В 1646 г. по челобитью курского сына боярского Карпа Петровича Зорина ему был отмежёван земельный участок в 10 четвертей из «диких и порозжих земель» на речке Псельце [8, с. 174–175].

Отсюда можно сделать предположение о том, что в силу отсутствия постоянного населения в этих местах и отсутствия четких границ между станами Курского уезда и волостями Путивльского уезда эта территория находилась как бы в совместной административной юрисдикции перечисленных уездов. Признаться, такого мы раньше не встречали.

Еще одним аргументом в подтверждение нашего предположения может служить и сообщение курского воеводы И. Бутурлина 1638 г. о пленении татарами и бегстве из плена «переезжих черкас», отпущенных воеводой на реки Реут, Псёл и Рыбицу в «Гаховскую волость» для звериной и рыбной ловли [9, с. 264–266].

Известно, что село Гахово Обоянского уезда было основано только во второй половине XVII в. Хорошо известны все волости Путивльского уезда конца 30-х годов XVII в., среди которых Гаховской волости не было. Курский уезд того времени был разбит на станы, а не на волости. Таким образом, остаётся предположить, что Гаховская волость была в составе Рыльского уезда того времени.

В начале XVIII в. часть этой волости все еще продолжала числиться в составе Подгороднего стана Рыльского уезда. Так, Гаховская волость упоминается в 1708 г. при перечислении владений гетмана И. С. Мазепы в так называемом «Батурином архиве...»: «... да в Подгородном стану на рѣчке Івнице меж рѣчек той же Івницѣ и Порового Колодезя с урочищи дватцать пять чети, да в том же стану в Гаховской волости в пустоши Диком Полѣ от бѣлогороцкой дороги правая сторона меж дву рѣчек і в них і Порового Колодезя сто чети ...» [10, с. 365]. Там же, на следующей странице: «... Да что мнѣ поступился Герасим Артышков в подгородном стану за рекою Семью в Раховской¹ волости в пустоши, между дву рѣчек Суджи Быстрой і Ржавой, к речке Скородной в ход[...] [...]десять чети ...» [10, с. 366].

По встречающимся в описании гидронимам можно сделать вывод, что в этом документе речь идёт только о западной части Гаховской волости.

После создания Обоянского уезда и фактической ликвидации Мужецкой волости Путивльского уезда земли, ранее относившиеся к восточной части Гаховской волости Рыльского уезда, стали даваться в отказ обоянским детям боярским, а возникающие починки переходить в состав Обоянского уезда. Эта неопределённость в территориальной принадлежности земель продолжалась вплоть до 1670 г. – до времени окончательного размежевания Обоянского и нового Суджанского уездов. Отголоском и свидетелем этой неразберихи является дело «о спорной земле в пустоши речки Івница Гаховской волости Суджанской округи между суджанскими помещиками Н. Д. Дерюгиной и прапорщиком И. А. Киреевским» [11, л. 1–441], хранящееся в Госархиве Курской области.

Отсюда можно предположить, что часть земель, лежащих по рекам Реуту, Пслу, Гахову Колодезю, Рыбице и Суле, в силу отсутствия постоянного населения в этих местах и отсутствия четких границ между станами Курского уезда и волостями Путивльского и Рыльского уездов к середине XVII в. находились как бы в совместной административной юрисдикции перечисленных уездов.

Маловероятно, что история когда-нибудь откроет для нас все свои секреты, но, по крайней мере, благодаря новым находкам, удалось заполнить еще несколько белых пятен в истории Обоянского края и его

¹ Вероятно, описка писца. Правильно – Гаховская волость.

округи. В связи с этим можно только сожалеть, что на территории города Обояни и в его окрестностях до сих пор так и не были организованы и проведены хоть какие-то систематические археологические исследования и работы.

Сколько еще секретов и тайн хранит Обоянская земля и терпеливо ждет своих исследователей.

Источники и литература

1. Бабин И. П., Озеров М. М. Об основании и строительстве Обояни // Обоянь и обоянцы в отечественной и зарубежной истории и культуре: сб. материалов межрегион. науч. конф. (г. Обоянь, 21 апр. 2012 г.). Обоянь, 2013.
2. Липкинг Ю. А. Далекое прошлое соловьиного края. Воронеж, 1971.
3. Зорин А. В., Раздорский А. И. Приложение 1. Между Ордой и Литвой (XIII–XVI вв.). // Курский край. Порубежье. Курский край в XVII в.: в 20 т. Т. 6. Курск, 2001. С. 271.
4. Kotzebue, Anhang 2.
5. Русина Е. Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева Тьма. // Славяне и их соседи. Выпуск 10. Славяне и кочевой мир. / Б. Н. Флоря (отв. ред.) // URL: http://macedonia.kroraina.com/sl10/sl10_9.htm#45 (дата обращения: 09.03.2021 г.).
6. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 368. Л. 124 об. – 182 об.
7. Мизис Ю. А. Бортные ухозя как форма заселения и освоения южно-русского пограничья в XVI–XVII вв. // URL: <http://moscowstate.ru/bortnye-uhozhya-kak-forma-zaseleniya-i-osvoeniya-yuzhno-russkogo-pogranichya-v-xvi-xvii-vv/> (дата обращения: 27.03.2021 г.).
8. Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги / изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977.
9. Красноштанов Г. Б. На ленских пашнях в XVII веке: документальное повествование. Ч. 1. М., 2012.
10. Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. СПб, 2014. (№ 468. 1708 г., июня 9. – Универсал И. С. Мазепы обер-инспектору А. А. Курбатову на великороссийские имения).
11. Государственный архив Курской области. Ф. 122. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–441.

И. С. Ефремова

ФУНКЦИИ МАГИСТРАТОВ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ И ТЕКУЩЕГО УЧЕТА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Во все времена налоговые поступления составляли фундамент государственных доходов. До реформ 1775–1785 гг. основным распорядителем городских финансов являлись магистраты [1, с. 199]. С принятием «Учреждений» их полномочия перешли к системе специализированных инстанций. Финансовую пирамиду возглавляла

казенная палата, контролировавшая приходо-расходные манипуляции и учет демографических событий. На губернском и уездном уровнях хранение и ассигнование средств находились в ведении казначеев [2, с. 241]. Исполнительные манипуляции по сборам – концентрацию средств и назначение поверенных – в городах осуществляла община [3, с. 261]. Материалы ф. 108 «Курский городской магистрат» и ф. 236 «Обоянский городской магистрат», состоящие на хранении в Государственном архиве Курской области (далее – ГАКО), ставят под сомнение тезис о полной ликвидации финансовых полномочий судов [4, 5]. Согласно документам, они не только разбирали жалобы о злоупотреблениях сборщиков, но и контролировали приходо-расходные манипуляции [2, с. 241].

Роль магистратов в стабилизации городского тягла неоднократно обсуждалась в историографии. Помимо акцента на экономике, в работах И. И. Дитятина, В. О. Ключевского, А. О. Плошинского, Б. Н. Чичерина рассматривалось их влияние на юридизацию сословий [6, с. 236; 3, с. 270; 7, с. 118; 8, с. 386]. Принадлежность к социальной корпорации характеризовалась специфическим набором прав и обязанностей. Ключевую позицию среди последних занимали натуральные и денежные повинности [9, с. 76]. Городское тягло имело две формы: платежную и барщинную [2, с. 109]. Последняя проявлялась в виде службы при казенных (государственных, коронных) и гражданских (местных) сборах [10, с. 172, 174]. Порядок замещения должностей и финансовое обеспечение кадров при этих системах различались. Коронные поверенные служили на основании откупных контрактов, а гражданские «на вере» [10, с. 322]. Первый способ был более выгодным, так как позволял сборщику заработать на повышении оклада [10, с. 323]. Во втором случае служащий на год оставлял коммерцию, работая на безвозмездной основе [10, с. 171]. Казенные должности считались неочередными, а в отношении гражданских действовала круговая порука [4, л. 89]. На основании ведомостей о семейном и материальном положении горожан они вписывались в очередь 1-го, 2-го или 3-го порядка. Поскольку тяглая служба вредила коммерции, «семьянистые» и «капиталистые» чаще других попадали под раскладку [10, с. 325]. В дополнение к местным службам существовали выездные. Если в городе проживало менее 10 тыс. жителей, казенная палата запрашивала чиновников из многонаселенных центров. Например, в сентябре 1780 г. белгородцы дополнительно избрали счетчиков для Корочи, Рыльска и Старого Оскола [11, л. 1].

Компетенции магистратов в отношении налогов можно разделить на прямые, связанные с судейством, и косвенные, обусловленные вмешательством в кадровые, финансово-накопительные и денежно-распределительные вопросы. С юридической стороны они защищали горожан от несправедливой раскладки служилой повинности и произвола сборщиков. Очередность негативно сказывалась на качестве кадров.

Сборщиками часто становились люди, склонные к девиантному поведению и злоупотреблениям. Например, обоянский корчемный сборщик М. С. Жеребцов устраивал пьяные дебоши в питейных домах [12, л. 6], а его коллега П. Е. Булгаков незаконно продавал вино прихожанам церкви Рождества Пресвятой Богородицы г. Обояни [13, л. 337]. За подобные проступки полагался арест на трое суток, после чего работа продолжалась, так как заменить провинившегося было некем [13, л. 133]. Многие пытались компенсировать личные убытки за счет коррупции и воровства. Например, в 1794 г. поверенный у питейных сборов М. С. Жеребцов «за магарыч» [12, л. 2] пособничал незаконному кормчеству соцкого д. Полная Обоянского уезда Георгия Асеева [12, л. 3], а таможенный целовальник Тит Гайдуков, присвоив половину дохода, попытался скрыться [13, л. 67]. Многие жалобы касались нарушений правил раскладки. Например, в марте 1781 г. в Путивльский городской магистрат обратился купец Иван Егорьевский. Торговец обвинял местного ратмана Рожнова в злоупотреблении должностным положением. При назначении соляных сидельцев судья уговорил сход обойти очередь его брата, в результате чего выбор пал на потерпевшего. Заверения истца, что его отец и дядя еще не завершили выездных служб, магистрат проигнорировал, приняв сторону Рожнова. В итоге, дело передали на апелляцию в Курский губернский магистрат, который наложил на присутствие штраф в размере 30 руб. с занесением проступка в личные дела судей [14, л. 143–144]. При предъявлении достаточных оснований многие процессы заканчивались пересмотром назначений. Так, 15 марта 1785 г. избранный к подушному сбору обоянский мещанин П. Т. Такорев из-за бездетности был заменен мещанином Стебаковым [14, л. 21], а обоянец И. П. Булгаков уволен из счетчиков вследствие малограмотности [14, л. 33].

Косвенные полномочия проявлялись в ведении учетных книг, контроле за сборщиками, участии в откупных операциях и переписке с казначейством по вопросам перевозки и распределения средств. Рассмотрим на примерах. Денежные сборы делились на окладные, неокладные и общественные [14, л. 1]. Коммерческие взносы и пошлины причислялись к числу **неокладных**. Для их взимания назначались голова, ларечные, сидельцы, старосты рядов и целовальники [15, л. 1]. Контролировал их гражданский староста, отчитывавшийся перед магистратом [15, л. 18]. Последний выдавал сборщикам *белые книги* для записи прихода и расхода и отправлял заполненные экземпляры в казначейство [15, л. 1]. Казенные сборы (винный, табачный, соляной), как правило, сдавались на откуп. В таких случаях магистрат мог выступать и как юридическое лицо, с которым заключался контракт, и как аукционист, проводивший продажу права на откуп [15, л. 4, 5]. Стартовый оклад устанавливался государством и являлся суммой, обязательной к погашению. Остаток шел на оплату услуг сборщика [16, л. 1]. При

заключении контракта максимально защищались интересы государства. От соискателей требовались сведения о капитале и характеристика личности. Последнюю посредством повального опроса горожан составлял староста. Так, об обоянском соляном сборщике Б. Захарове городской сход высказался как о «...человеке благонадежном, пожиточном и добропорядочном...» [17, л. 1 об.]. На отборе кадров магистратский контроль не заканчивался. Присутствие еженедельно требовало отчеты о работе винных и соляных магазинов. Ревизорами выступали общинные поверенные. Судей интересовало не только количество наличной и реализованной продукции, но и ее качество и ассортимент. Так, в июле 1784 г. содержатель курского герберга № 2 мещанин А. Н. Можайкин был лишен предпринимательского права за незаконную продажу французской водки [13, л. 380, 383 об.]. За тот же проступок в 1779 г. курский купец Понятовский отделался штрафом в 10 руб. [18, л. 188] Штрафные деньги передавались в казначейство, откуда выдавалась *квитанция* об их записи в приход [18, л. 194]. За право заниматься кормчеством уплачивался налог, сумма которого составляла 50 руб. [13, л. 380 об.] За первичную неуплату взноса торговцы штрафовались, а за повторное нарушение лишались предпринимательского права [18, л. 383].

Подушный налог (мещанский 40-алтынный и гильдейскую подать) собирали окладные сборщики, служившие «на вере». Ожидаемая сумма рассчитывалась по *ведомостям «О составе купечества и мещанства с показанием капитала...»* и резюмировалась в *расписаниях* [18, л. 385]. На губернском уровне учет ревизских душ осуществляла казенная палата. В городах перепись населения вели гражданские старосты с помощниками. Собранные сведения они передавали в магистрат, который оформлял их в ведомости, отсылавшиеся в палату. Сводки подавались с 1 декабря текущего года по 1 января следующего [19, л. 42–43 об.]. Информация носила общий («*Именные списки купцов и мещан с семействами...»* [20, л. 6–7 об.], списки «*О купцах и мещанах с показанием личностей...»* [20, л. 3, 4] и т. п.) и категориальный характер (по категориям населения). К последним относились ведомости о гильдейцах, цеховых, мастеровых, раскольниках, новоприбывших, иностранцах, убылых и лицах, состоявших в двойном окладе. Окладной налог взимался в два этапа: с 1 января по 1 марта и с 1 октября по 15 декабря [19, л. 42]. При расчете сбора учитывалась общая численность городской корпорации и показатели ее отдельных категорий за вычетом выбывших. Сборщикам вручалось *расписание* ожидаемой суммы, недополучение которой требовалось объяснить. Основными причинами недостачи были отсутствие плательщика по месту прописки и ошибки при подсчете душ. По указу от 28 июля 1775 г. в случае отъезда коммерсанты назначали поверенных для уплаты сбора. Юридически замена подкреплялась *верющим письмом*, подписанным нотариусом [21, с. 188–189]. Так, в 1784 г. курский купец

Б. А. Ковалев написал *расписку*, что заплатит процентный сбор за своих отца и брата [19, л. 28]. При кратковременной отлучке доимка взималась по прибытии плательщика [19, л. 34]. При продолжительном отсутствии, долг взыскивался через суд. Например, 23 сентября 1781 г. Курское наместническое правление приказало воронежскому губернатору взыскать с курского купца И. Ф. Башкарева, жительствовавшего в г. Бирюче, капитальные деньги и отослать в Курский городской магистрат [19, л. 35].

Чтобы не допустить ошибок при начислении оклада, магистрат тщательно фиксировал операции, связанные с изменением гражданского статуса. К таковым относились прием и исключение из общины, переход из мещан в купцы (или наоборот) и манипуляции с членством в гильдейских и цеховых организациях. Вступление в городскую корпорацию осуществлялось по нескольким алгоритмам, зависящим от первоначального статуса просителя. Стандартным условием было объявление необходимой суммы капитала. Для мещан таковая устанавливалась в пределах 500 руб., а для купечества варьировалась от 1 тыс. до 50 тыс. [22, с. 364]. При переходе из одной общины в другую посредниками выступали наместнические правления. Если речь шла о единичном приеме, подавалось индивидуальное прошение, а в случае коллективной приписки к делу подключалась казенная палата. В челобитье указывалась сумма наличного капитала и готовность вступить в оклад. Например, в прошении от 9 марта 1780 г. валуйский мещанин М. И. Терехов писал: «...за именем капитала в 550 руб. желаю быть в курском купечестве и, будучи в оном, положенный процентный сбор по мере постановленной для каждой гильдии суммы платить...» [4, л. 744]. От магистрата требовалось идентифицировать личность просителя и проверить наличие задолженностей [4, л. 745]. В каждом суде хранились общие списки «*Партикулярных банкротов, находящихся в работах и сколько осталось выработать суммы...*» и поименные сводки должников [23, л. 14–15 об.]. После проверки информации купец приносил клятвенное обещание в соборной церкви и получал паспорт [4, л. 746, 747]. Помимо сведений о капитале требовались доказательства о занятии коммерцией или владении ремеслом [22, с. 366]. Частой причиной внутриобщинного перехода являлось изменение коммерческих возможностей. Так, 18 января 1780 г. обоянский мещанин Л. Родионов из-за покупки лавок в Харьковском наместничестве просил о переводе в изюмское мещанство [5, л. 4]. Если в общину вступал иностранец, от него требовали справку о благонадежности, которую выдавала полицейская управа [5, л. 3]. Так, 21 июля 1782 г. малороссиянин В. А. Котлерев предоставил аттестат о владении ремеслом от алдермана московского ювелирного цеха и письмо от городничего, что он «...поведения благопристойного...» [4, л. 67]. Бывшие владельческие крестьяне предъявляли копии *отпускных писем* [18, л. 56], церковники – справки из воеводской канцелярии и духовного

правления об отсутствии казенных и партикулярных долгов [13, л. 234]. Вступление в цех или гильдию также регистрировалось в магистрате. Гильдейцы и цеховые платили специальные взносы, поэтому казенная палата учитывала их отдельно [18, л. 45].

Потребность в дополнительных средствах удовлетворялась за счет **общественных сборов** [4, л. 20]. Некоторые взимались на постоянной основе, например, налог на обеспечение служащих или поставку рекрут, другие определялись по необходимости. Так, 21 декабря 1780 г. куряне учинили сбор на строительство ворот на Большой Московской дороге. Для каждой категории граждан сумма взноса рассчитывалась индивидуально. Например, с купцов 1-й гильдии за мост взяли по 60 коп., с 3-й – по 15, а с мещан – по 5 [18, л. 216]. Накладные сборщики финансировались из общинной кассы [18, л. 217].

К числу **натуральных повинностей** относились служилая, рекрутская, квартирная и продовольственная. Первая проявлялась в замещении казенных должностей, а три последних – в обеспечении обороноспособности государства. Призывная политика восполняла людские ресурсы, а сбор провианта и выделение жилья обустроивали армейский быт. Размещение солдат входило в перечень вопросов местного значения [2, с. 310]. К каждой губернии приписывался полк, за квартирование и снабжение которого отвечали губернаторы, городничие и магистраты. Полковое руководство запрашивало у казенной палаты необходимое количество жилых и хозяйственных построек, а также лошадей, овса и провианта [4, л. 726]. Палата оповещала наместническое правление, которое приказывало магистратам и городничим обеспечить исполнение указа. Через градского голову и старост они распределяли повинность, учитывая материальное и семейное положение общинников [4, л. 730]. Квартирная повинность и армейские сборы вызывали недовольство [4, л. 728]. Не случайно на городском сходе 6 марта 1780 г. куряне просили о переводе севского полка в другую местность из-за «...стеснения жителей» [4, л. 727]. Оценив обстановку, Курский городской магистрат приказал городничему Балобонову освободить от постоя малообеспеченных и многодетных граждан [4, л. 728]. Для армейской конницы горожане жертвовали часть общественных сенокосов или предоставляли фураж из личных запасов [4, л. 729]. Например, весной 1781 г. кавалерии севского полка выделили 20 сажень разнотравья за р. Тускарь [18, л. 523].

При рекрутском наборе каждому городу вручался указ с указанием количества солдат. Специальное отделение казенной палаты (рекрутское присутствие) рассчитывало его путем сопоставления данных последней ревизии и статистических сводок из магистратов [23, л. 8–9]. Отбор кандидатов осуществлялся на городском сходе под контролем городничего. Анализ ведомостей Курской казенной палаты показывает,

что ежегодно из центров наместничества призывалось не более 10–11 рекрут [24, л. 438 об. – 439, 449 об. – 450]. Из-за опасности службы рекрут исключали из налоговой раскладки, внося в графу «убылых» наряду с умершими и увечными [24, л. 475]. Положительной стороной была возможность избавиться от маргинальных элементов. Наместническое правление предписывало первыми рекрутировать пьяниц, распутников и других личностей, «...обществу не полезных» [24, л. 48]. В противном случае им грозил смиренный дом, что считалось менее пристойным. Неслучайно мещанка К.Н. Маслова просила о зачислении в рекруты ее «...погрязшего в распутстве...» [4, л. 119] сына. А купец Картамышев посредством службы пытался спасти брата от долговой ямы [14, л. 23]. Для горожан, не имевших доходов, служба становилась единственным способом удовлетворения кредиторов, поскольку долги рекрут погашала община. Например, 10 ноября 1780 г. в Курский городской магистрат поступил рапорт от гражданского старосты И. Машнина, что «...подушные и штрафные деньги, причитавшиеся с рекрута Евдокима Богданова, взяты у сборщика доимочных денег Данилы Климова и отданы в казну» [4, л. 761]. До отправки в действующие части новобранцы содержались в магистратской тюрьме, закованные в железо [4, л. 767], а к присяге приводились под конвоем [4, л. 768]. Призывная кампания вызывала массу сложностей, усугублявшихся нарушением закона. За защиту интересов купцов и мещан отвечал первый (уголовный) департамент губернского магистрата [14, л. 20].

Таким образом, в последней четверти XVIII в. городские магистраты играли заметную роль в реализации налоговой политики. Их деятельность проявлялась в надзоре за работой сборщиков, участии в откупках налоговых статей, раскладке повинностей и фиксации изменений в составе городской корпорации. Запись или исключение из городского гражданства, зачисление в цех или гильдию считались недействительными без одобрения в магистрате. О решениях посадского схода гражданский староста и градской голова оповещали суд, который выписывал итоговое определение. На выборах поверенных у сборов обязательно присутствовал ратман, заверявший баллотировочный лист. Если кандидатура сборщика или соискателя на вступление в посад не отличалась благонадежностью (казенные долги, частое привлечение к суду), магистрат заставлял общину изменить свое мнение. Высшей инстанцией, перед которой городские суды отчитывались по фискальным вопросам, была казенная палата. Через наместническое правление она запрашивала сведения об изменениях в составе горожан и рассылала распоряжения об очередных налогах. За транспорт денег в казначейство отвечал ратман. Кроме того, городничие и органы самоуправления согласовывали с магистратами расход средств, выделяемых на благоустройство городов, подавление эпидемий и выплату пособий.

Источники и литература

1. Регламент Главного магистрата от 21 января 1721 г. № 3738 // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. III. С. 297–302.
2. Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 г. № 14392 // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. Т. XX. С. 229–375.
3. Ключевский В.О. Лекции по русской истории: соч. в 3 ч. СПб.: Тип. В. О. Киршбаума, 1902. Ч. II. 339 с.
4. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 108. Оп. 8. Д. 88.
5. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 24.
6. Дитятин И.И. Устройство и управление городов России: соч. в 2-х т. СПб.: Тип. П. П. Меркульева, 1875. Т. I. Города России в XVIII столетии. 507 с.
7. Плошинский А.О. Городское, или среднее состояние русского народа, в его историческом развитии, от начала Руси до новейших времен. СПб., 1852. 286 с.
8. Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII в. М., 1856. 591 с.
9. Толстой Д.А. История финансового управления России со времен основания государства до кончины императрицы Екатерины II. Сочинение. СПб., 1848. 267 с.
10. Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. / А. А. Кизеветтер. М., 1903. – VI, 810 с.
11. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 60.
12. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 607.
13. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 339.
14. ГАКО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 7.
15. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 16.
16. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 464.
17. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 11.
18. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 171.
19. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 536.
20. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 25.
21. Указ Сената от 28 июля 1775 г. № 14351 «О объявлении купцам капиталов по гильдиям, в случае отлучки, через верющие письма» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. XX. С. 188–189.
22. Грамота на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г. № 16188 // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45 т. СПб., 1830. Т. XXI. С. 358–384.
23. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 1937.
24. ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 338.

О. Н. Аргунов, А. С. Гончаров, А. Н. Манжосов

**«МОСТЫ, ПОСТРОЕННЫЕ ПОД ЕГО РУКОВОДСТВОМ,
ОКАЗАЛИСЬ НЕОБЫЧАЙНО ПРОЧНЫМИ...»
(К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ
РУССКОГО УЧЕНОГО-МОСТОСТРОИТЕЛЯ
Д. И. ЖУРАВСКОГО)**

Выдающийся русский инженер и ученый в области мостостроения Дмитрий Иванович Журавский являлся создателем теоретических расчетов в мостостроении, автором проектов больших мостов на первой русской железнодорожной магистрали Петербург – Москва. Его теоретические расчеты основывались на отлично разработанной к тому времени классической механике.

Генерал-инженер Дмитрий Иванович Журавский (1821–1891)

Оценивая роль Дмитрия Ивановича Журавского в развитии научной теории мостостроения, его личный вклад в сооружение мостов на железных дорогах России в 1840-е – 1870-е годы, должно привести образное высказывание В. Г. Белинского о том, что «первые действователи на любом поприще никогда не должны забываться, ибо они – суть лица исторические» [1, с. 66].

Творческая, научная и практическая деятельность российского мостостроителя Д. И. Журавского полностью характеризуется цитатой из публикации российского технического журнала «Железнодорожное дело» за 1897 год.

Так, журнал Русского технического общества «Железнодорожное дело» подчеркивал, что «всякому служению необходимо и должно предшествовать знание, соединенное с любовью к делу. Чем более любви и понимания дела, тем оно лучше и успешнее свершается и тем более нисходит на него благословление Божие...».

Несмотря на то, что за 150 лет было опубликовано значительное количество различных исследований о жизни и научной деятельности Д. И. Журавского [4, с. 58; 13, с. 62, 70, 82, 86; 14, с. 66; 30, с. 123], в том числе и в региональной литературе [5, с. 53–55; 8, с. 63–73; 15, с. 132–133], некоторые страницы его биографии нуждаются в детальном исследовании и уточнении [15, с. 42].

Дмитрий Иванович Журавский родился 17 (29) декабря 1821 года в Курской губернии.

До настоящего времени среди историков и краеведов ведутся споры о точном месте его рождения.

Так, в центральной региональной печати указывается несколько мест его рождения. В Большой Российской энциклопедии (БРЭ) – это село Белый Колодезь Щигровского уезда Курской губернии (ныне – Колпнянский район Орловской области), в Российской энциклопедии – село Белое Курской губернии. Имеются указания о рождении Д. И. Журавского в селе Белый Колодезь (ныне Золотухинского района), а также явно ошибочное суждение – в слободе Белой (ныне – административный центр Беловского района Курской области) [15, с. 42; 28, с. 133]. Однако, изучение сохранившихся неполно метрических книг Щигровского и Фатежского уездов показало, что антропоним «Журавский» не был характерен для данных местностей, в связи с чем можно предположить, что предки Д. И. Журавского были не из Курской губернии.

Однако детство Дмитрия Ивановича прошло в местечке Мрин на реке Остер, что в 25 км к западу от Нежина, в семье родителей. В восемь лет его приняли во 2-й класс Нежинской гимназии высших наук князя А. А. Безбородко. До конца 1820-х годов в гимназии главное место занимали гуманитарные и юридические дисциплины, но в 1832 г. ее преобразовали в физико-математический лицей. Среди профессоров лицея выделялся профессор чистой математики К. Я. Купфер и профессор прикладной математики К. А. Будзынский. Вот как вспоминал его Д. И. Журавский: «Константин Андреевич был профессором наиболее любимым и уважаемым студентами лицея, что я могу засвидетельствовать, как бывший его слушатель... Хороший выбор руководств и особенно

ясность изложения делали его лекции драгоценными для слушателей. Профессор П. И. Собко говорил мне, что он прочным началом изысканий своих в математических науках обязан Константину Андреевичу, и с особенным удовольствием вспоминал всегда его лекции дифференциального счисления».

Д. И. Журавский учился прилежно, проявляя особенную склонность к математике. Он окончил лицей в 1838 г. В списке выпускников его фамилия стояла первой по успехам. Склонность к математике, а также пример его старших товарищей по лицейю П. И. Собко и Н. И. Миклухи (отец знаменитого путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая) определили дальнейший путь Дмитрия Ивановича [12, с. 49].

В 1839 г. он поступает в Петербургский институт корпуса инженеров путей сообщения. Как окончившего физико-математический лицей, его принимают в 3-й класс (а всего в институте было 6 классов). В это время во главе института стояли: директор – выпускник 1813 г. А. Д. Готман, его помощник по учебной части Я. А. Севастьянов – профессор по начертательной геометрии. Учителями Д. И. Журавского были выдающиеся ученые М. В. Остроградский, П. П. Мельников, В. Я. Буняковский, М. С. Волков, А. Я. Купфер, Г. И. Гесс.

Наибольшей популярностью у воспитанников пользовался академик Михаил Васильевич Остроградский, который читал курс аналитической механики. Вот как об этом в своих воспоминаниях рассказывал инженер В. А. Панаев (выпускник института 1844 г.): «Все серьезно занимавшиеся молодые люди ждали всегда лекции Остроградского с лихорадочным нетерпением, как манны небесной. Слушать его лекции было истинным наслаждением, точно читались нам высоко поэтические произведения. Он был не только великий математик, но, если можно так выразиться, философ-геометр, умевший поднимать дух слушателя. Ясность и краткость его изложений были поразительными; он не мучил выкладками, а постоянно держал мысль слушателя в напряженном состоянии относительно сущности вопроса. Всеми мерами он старался, чтобы слушатели следили за ним и могли понимать его: для этого, когда какой-нибудь вопрос обнимал несколько лекций, он начинал всегда с резюме всего уже высказанного о вопросе в прежних лекциях и затем уже шел далее» [27, с. 132].

Теоретический курс М. В. Остроградский стремился сочетать с практической (прикладной) механикой и строительным искусством. П. П. Мельников же, преподававший прикладную механику, увязывал свой курс с теоретической механикой и высшей математикой.

Академик В. Я. Буняковский читал курс дифференциального и интегрального счисления и, по словам В. А. Панаева, «был настоящим лектором со всех сторон, даже по внешности, имея привлекательную, но

строгую наружность, обличающую мыслителя. Он читал с поразительной ясностью и отчетливостью...» [26, с. 215].

Основные руководители специальных дисциплин профессора П. П. Мельников и М. С. Волков (первый русский профессор строительного дела), их помощники С. В. Кербедз, Н. Ф. Ястржембский, Н. И. Липин и В. Д. Евреинов, опираясь на прочные знания фундаментальных наук своих воспитанников, на свой практический опыт, опыт строительства железных дорог в зарубежных странах, сумели подготовить высококвалифицированных инженеров. Они стали участниками постройки первой отечественной железнодорожной магистрали Петербург – Москва и других дорог. Впоследствии многие ученые и историки относили Д. И. Журавского к числу наиболее способных учеников П. П. Мельникова [4, с. 56–59; 17, с. 21].

«И смело можно сказать, – писал в своих воспоминаниях выпускник института 1839 г. В. А. Киприянов, – что... русские инженеры как строители оказались более сведущие, чем инженеры иностранные, нахлынувшие в Россию первоначально по призыванию Главного общества железных дорог» [12, с. 51; 13, с. 82].

Д. И. Журавский блестяще окончил институт в 1842 г., поэтому его имя, первого по успехам, было занесено на мраморную доску.

Подполковник-инженер Д. И. Журавский (1845)

После окончания института его направляют на изыскания железной дороги Петербург – Москва. Его приверженность, преданность делу, хорошая инженерная подготовка, глубокие знания были замечены руководителем строительства П. П. Мельниковым, и он привлекает его к проектированию мостов – наиболее технически сложной группы сооружений – вместе с В. И. Граве и С. Ф. Крутиковым.

На железнодорожной магистрали Петербург – Москва нужно было построить быстро, экономично, надежно более 180 мостов.

Д. И. Журавского привлекла ферма оригинальной конструкции проектных строений американского инженера Вильяма Гау (1803–1852) из сжатых деревянных раскосов и растянутых железных тяжей. Система фермы подкупала своим совершенством, и мостовики терялись в догадках, почему испытания ее оказывались неудовлетворительными. Между тем порок фермы В. Гау заключался в том, что все раскосы были сделаны одинакового сечения [10, с. 139, 555; 11, с. 226–227].

Секрет этот раскрыл Дмитрий Иванович Журавский, который, еще будучи студентом, удивился, что мосты строят не по расчету, а по интуиции. Поэтому аварии и крушение мостов за границей были обычным явлением.

В США в то время ежегодно рушилось до 25 мостов. В 1811 г. рухнул мост в Филадельфии, в 1833 г. – в Брайтоне. И даже после восстановления они продержались недолго. Позже крупная катастрофа произошла в Шотландии. Зимней ночью не выдержал тяжести поезда и рухнул в реку 3-километровый Тейский мост. Погибло более 200 человек. Трагедия разыгралась вскоре после открытия движения по мосту и глубоко потрясла общественность. Ведь сооружение это, построенное Т. Баушем в 1878 г., считалось одним из величайших технических достижений [12, с. 52; 26, с. 217].

Главная причина разрушения мостов крылась в том, что, руководствуясь интуитивным представлением о прочности материалов, инженеры подбирали элементы конструкций одного сечения по всей длине пролета. Никто не подозревал, что сечение должно строго соответствовать нагрузке. Лишь тогда пролетное строение обретает равнопрочность. Он вычислил, что ближе к опорам увеличивается нагрузка на вертикальные тяги и раскосы. Это позволило облегчить мост, делая элементы ферм разной толщины в зависимости от их расположения [21].

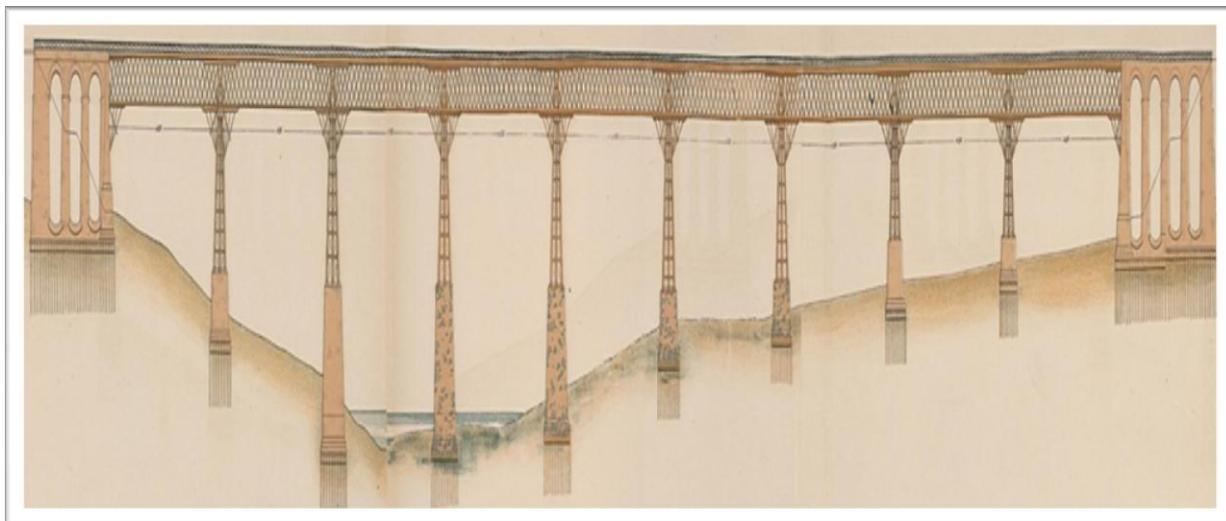
Творцом таких ферм и стал Д. И. Журавский. Весь мир с благодарностью принял «русские фермы». Теория касательных напряжений навсегда вошла в учебники как «теорема Журавского».

Впервые в мировой практике мостостроения Д. И. Журавский, в противовес эмпирическому подходу, ввел теоретические расчеты при сооружении мостов. Он занялся определением усилий в элементах раскосных ферм В. Гау, впервые создал теорию их, расчета и тем самым

утвердил приоритет русских ученых в области мостовой науки. Более того, Журавский установил, что система инженера Гау без всяких оснований называется американской. В действительности же это русская система, она была изобретена значительно раньше, в конце XVIII в. русским механиком-самоучкой Иваном Кулибиным.

Д. И. Журавский следующим образом охарактеризовал изобретение раскосной системы Ивана Кулибина: «На ней печать гения; она построена на системе, признаваемой новейшею наукою самою рациональною; мост поддерживает арка, изгиб её предупреждает раскосная система, которая, по неизвестности того, что делается в России, называется американскою». 40 лет спустя американский инженер В. Гау русскую раскосную систему Кулибина применил в мостостроении. Детальное научное исследование вопросов мостостроения позволило Д. И. Журавскому заявить: «Исследование балок, состоящих из брусьев, раскошенных и связанных между собой, было сделано в России прежде, чем о том было напечатано на английском, французском или немецком языках...» [22, с. 55].

Д. И. Журавский свою теорию расчета опубликовал в ряде статей в журнале Главного управления путей сообщения за 1850–1852 гг., а впоследствии в изданной в 1855 г. монографии «О мостах раскосной системы Гау». В США и в странах Западной Европы таких работ не было. Опубликованная в 1851 г. статья немецкого инженера К. Кульмана (1821–1881) была первой статьей в иностранной литературе, посвященной этому вопросу, но она касалась определения усилий только в однопролетной ферме, в то время как разработанная Журавским теория была уже применена и проверена на практике при проектировании однопролетных ферм при постройке ряда мостов на Петербург-Московской дороге и в 1848 г. при проектировании неразрезных ферм моста через Веребьинский овраг.

Проект моста через Веребьинский овраг (1848)

Следует отметить, что творческие искания Д. И. Журавского происходили в условиях игнорирования достижений русских инженеров со стороны ведомства путей сообщения царской России. Так, возглавлявший тогда путейское ведомство граф П. А. Клейнмихель на рапорте П. П. Мельникова об издании отдельной книгой научного труда Д. И. Журавского написал: «Убрать к делам канцелярии». И только через несколько лет, в 1855 году, было осуществлено издание этого выдающегося научного труда Журавского [22, с. 56].

Д. И. Журавский выполнил огромную работу по созданию теории расчета раскосных ферм. Дмитрий Иванович использовал эту теорию для проектирования пролетных строений всех мостов с раскосными фермами на Петербург-Московской магистрали, таких как через Мсту – 9 пролетов по 61,17 м, через Веребьинский овраг – 9 пролетов по 54,41 м, через Волхов – 5 пролетов по 51,21 м, через Волгу у Твери – 3 пролета по 53,74 м и др. Всего в период с 1843 по 1851 г. на дороге было построено 183 моста и 19 путепроводов. Сооружение больших мостов осуществили ученики П. П. Мельникова: Волховского – В. И. Граве, Мстинского – С. Ф. Крутиков, Волжского – Н. Н. Антонов. Строительством сложнейшего Веребьинского моста руководил сам Д. И. Журавский. Мосты, запроектированные и построенные под его руководством, учениками его школы, оказались необыкновенно прочными и простояли до замены их металлическими.

Отступление от фермы В. Гау заключалось в том, что Д. И. Журавский впервые в мире применил на Веребьинском мосту неразрезные решетчатые фермы, 9 пролетов длиной по 54,3 метра, которые перекрывали пролеты, не прерываясь над быками [10, с. 139; 13, с. 82, 86].

По конструктивным соображениям предусматривалось постоянное сечение поясов ферм по всей длине, в то время как в однопролетных конструкциях сечение могло быть использовано полностью только в середине пролета. Для мостов больших пролетов Д. И. Журавский предложил использовать балочную неразрезную систему, обеспечивавшую рациональное использование материала поясов.

На основе проведенных исследований Д. И. Журавский дал рекомендации и разработал проекты деревянных мостов через все реки на трассе Петербург – Москва. Было разработано 5 групп пролетных строений длиной от 16,4 до 60,8 метров. Пролетные строения всех мостов несли деревянные многорешетчатые неразрезные фермы, образуемые наложением друг на друга простых треугольных решеток. Это существенно повышало прочность сжатых элементов [13, с. 227].

При расчете ферм Д. И. Журавскому приходилось одновременно заниматься исследованием прочности строительных материалов. Нам теперь это трудно себе представить, но никаких сведений о свойствах, скажем, русских лесных пород тогда не было. И каждый инженер

руководствовался своим опытом и догадками при использовании того или иного материала. Дмитрий Иванович Журавский поставил исследование материалов на научную основу, создал специальную лабораторию, разработал стройную систему методов испытания.

Полученные данные Д. И. Журавский доводил до сведения управления строительством железной дороги Петербург – Москва. Эти данные распространялись по всей стройке [18, с. 38, 41].

«Я любил некогда любоваться роскошествами нашей земли, – писал он в одном из писем. – Сосны, ели, дубы радовали мое сердце и звали в родные леса. А ныне дерево для меня лишь строительный материал, который я испытываю машинами на силу прочности и, глядя на него, решаю: то ли его на сваю, то ли на раскос...»

Летом 1850 г. строительные работы на Веребьинском мосту были закончены и проведены его испытания. Испытательный поезд состоял из двух паровозов и четырнадцати груженых вагонов. Наибольший прогиб фермы составил менее 12 мм.

После этого по приказу П. А. Клейнмихеля привели «местность у моста в правильный вид». Это потребовало больших работ: засыпки всех неровностей, устройства водоотводных канав, их мощения, покраски опор под цвет кирпича, покраски ферм, мощения берегов Веребьи, отмостки вокруг опор камнем, устройства лестниц вдоль устоев и дорожки вдоль моста шириной более 2 м, длиной 330 м, пешеходного мостика через Веребью и др. В августе 1851 г. по еще не открытой для движения поездов магистрали проехал царский поезд. Для проверки надежности дороги за три дня до этого по ней пропустили из Петербурга в Москву воинский эшелон с двумя батальонами солдат [13, с. 55; 26, с. 219].

При пропуске императорского поезда через Веребьинский мост произошло происшествие. Некоторые журналисты и современники увидели в этом «промысел» Д. И. Журавского, который, якобы будучи обиженным П. А. Клейнмихелем, «задумал насолить ему и решился самопроизвольно и нагло остановить царский поезд на построенном им мосту».

Это утверждение не имело никаких оснований. А произошло, по описанию известного ученого, председателя Инженерного совета МПС Российской империи (1892–1908), В. В. Салова, следующее: «Перед всяким большим мостом императорский поезд останавливался; государь со свитой выходил из поезда, спускался к реке и оттуда любовался проходом поезда на мосту. На Веребьинском овраге... мост был построен на крутом уклоне дороги. Для большей красоты мостовой мастер окрасил железные рельсы черной масляной краской. Ко времени прохода поезда масло не успело еще высохнуть, и как только паровоз вступил на мост своими колесами, он не мог поднять в гору поезда за недостатком сцепления между его колесами и рельсами. Колеса вертелись на месте (буксовали),

паровоз же, а вместе с ним и поезд оставались неподвижными. Встревоженные путешественники удивлялись такому бессилию паровоза...».

Только соскочив на путь, машинист обнаружил причину буксования колес, рельсы посыпали песком и золой, поезд двинулся вперед и, пройдя мост, остановился.

По мнению В. В. Салова, «нет надобности прибавлять, что не в меру усердный мостовой мастер окрасил рельсы без ведома строителя моста Журавского» [12, с. 55].

«Научные исследования Д. И. Журавского, как и его практическая деятельность, отличались смелостью, оригинальностью и самостоятельностью, – подчеркивал профессор Н. М. Беляев. – Для него характерно умение ясно представить себе действительную картину работы конструкции, “игру сил” в ней. Это позволяло ему обходиться без сложного математического аппарата и достигать своей цели путем простых и элементарных рассуждений. Это умение было тесно связано с его любовью к экспериментам, которые позволяли ему непосредственно наблюдать работу конструкции и проверять правильность основных предположений создаваемой им теории» [2, с. 153–154].

Теория ферм, расчеты Д. И. Журавского, примененные при постройке мостов на Петербург-Московской железной дороге, легли в основу известной его книги «О мостах раскосной системы Гау» (1855), положившей начало теоретическим исследованиям в области мостостроения во всем мире. Это сочинение было высоко оценено за его математическую часть академиком П. Л. Чебышевым и получило Демидовскую премию Академии наук, а также денежное пособие Академии на его издание.

Второй рецензент – генерал-инженер Морис Гугович Дестрем указывал: «Сделанные автором выкладки прилагаются не только к мостам по системе Гау, но и ко всем вообще мостам раскосной системы, деревянным или железным, каковые мосты играют весьма важную роль при построении новейших железных дорог как у нас в России, так и за границу, и что составленная Журавским теория была им изложена прежде, нежели где-нибудь был напечатан разбор раскосной системы, и до сих пор самый разбор нигде не был сделан столь полно и удовлетворительно, как в упомянутом сочинении» [10, с. 546; 27, с. 133].

«Долгом считаю отдать полную справедливость отличным познаниям подполковника Журавского. Труд его доказывает... необыкновенную ловкость в математических приемах и в приложении их к строительному искусству. По заключающимся в нем выводам и формулам сочинение это бесспорно занимает первое место между всеми записками и исследованиями о выгодах и недостатках мостов системы Гау», – особо отметил М. Г. Дестрем.

Весной 1855 г. Д. И. Журавский был направлен на проведение изыскательских работ на дороге Москва – Орел. Труд Д. И. Журавского, посвященный как будто одним решетчатым фермам, в действительности содержал расчеты, выводы и обобщения, которые распространились на все вообще мосты раскосной системы, получившие широкое применение в железнодорожном строительстве.

«Мы все вышли из школы глубокочтимого Дмитрия Ивановича, - говорил известный русский инженер С. В. Кербедз, построивший в 1856 г. на Петербург-Варшавской железной дороге мост из сквозных металлических ферм через Лугу. До Дмитрия Ивановича Журавского строительство моста было таинством, после него оно стало инженерной наукой» [26, с. 220; 27, с. 133].

Уже первые инженерные железнодорожные сооружения демонстрировали высокую архитектурно-художественную эстетику постройки. Произошло удивительное таинство превращения утилитарного инженерного сооружения в выразительную архитектуру. Недаром скульптор П. К. Клодт с такой любовью изобразил Веребьинский мост на памятнике Николаю I, сооруженному в 1859 г. возле Исаакиевского собора в Петербурге.

«Вручение императором Николаем I ордена святого Владимира I ст. подполковнику Д. И. Журавскому при открытии Веребьинского моста. Август 1851 г.»

Осенью 1856 г. Д. И. Журавскому поручается сооружение металлического шпиля колокольни Петропавловского собора в Петербурге. Первый шпиль, установленный архитектором Д. Трезини в 1722 г., был деревянный и в 1756 г. сгорел от удара молнии. При восстановлении в 1770 г. шпиль снова был сделан деревянным.

Приступая к работе, Д. И. Журавский путем теоретических расчетов и экспериментальных исследований на моделях нашел способ вычисления

усилий в составных частях пирамидального остова шпиля. Разработкой теории сквозных пирамидальных конструкций он намного опередил исследования зарубежных специалистов.

Д. И. Журавский разработал семь вариантов конструкции при минимальной надстройке колокольни камнем. Шесть – в виде решетчатых усеченных восьмигранных пирамид и одну – в виде пустотелого сплошного конуса с горизонтальными ребрами. Выбран был один из решетчатых вариантов каркаса, выполненных из прокатных профилей таврового и лекального железа.

Несущий каркас шпиля состоит из восьми ребер, соединенных между собой. Железная конструкция, разбитая на ярусы, содержит 39 уменьшающихся в диаметре восьмиугольных колец. Основанием каркаса служит опорное массивное стальное кольцо, сваренное кузнечным способом.

Оригинальная конструкция красноречиво характеризовала развитие русской строительной техники XIX в. Д. И. Журавский писал: «Относительно стропил шпиля можно сказать, что система шпиля, составленная наподобие железных маяков, сколько можно судить по обнаруженным по настоящее время сочинениям, до сих пор не вычислена. Аналогичное исследование дало возможность уменьшить вес железа в стропилах на 1 400 пудов, сравнительно со стропилами К. А. Тона и вместе с тем при меньшем весе придать им гораздо большую крепость». Создание металлических стропил для шпиля стало новшеством не только для России, но и для мировой строительной практики.

Шпиль был облицован медными листами и позолочен. Высота шпиля составила 47 метров, вес 56 тонн. Заменили фигуру ангела, которая находится на кресте и по сей день (фигура 3 метра высотой, на ее золочение потребовалось 8 кг золота). Общая высота сооружения с крестом и ангелом – 122,5 метра [26, с. 221].

Петропавловский шпиль – уникальная конструкция инженера-путейца – выдержала без ремонта более 150 лет. Шпиль держится за счет болтов и шурупов и во время шторма почти не двигается. Конструкция рассчитана на колебания в горизонтальной плоскости до 90 сантиметров. Из-за вращения Земли она качается постоянно, однако за все время шпиль сместился в сторону всего на 3 сантиметра.

Все работы были закончены за 18 месяцев, к 30 ноября 1859 г.

С этого момента сооружение сквозных пирамидальных конструкций перестало быть загадкой. Если мосты Журавского были достоянием узкого круга инженеров, то Петропавловский шпиль, за строительством которого наблюдали жители столицы, прославил его на всю Россию. Он стал популярным человеком в Петербурге.

Методика для определения величины касательных напряжений в изгибаемых балках, разработанная Д. И. Журавским, явилась

значительным вкладом в теорию изгиба. Его теория касательных напряжений была принята крупнейшими иностранными учеными и включена ими в учебники.

В курсе прикладной механики французского ученого Ж. Бресса отмечалось: «Эти соображения о продольном скалывании и элементарный метод, которому мы следовали выше, были впервые указаны в мемуаре русского полковника Журавского».

Л. Колиншон в курсе «Сопротивление материалов» (1869 г.) писал: «Теория сопротивления продольному скольжению волокон (балки) была введена в курс только вследствие серии исследований, выполненных в России Журавским над изгибом балок из наложенных друг на друга брусьев».

Приоритет Д. И. Журавского в вопросе введения в мостостроение теоретических расчетов был по предложению профессора Н. А. Белелюбского подтвержден на Лондонской сессии Всемирного железнодорожного конгресса в 1895 г. Н. А. Белелюбский в феврале 1897 г. говорил, что во время строительства мостов на железной дороге Петербург – Москва уровень знаний по определению усилий в фермах, по сопротивлению материалов был настолько не полон, «что проектирование и исполнение их требовало от русского инженера самостоятельных исследований, блестяще выполненных Дмитрием Ивановичем и ставящих его высоко в ряду пионеров строительной механики и мостовой науки» [12, с. 60–61].

Известный ученый в области строительной механики С. П. Тимошенко отмечал, что в начале инженерной деятельности Д. И. Журавского «не существовало какой-либо теории расчета сквозных ферм». Поэтому «Журавскому пришлось не только проектировать мост, но и разрабатывать метод расчета напряжений в его частях. Он успешно справился с этой работой и дал общий метод расчета ферм с параллельными поясами» [29, с. 336].

Советский мостовик профессор Г. К. Евграфов писал: «Мы вправе считать инженера Д. И. Журавского основоположником научного метода в мостостроении, родоначальником прогрессивной школы мостостроения» [9, с. 56].

Академик Г. П. Передерий, давая характеристику мостов системы В. Гау, подчеркивал: «Значительнейшим сооружением этого рода в России был знаменитый мост через р. Мсту, построенный инженером Журавским, придумавшим и способ расчета ферм этой системы; способ этот... представлял серьезный вклад в науку» [12, с. 59].

Д. И. Журавский всегда проверял свои теоретические исследования опытами, в частности широко использовал испытания на моделях. Он рекомендовал испытывать модели в условиях, соответствующих действительным условиям работы сооружений, и предложил применять

для моделей материал с весьма малым модулем упругости, с тем чтобы деформации в пределах упругости были достаточно велики и их можно было бы измерять. Д. И. Журавский, проведя исследования на моделях, доказал, что наибольшие сжимающие напряжения возникают в стенках балок под углом 45° к горизонтали, и рекомендовал ставить ребра жесткости в направлении наибольших сжимающих напряжений.

Как справедливо отмечали проф. А. Н. Митинский и доцент Е. К. Ашкенази, «Инженерная интуиция, приобретенная в результате проектирования и строительства мостов и других сооружений, позволяла Журавскому решать сложные вопросы расчета конструкций весьма своеобразными приемами, отличавшимися своей простотой и наглядностью» [20, с. 262–265].

Очень показательной в этом отношении является статья Д. И. Журавского «О балках решетчатых и о балках со сплошной стенкой». Она принесла ему еще большую признательность и славу, чем его первая монография. Он показал, что из-за нарушения связи между поясами при выпучивании стенки происходит разрушение боковых двутавровых балок в трубчатых мостах (первые железные мосты сплошной конструкции имели форму трубы. – *авт.*). Для предотвращения этого явления ученый предложил располагать ребра жесткости не вертикально, как делали англичане, а наклонно – по направлению действия в стенке максимальных сжимающих напряжений.

Причем свои интересные рассуждения Д. И. Журавский подтвердил остроумным, убедительным и в то же время простым опытом. В поисках наглядности опыта он провел изыскания материала для модели балки, который обладал бы «некоторой упругостью» и деформировался бы «заметнее, чем железо», чтобы «изменения фермы сделать видимыми». Таким материалом оказалась обыкновенная плотная бумага. Она разрывается без видимых остаточных деформаций, а модуль упругости бумаги примерно в двести раз меньше, чем у стали [20, с. 264–265].

Вырезав из плотной бумаги стенки двутавровых балок и приклеив к ним из картона горизонтальные пояса, Д. И. Журавский начал постепенно воздействовать на модель все возрастающей нагрузкой. При определенной величине нагрузки стенка балки выпучивалась и на ней появлялись наклонные волнообразные складки. Этим опытом он доказал, что наибольшие сжимающие напряжения направлены наклонно. Во второй серии опытов на таких же моделях выдающийся мостовик показал, что если поставить на балке наклонные ребра, то ее разрушение происходит при большей нагрузке, чем у такой же балки с вертикальными ребрами. Свои опыты Д. И. Журавский повторял несколько раз и получал примерно одинаковые результаты как по характеру деформаций, так и по разрушающим усилиям. Эта статья, как и все другие работы

Д. И. Журавского в области мостостроения, носила ярко выраженную практическую направленность.

Выступая 22 июня 1899 г. на акте в Институте инженеров путей сообщения, товарищ министра путей сообщения, почетный академик, генерал-инженер Н. П. Петров по своему значению поставил теоретический вывод Д. И. Журавского о продольных скалывающих усилиях при изгибе для развития строительной механики в один ряд с открытием периодической системы Д. И. Менделеева [26, с. 223].

Во время изысканий железной дороги между Москвой и Орлом для моста через Оку Д. И. Журавский в 1855 г. предложил новую систему деревянных ферм: соединение арки с раскосной фермой пролетом 106,7 м. Два года под его руководством проводились исследования на модели фермы новой системы, выполненной в 1/26 натуральной величины. [3, с. 247; 25, с. 164].

В статье, посвященной итогам этих исследований, Д. И. Журавский подчеркивал необходимость сочетания теории и эксперимента: «Имея эти данные (данные опытов), составители теории получают возможность проверить выводы их вычислений и самую теорию, ими составленную. Вычисления без контроля их выводами опыта часто уходят в область фантазии».

Д. И. Журавский принял активное участие в дискуссии по вопросам значения и перспектив железнодорожного строительства в России, развернувшейся в 1856 г. на страницах газет и журналов. Он выступил со статьями в «Русском вестнике» и «Современнике», где не только писал о большом экономическом, культурном и военном значении железных дорог, но и поддерживал план сети железных дорог страны, предложенный П. П. Мельниковым. В статьях он также выдвинул ряд предложений по проектированию системы железных дорог, в частности считая, что при выборе направлений будущих дорог в первую очередь нужно «соединить производителя с потребителем, учитывая при этом не только «настоящее торговое движение», но и положение существующих путей сообщения и направления рек». Выступления Д. И. Журавского на страницах «Современника» Н. Г. Чернышевский назвал «замечательным исследованием».

Летом 1862 г. один из ведущих инженеров и руководителей железнодорожной отрасли А. И. Дельвиг поехал осматривать мосты строившейся Нижегородской железной дороги. В дороге его сопровождал Дмитрий Журавский. В пути Дельвиг сделал запись о том, что его спутник «из заносчивого и неуживчивого сделался необыкновенно мягким и терпеливым». Ему пришлось по душе ирония, с которой Д. Журавский говорил о русском ура-патриотизме: «Приятно гордиться отечественными достижениями, но ещё сильнее хочется, чтобы их было побольше» [21].

Добродушный и застенчивый в жизни, Дмитрий Иванович, когда требовало дело, становился твердым и непоколебимым в своих решениях, действуя с исключительной энергией. В 1869 г., например, когда сторел мост через Мсту и движение остановилось, он предложил проект подкосных ферм веерной системы. По замыслу они должны были перекрыть весь пролет, минуя промежуточные опоры. Это позволило собирать на них, как на подмостях, пролетные строения, не опасаясь ледохода. Многие инженеры считали проект рискованным и невыполнимым. Отговаривали от этой затеи, опасаясь, как бы в случае неудачи он не подорвал свой авторитет. Д. И. Журавский отстранил сомневающихся от работы и блестяще осуществил свой замысел.

На восстановление моста приезжали, как на зрелище. Один иностранец потом писал: «Картина строительства поражала всех зрителей. Когда же включалось электрическое солнце (тогда впервые в транспортном строительстве применили прожектор), то можно было наблюдать на облаках тень от моста». [12, с. 61].

За это строительство Д. И. Журавского наградили орденом св. Анны I степени.

Системой подмостей, предложенной в 1883 г. Д. И. Журавским, воспользовались англичане на строительстве Аттокского моста через р. Инд в Индии на железнодорожной линии Лагор – Пешевар. Но при этом нигде не упоминалось имя Д. И. Журавского.

Д. И. Журавский не любил административной деятельности: «Не могу, знаете ли, людьми командовать, – часто признавался он. – Как бы хорошо было делом управлять, а власть не показывать» [26, с. 225].

Тем не менее он оказался опытным администратором и умелым хозяйственником на высоком посту директора Департамента железных дорог, работая вместе с министром путей сообщения К. Н. Посъетом. Под его руководством за восемь лет (1876–1884) было построено около 5 тыс. км новых путей, а доход с одной версты железных дорог увеличился с 8 312 до 10 209 рублей, т. е. более чем на четверть.

Дмитрий Иванович Журавский умер 18 ноября 1891 года, на семидесятом году жизни. Он был захоронен на Митрофаньевском кладбище Санкт-Петербурга [15, с. 134].

9 февраля 1897 г. в Петербургском институте инженеров путей сообщения в память о выдающемся ученом железнодорожнике установили бюст из белого итальянского (каррарского) камня и розового мрамора.

Однако всем сооружениям когда-то выходит срок. Мосты Журавского на линии Петербург – Москва менял не менее крупный строитель Николай Белелюбский.

В 1868 г. молодому инженеру Н. А. Белелюбскому было поручено заменить деревянные мосты Петербург-Московской железной дороги на металлические. Заменить мосты Журавского – это высокая честь, которая

ко многому обязывала. Н. А. Белелюбский обращается к прославленному мостостроителю, перед которым преклонялся всю жизнь, со словами:

«С великим волнением я приступаю к переустройству Ваших мостов, Дмитрий Иванович, кои останутся навсегда в памяти науки и техники. Мосты и сейчас прекрасны, но что поделаешь? Каждый год повышаются скорости и нагрузка, требующие иной прочности и материала... Прошу Вашего благословения на сей подвиг бранный, которого я едва ли достоин...» [12, с. 80].

Но молодой инженер оказался вполне достойным этой сложной, многогранной и ответственной работы, которой он отдался со всем пылом молодости, уверенности в своих силах и горячей любви к делу. Для выполнения ее ему потребовалось разработать новые конструкции, реализовать новые методы организации работ по изготовлению и установке пролетных строений в сжатые сроки, без перерыва в движении поездов.

Всего было разработано более 50 типов пролетных строений, составлены подробные проекты переустройства больших мостов. Н. А. Белелюбский заложил основы современного индустриального строительства искусственных сооружений – пролетные строения до 35 м собирались в Петербурге, развозились по линии и устанавливались на опоры специальными кранами.

Анализ российской исторической литературы свидетельствует, что на современном этапе образования у учащейся молодежи существует значительное противоречие между высокой потребностью общества и личности человека, готового к сознательному служению Родине, и недостаточным вниманием институтов образования к проблемам воспитания студенческой молодежи, в период их активного взросления, потребностью молодежи в социальном определении.

Поэтому роль прогресса в истории развития каждого народа огромна. «Она воспитывает человека в духе осмысленного патриотизма, ибо нельзя быть патриотом сегодняшнего дня, не опираясь на богатейшее наследство предков», – отмечал выдающийся писатель В. С. Пикуль. – «Знание прошлого Отечества делает человека богаче духом, тверже характером и зорче разумом. История воспитывает в нем необходимое чувство национальной гордости. Ведь культура народа всегда зависела от того, насколько народ знает и ценит свое прошлое... Принимать свою историю, забывать ее или извращать – значит оплевывать могилы своих предков...» [24, с. 509].

Источники и литература

1. Белинский В. Г. Избранное. Т. 1. М., 1959.
2. Беляев Н.М. Дмитрий Иванович Журавский // Люди русской науки. Техника. М., 1965.

3. Виргинский В.С. Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX века. М., 1949.
4. Воронин М.И. Дмитрий Иванович Журавский // Трансп. стр-во. 1971. № 12.
5. Грива Т.А. Пионер российского мостостроения. Журавский Дмитрий Иванович (1821–1891) // Дорогие мои земляки. Курск, 2008.
6. Дмитрий Иванович Журавский (Некролог). СПб., 1897.
7. Журавский (Дмитрий Иванович, 1821-91) // Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания. Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон. 1890 г. М., 1991. Т. 23.
8. Дмитрий Иванович Журавский // Куряне – выдающиеся деятели науки и техники: [сборник / сост. А. Адамов и др.]. Курск, 1950.
9. Евграфов Г.К. Журавский Дмитрий Иванович // Ученые и изобретатели железнодорожного транспорта. М., 1956.
10. Железнодорожный транспорт. Энциклопедия / гл. ред. Н. С. Конарев. М., 1994.
11. Журавский Д.И. О железных дорогах России // Русский вестник. 1856. июнь. № 1.
12. Зензинов Н.А., Рыжак С.А. Выдающиеся инженеры и ученые железнодорожного транспорта. М., 1990.
13. История железнодорожного транспорта России. Т. 1: 1836 – 1917 / под общ. ред. Е. Я. Красковского и М. М. Уздина. СПб., 1994.
14. История железнодорожного транспорта России, XIX–XXI вв. / под ред. Е. И. Пивовара. М., 2012.
15. Край наш курский: Календарь знаменательных и памятных дат, 2021 г. / Сост. Е. В. Мазнева, А. Н. Манжосов // Курская областная научная библиотека им. Н. Н. Асеева. Курск, 2020.
16. Лопырева Т.А. Дмитрий Иванович Журавский 1821–1891 // Проблемы истории науки и техники. Курск, 2003.
17. Люди дела. Вклад железнодорожников в социально-экономическое развитие России / под ред. проф. В. В. Фортунатова. М., 2007.
18. Магистраль имени Октября / В. М. Юрасов, Б. В. Януш, М. И. Воронин и др. М., 1990.
19. Максаков В. Дорога именем императора // Гудок. 2020. 14 августа. № 149 (26998).
20. Митинский А.Н., Ашкенази Е.К. Об одной малоизвестной работе Д. И. Журавского // Вестник инженеров и техников. 1951. № 6.
21. Морохин Н. Мосты к признанию // Гудок. 2012. 8 февр. № 21 (24982).
22. Напорко А.Г. Очерки развития железнодорожного транспорта СССР. М., 1954.
23. Отчет о чествовании памяти инженера Д. И. Журавского // Сб. Ин-та инженеров путей сообщения. СПб., 1899. Вып. 52.
24. Пикуль В.С. Живая связь времен. М., 1989.
25. Ракчеев Е.Н. Дмитрий Иванович Журавский: 1821–1891. М., 1984.
26. Самые знаменитые железнодорожники России // сост. Пашкова Т. Л., Михайлов В. А. М., 2004.
27. Самые знаменитые железнодорожники России // авт. – сост. Пашкова Т. Л., Михайлов В. А. М., 2005.
28. Скрыбина Т.А. Журавский Дмитрий Иванович // БРЭ. М., 2008. Т. 10.
29. Тимошенко С.П. История науки о сопротивлении материалов. С краткими сведениями из истории теории упругости и теории сооружений / пер. с англ. В. И. Контовма; под. ред. А. Н. Митинского. М., 1957.
30. Уродков С.А. Петербургско-Московская железная дорога. История строительства. 1842–1851 гг. Л., 1951.

В. В. Раков

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ СЕМЕНОВА: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Библиотечная сеть второй половины XIX в. состояла из книжных собраний, которые хранились в конфессиональных учреждениях и монастырях, в учебных и сословно-клубных учреждениях или формировались у частных лиц. В 1830 г. МВД Российской Империи подготовило циркуляр за № 777, определявший порядок организации публичных (общественных) библиотек [1, с. 11]. В циркуляре отмечалось, что «<...> учреждение публичных библиотек в губерниях <...> распространит в России вообще все сведения и открытия как торговой промышленности и искусства, так и в кругу земледельческой, мануфактурной и торговой промышленности и представит каждому легкие средства к чтению и обогащению себя всеми полезными сведениями и открытиями» [5, с. 224].

В 1870-е – 1890-е гг. курская общественность неоднократно заявляла о необходимости иметь в городе общественную библиотеку доступную значительной части населения. Ещё в 1874 г., по предложению городского головы П. А. Устимовича, городская Дума ассигновала на устройство библиотеки 5000 руб., но дело ограничилось лишь приобретением книг на 500 руб., которые были помещены на временное хранение в Александровское городское училище. Проект Устава библиотеки не был утвержден МВД и открытие библиотеки было временно отложено [6, с. 100]. Как известно, нет ничего более постоянного, чем что-то временное.

В начале 1890-х гг. вопрос организации публичной городской библиотеки вновь приобретает общественную значимость. В марте 1894 г. Курская городская Дума при обсуждении вопроса о чествовании 100-летия со дня рождения (20 апреля 1894 г.) курского астронома Ф. А. Семенова вновь возвратилась к идее об учреждении публичной библиотеки. Предложение об открытии публичной городской библиотеки было внесено гласными В. И. Долженковым и А. Н. Гусаковским. Городская Дума, согласившись с этим предложением.

Для увековечения памяти курского астронома Ф. А. Семенова была избрана комиссия в составе: председатель комиссии – бывший заступающий место городского головы Н. В. Толобуев, члены комиссии – гласные В. И. Долженков и А. Н. Гусаковский, директор мужской классической гимназии, тайный советник Д. Г. Жаворонков и наставник учительской семинарии, статский советник П. Г. Попов. В дальнейшем к работе комиссии присоединился еще ряд общественных и церковных деятелей, служащих и предпринимателей: ректор Курской духовной семинарии И. А. Новицкий, М. И. Григоровский, Н. А. Полянский,

В. И. Левкович, А. Н. Неверов, В. В. Павлов, Т. И. Вержбицкий, К. А. Андреев, К. П. Протодиаконov, А. А. Танков, Е. В. Ходунов, Н. М. Подпрятov, Н. А. Ракинт, В. С. Рыморенко А. Ф. и Н. А. Семеновы, А. А. Аншельсон, В. В. Чичинадзе и А. В. Переплетенко [8, 24 окт.].

На заседании 24 июля 1897 г. комиссия предложила Думе почтить память ученого устройством «Публичной библиотеки имени Семенова» [3, с. 13]. Этой же комиссией, на основании рекомендаций городской управы, были разработаны предложения по изысканию необходимых средств для обеспечения деятельности этого учреждения и подготовлен новый проект Устава публичной библиотеки [15, с. 85–86].

Таким образом, вопрос о создании городской публичной библиотеки был переведен в практическую плоскость. О значении этого события для общественной жизни города так писал уже известный в то время краевед А. А. Танков: «Отрадно думать, что курское общество обладает отзывчивостью на всякое доброе дело, которое возникает и зарождается в его среде. На это нами указано было еще в первых главах нашей заметки о необходимости и возможности учреждения в Курске ученой архивной комиссии. Мы указали там на значительное число общественных благотворительных и просветительных учреждений, которые, благодаря неизменному сочувствию к себе общества, выражающемуся в материальных пожертвованиях и в личном, иногда весьма значительном труде правильно функционируют в Курске и проносят свою долю пользы.

К таким учреждениям, составляющим гордость каждого города, где они существуют, в настоящее время присоединяется Семеновская публичная библиотека, имеющая, в будущем, при условии постепенного развития и возрастания, сделать весьма много для умственного и нравственного просвещения городского общества. И мы не можем сомневаться в светлом и плодотворном служении делу просвещений нашей публичной библиотеки, не сомневаемся и в постоянном сочувствии к ней курского образовательного общества.

Нельзя не сказать, что осуществление устройства Семеновской библиотеки пережило период довольно значительного замедления, и казалось, что замедление это может стать весьма продолжительным; но и в тоже время нельзя было сомневаться в том, что идея учреждения общественной библиотеки не заглухнет. В известных добрых и общепользных идеях есть такая живучесть, что заглухнуть совсем они не могут ни в каком случае. Такие идеи так громко и внятно говорят сами за себя, что рано или поздно голос их бывает услышан <...>» [8, 4 дек.].

Ряд положений проекта Устава библиотеки, по требованию МВД были изменены и доработаны. Это, прежде всего, относилось к положению о членах Общества публичной библиотеки: ими не могли быть состоящие на действительной службе нижние чины и юнкера. Кроме того, для обсуждения на общих собраниях могли вноситься лишь те вопросы,

которые относились к деятельности библиотеки. Первоначальный Устав библиотеки был утверждён министром внутренних дел 27 августа 1897 г. [8, 24 окт.]. Окончательная редакция Устава была утверждена в 1902 г. [5, с. 227].

18 октября 1897 г., в малом зале Курской городской Думы под председательством заступающего место городского головы А.В. Алехина состоялось заседание комиссии по учреждению в Курске публичной Семеновской библиотеки и читальни при ней.

ОБЩЕСТВО СЕМЕНОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ. В соответствии с Уставом для управления библиотекой было учреждено Общество Семеновской публичной библиотеки, первое заседание которого состоялось 30 октября 1897 г. в составе 116 человек [15, с. 86]. Председателем общего собрания был избран гласный Курской городской Думы, врач-окулист В. И. Долженком, председателем правления – гласный городской Думы А. В. Алехин, а членами правления Н. В. Раевский, А. А. Аншельсон, И. А. Михайлов и В. Т. Румянцев. На момент создания Общества в него входили 76 человек – действительных, непременных, почетных и пожизненных членов. Непременными членами Общества становились по должности городской голова, директор мужской гимназии и ректор духовной семинарии. Лица, оказавшие библиотеке материальные или иные услуги, становились почетными и пожизненными членами Общества Семеновской библиотеки [2, л. 10–23]. Пожизненные члены общества вносили в кассу единовременно 60 руб., а ежегодный взнос был определен в три руб. [8, 24 окт.].

На общем собрании членов общества Семеновской библиотеки, которое проходило 30 июля 1902 г. председатель правления общества А. В. Алехин сообщил, что Министр внутренних дел утвердил проект изменённого устава общества, в соответствии с которым увеличивалось число членов правления и устанавливалось правило введения в состав общества всех годовых подписчиков библиотеки. По состоянию на 1903 г. в правление библиотеки входили лица, избранные городской Думой (А. В. Алехин и А. Г. Якубовский) и общим собранием (А. А. Аншельсон, А. Н. Неверов, Н. В. Раевский и В. Т. Румянцев) [12, 16 апр.]. Перед правлением ежегодно отчитывалась и Семеновская публичная библиотека и Пушкинская библиотека-читальня. Эти отчеты издавались типографским способом и были доступны для любого желающего ознакомиться с ними.

Вплоть до 1917 г. Общество Семеновской библиотеки определяла главные направления её развития, утверждала годовые бюджеты и рассматривала финансовые отчёты.

БЮДЖЕТ БИБЛИОТЕКИ. Осенью 1897 г., когда библиотека начинала свое существование, ее материальное положение было вполне благоприятным: кроме пожертвованных 2000 томов книг в городской управе хранился капитал библиотеки, образовавшийся из пожертвований и

членских взносов в сумме свыше 3300 руб. Например, некто, пожелавший остаться неизвестным, пожертвовал на библиотеку и читальню при ней 1900 руб. Кроме того, Общественный клуб выделил библиотеке единовременное пособие в 500 руб. [15, с. 86].

Городской Голова внес на рассмотрение Курской городской Думы 20 января 1898 г. вопрос о принятии городом участия в содержании Семеновской библиотеки, который и был положительно решен: Дума ассигновала на нужды библиотеки ежегодную сумму в 500 руб. Но, поскольку открытие библиотеки должно было состояться уже после принятия городского бюджета на 1898 г., на чрезвычайном заседании Курской городской Думы 3 января 1898 г. большинством голосов (22 против 15) было принято предложение городского Головы о внесении в смету расходов по графе «Расходы на содержание Семеновской публичной библиотеки» 500 руб., уменьшив на соответствующую сумму расходы по ремонту городских и полицейских зданий [3, с. 13]. В последующие годы Городская Дума ежегодно закладывала в свой бюджет 500 (затем – 1000) руб. на содержание библиотеки

В 1902 г. бюджет библиотеки составлял сумму в 5 558 руб. 84 коп. Он формировался из разных источников, но основной оставалась плата подписчиков – 1652 руб. 90 коп. Правда, этих средств оказалось недостаточно для организации работы библиотеки: на 1 января 1903 г. перерасход составил 222 руб. [12, 17 апр.]. О существующей проблеме сообщили «Курские губернские ведомости»: «В Семеновской публичной библиотеке в настоящее время ощущается большой недостаток в книгах. Сочинения некоторых авторов имеются лишь в одних экземплярах, а других авторов – и совсем нет. Посетителям часто приходится встречать отказ при требовании книг. Вследствие этого, а также в виду неподходящих условий настоящего времени, не дающих возможности правлению библиотеки изыскивать средства путем устройства концертов, вечеров и прочее, сметная комиссия одобрила внесение в смету расходов на 1905 г. ассигнования в размере 300 руб. на выпуск книг для сказанной библиотеки». [13, 17 февр.].

Дополнительным, весьма существенным источником ее содержания стали частные пожертвования. Первыми меценатами библиотеки еще до ее открытия стали курский епископ Иустин (в последствии – архиепископ херсонский и одесский), а также тайный советник Д. Г. Жаворонков и купец А. В. Переpletенко, которые передали в пользу будущей библиотеки около 2000 книг. В 1895–1897 гг. на нужды будущей библиотеки были собраны и значительные денежные средства: 600 руб. путём подписки и устройства спектакля, 144 руб. сбора от демонстрации «туманных картин» во время народных чтений, 364 руб. по подписному листу, 80 руб. от А. Н. Неверова, 100 руб. от В. И. Левковича и др. [8, 24 окт].

С целью пополнения кассы правление библиотеки 4 ноября 1900 г. устроило в Общественном клубе концерт, в котором приняли участие вокалисты итальянской оперы (руководитель труппы Каstellано), а также хор и оркестр оперы. Кроме классических оперных партий, солисты труппы совместно с хором исполняли итальянские народные и национальные песни, в том числе и знаменитую и популярную песню венецианских лодочников «Carmella (Barcarolla) Granvia» [9, 31 окт.].

Курское общество любителей драматического искусства организовало в феврале 1902 г. «народный юбилейный спектакль» по случаю 25-летней литературной деятельности известного писателя-драматурга И. В. Шпажинского, сбор от которого поступил в пользу Семёновской публичной библиотеки. Драма И. В. Шпажинского «Чародейка» в 5 действиях была поставлена на сцене зимнего городского театра [11, 9 февраля].

Сборы с подобного спектакля в пользу библиотеки, но состоявшегося в 1903 г., составили 647 руб. 40 коп. Кроме выручки за билеты в 493 руб., поступило 151 руб. 40 коп. пожертвований, которые делали как жены первых лиц (от жены губернатора В. С. Гордеевой поступило 15 руб.), так и курские воротилы – купцы и промышленники (от А. В. Алехина – 12 руб. 90 коп., от М. А. Наумова, известного торговца мануфактурными товарами – 25 руб., Г. А. Новосильцева – 20 руб., И. А. Пузанова – 17 руб. и т. п.). Примечателен следующий факт: в нижней части списка значилось: «<...> от неизвестного 25 коп.». Расходы состояли из следующих позиций: гербовый сбор – 29 руб. 80 коп.; за хранение платья – 52 руб.; труппе дирекции Погуляева – 207 руб. 10 коп.; типографии – 8 руб. 50 коп. Итого расходы составили 297 руб. 40 коп. Разница в 350 руб. были внесены в кассу библиотеки [12, 28 февр.].

Доходы от деятельности библиотеки с каждым годом понемногу увеличивались, тем не менее полученных средств не хватало на ее содержание. Для покрытия дефицита бюджета на 1903 г. правление Курского губернского земства устроило два спектакля и гуляние в городском саду, что дало 627 руб. чистого сбора [12, 16 апр.].

Положительного сальдо в бюджете библиотеки удалось достигнуть в 1906 г. Вот как выглядел бюджет за этот год: «Прихода за 1906 г. получено: членских взносов и от подписчиков 1 898 руб. 58 коп., от Курской городской Думы и Губернского земства 1 900 руб.; залогов от подписчиков состояло на 1 января 1906 г. 2396 руб. 66 коп., залогов в 1906 г. поступило 1061 руб. 24 коп., а всего 7 256 руб. 48 коп. Израсходовано за 1906 год: на приобретение книг и выписку журналов 969 руб. 57 коп., на содержание служащих и сторожа 1 745 руб., на освещение, отопление, ремонт, страховку, типографские, канцелярские и др. расходы 369 руб. 42 коп., возвращено залогов в 1906 г. 2 435 руб., а всего израсходовано 5 519 руб. 29 коп.» [18, с. 132].

Семёновская библиотека также и сама принимала активное участие в акциях по сбору пожертвований для нуждающихся. Когда, например, Общество содействия начальному образованию в Курской губернии обратилась к населению с просьбой о пожертвовании «всякого рода ненужных вещей», на деньги, вырученные от продажи которых, общество создавало библиотеки, воскресные школы, устраивало развлечения для народа и детей. Бланки открытых писем для составления заявлений на безвозмездную передачу обществу различных вещей (ветошь, рваная бумага, старые газеты, книги, лоскутья, старое белье и старое платье, обувь, пробки, рогожи, ящики, старые мешки, обломки железа, меди, коробки от сардин, килек, бутылки, аптечные склянки, битое стекло, окурки сигар, коробки от табака, сломанные игрушки – и прочее утильсырье) можно было получить на улице Чистой, в Семеновской библиотеке. Кстати, и само Общество также располагалось в здании Семёновской библиотеке [11, 21 мая].

ПОМЕЩЕНИЕ И ОБОРУДОВАНИЕ. Размещалась библиотека на углу улиц Московской и Мясницкой улиц, в некоторой глубине на усадебном месте и в доме курского цехового Евгения Павловича Александрова. В 1906 г. по духовному завещанию и земля, и здание перешли в собственность Семеновской публичной библиотеки. Кроме того, Е. П. Александров поручил душеприказчикам своим внести в пользу библиотеки капитал в 10 000 руб. с тем, чтобы проценты с этого капитала шли на пополнение библиотеки книгами [18, с. 132].

Следует заметить, что библиотека получила приспособленные помещения, без учета специфики ее деятельности и структуры отделов. Такое положение вещей не могло не создавать проблем в организации работы библиотеки. О некоторых из них сообщала своим читателям газета «Курский листок»: «Уже другой год Семёновская библиотека с читальней находится в хорошем, просторном помещении. В читальне чистота и порядок прекрасные. Все ежедневные газеты постоянно лежат на столе. А журналы и прошедшие номера газет, по требованию, тотчас же подают. Но удивительно, что, несмотря на прилежный порядок, изобилие газет и журналов и ничтожную плату за вход, в две копейки – посетителей в ней бывает очень мало. Это надо приписать отсутствию публикаций, так как многие в особенности приезжие, даже не знают о ее существовании и о правилах входа. Следовало бы иметь, на дворах объявление о времени в какое открыта читальня и о цене входа.

Но и в читальне есть некоторые неудобства: во-первых, правило «просят не курить». Для чего оно? Ведь от курения газеты не могут испортиться. А для посетителя привыкшего курить, просидеть в читальне три, четыре часа, не куря совершенно невозможно. К тому же теперь и многие дамы курят. Особенной комнаты для курения – нет, а выходить для этого в сени – неудобно, особенно зимою. Затем в читальне нет часов, а

висят они в другой комнате. Вставать же и каждый раз ходить смотреть который час – вовсе неудобно.

И наконец на лестнице нет перил и потому, легко можно поскользнуться и упасть. Но это неудобство и еще «кое-что» относится к невниманию скупого домовладельца, который получая за помещение библиотеки очень солидную плату, вместо настоящих перил, нарисовал их на стенке» [14, 16 нояб.].

По мере увеличения числа читателей-абонентов и посетителей читального зала становилось очевидным, что помещение библиотеки не соответствует возросшим требованиям по обслуживанию. Имущество библиотеки занимала даже коридоры, а часть книг лежала в сарае.

В ноябре 1900 г. в библиотеку пришло электроосвещение: в читальной комнате были установлены 4 электрических лампочки, по 2 над каждым столом [9, 19 февр.]. В 1904 г. электроосвещение было проведено и в остальные помещения библиотеки. Все работы по электрификации помещений библиотеки были сделаны за счет арендодателя Е. П. Александрова.

К сожалению, перебои в электроснабжении были довольно частым явлением. «Курские губернские ведомости» по этому поводу писали: «Во всё время приостановки электричества в городе, библиотека, как и все прочие учреждения, пользовались в силу крайности керосиновым освещением. В настоящее время уже полгода как в городе восстановлено электричество, а в библиотеке горят по-прежнему одна–две керосиновых лампочки, так что публике поневоле приходится пользоваться газетами и журналами прямо-таки в полутьме» [13, 5 февр.].

СОТРУДНИКИ. Первым ответственным заведующим библиотекой решением Общества Семеновской библиотеки от 30 октября 1897 г. был избран инспектор Курского реального училища В. С. Рымаренко [5, с. 228].

О проблемах обеспечения библиотеки необходимым количеством работников сообщал «Курский листок»: «Состав служащих библиотеки был ограничен финансовыми возможностями: библиотекаря и помощницы работали за весьма скудное вознаграждение». Тем не менее библиотека со дня открытия вело библиотечное дело в должном порядке: «<...> Как в библиотеке, так равно и в читальне, несмотря на массу работы и значительный приток публики всех возрастов и состояний, дело не тормозится, и все требования публики исполняются без всякой задержки и аккуратно. Справка о книге или о книгах дается тотчас же, чему служить подспорьем опрятно содержимые карточки с номером на каждую книгу, которая лежит туда же под рукой служащих» [14, 20 июня].

ЧИТАТЕЛИ. Открытая в 1897 г. публичная Семеновская библиотека быстро снискала общие симпатии населения. Все читатели (их называли также подписчиками или абонентами) делились на постоянных (члены Общества Семеновской библиотеки) и временных (как правило –

месячных). Среди последних действовал фактор сезонности: по месяцам меньше всего абонементов брали в конце весны – летом, т. е. в период отпусков, домашних и хозяйственных работ, выезда за город и на дачи; периода, когда люди активно посещали парки или просто совершали прогулки по городу. Больше всего временных абонентов становилось поздней осенью и зимой, когда прогулки и массовые развлечения становились проблематичны, световой день сокращался и вечерами появлялась возможность предаться чтению.

Количество первых читателей за период с 21 июня 1898 г. по 1 января 1899 г. составило 317 абонентов, в том числе 64 годовых и 253 месячных [15, с. 86]. В начале 1899 г. насчитывалась 244 подписчика, а к концу того же года их число возросло до 468, т. е. увеличилось почти вдвое [9, 31 окт.]. В 1900 г. эта тенденция выглядела следующим образом: в мае подписчиков было 380 чел., в ноябре – 618 [16, с. 58]. Всего же в 1900 г. библиотека обслужила 1 217 читателей, удовлетворив 30 тыс. требований на книги и почти 13 тыс. – на периодические издания [20, с. 2–9]. К слову, уже в 1903 г. среди подписчиков библиотеки было 11 % иногородних, т. е. не жителей губернского центра.

Среди подписчиков Семеновской публичной библиотеки велика была доля учащихся: 34,7 % в 1901 г. и 36,95 в 1904 г. Вторую по численности группу составляли служащие: 20,1 % в 1901 г. и 25,5 % в 1904 г. Среди прочих читателей библиотеки были чиновники, военные, духовные лица, лица свободных профессий, домовладельцы и землевладельцы, торговцы, ремесленники. В отчете за 1902 г. упоминается ещё одна категория читателей – «лица без определённых занятий», доля последних составляла почти 20 %. По-видимому, в эту категорию включали домохозяек, жён и дочерей и т. п. [19, с. 6; 20, с. 4].

Динамика количества абонентов Семёновской публичной библиотеки по состоянию на 1 января текущего года выглядит следующим образом: 244 (1899), 468 (1900), 570 (1901), 564 (1902), 624 (1903), 694 (1904) [21, с. 176]. Как правило, в губернских городах подобного масштаба численность городских публичных библиотек составляло около тысячи человек, что позволяло полноценно осуществлять их деятельность, в том числе и в плане финансирования.

В Семеновской публичной библиотеке и Пушкинской бесплатной народной библиотеке-читальне по состоянию на 1 января 1912 г. состояло 676 абонентных подписчика, на 1 января 1913 г. – 725. В течение года абонементами пользовались 147 месячных подписчиков, 15 членов общества и 90 бесплатных (учителя и учительницы городских школ и служащие городской управы); остальные 1 149 записывались на короткий срок. Среднее число подписчиков в месяц – 602 (в 1911 г. – 630). Из подписчиков 753 мужчины и 648 женщины. Наибольший процент

подписчиков – учащиеся (554 чел.). Абоненты сделали 34 343 посещения библиотеки (в 1911 г. – 37 522) [7, 21 мая].

За пользование библиотекой полагалась определенная абонентская (подписная) плата, которая в начале XX в. составляла три рубля в год. Как писали газета, абонентская плата в Курске была ниже, чем в других городах. Отдельные категории населения пользовались библиотекой бесплатно. Эта преференция распространялась на учителей городских и иногородних школ, служащих городской управы. Из-за имевшего места утраты или порчи книг, их невозврата была введена залоговая система, при которой за книги стоимостью более рубля, выдаваемые для чтения дома, вносился залог от 25 до 50 коп., который возвращался после возврата книги в библиотеку. А вот плата за чтение при читальне была минимальной и составляла в 1903 г. 1 коп. за посещение, что делало возможным посещение библиотеки для многих курян [20, с. 1].

КНИГОВЫДАЧА. За первый год работы библиотеки количество требований на выдачу литературы составило – 2 882 на книги и 2 009 на периодические издания [15, с. 86]. Среднее число дневных требований на выдачу книг и журналов составляло цифру в 163 единицы.

Более всего в 1903 г. были востребованы журналы: «Мир Божий» – 2 150, «Русская мысль» – 1 650, «Русское богатство» – 1 450, «Вестник Европы» – 1 386, «Исторический вестник» – 856 требований. Показательно, что два журнала на французском языке выдавались только 11 раз. В этой связи «Курские губернские ведомости» писали: «Этот факт не может не наводить на размышления довольно грустного характера. В самом деле: в среде подписчиков, и особенно в среде молодёжи есть интерес к чтению, есть желание прочесть то или иное сочинение на русском языке. Нет только выдержки для того, чтобы основательно усваивать иностранные языки и пользоваться иностранными сочинениями» [12, 16 апр.].

Еще один анализ читательского спроса был сделан в 1905 г. Основные требования были заявлены на произведения изящной литературы (26 557 или 54 %), на периодические издания (10 021 или 20,4 %), на историю, критику (3 068 или 6,2 %), детские книги (3 964 или 6,9 %) [18, с. 131].

ФОНДЫ. О структуре библиотечного фонда можно судить по каталогу книг Семеновской публичной библиотеки, изданном в 1899 г. Весь книжный репертуар был разделён на 15 разделов, среди которых выделим следующие: история, языкознание, география, естествознание, медицина, сельское хозяйство, художественная литература и т. д. Был в Семёновской библиотеке и краеведческий отдел, в котором была собрана разнообразная литература, по истории курского края, изданная как в самом Курске, так и других городах Российской Империи (Санкт-Петербург,

Москва, Киев, Харьков) [4]. В последующие годы структура библиотечного фонда не претерпела существенных изменений.

К 1 января 1900 г. в Семеновской публичной библиотеке было 8 492 тома книг и журналов 5 316 названий [16, с. 58]. В январе 1901 г. «Курские губернские ведомости» писали: «Существующая в Курске Семеновская публичная библиотека в настоящее время представляет собою уже довольно значительное собрание книг и периодических изданий, в особенности по некоторым отделам. <...> Из всех существующих в Курске библиотек семеновская, по-видимому, является наиболее полной и отвечающей хотя некоторым запросам интеллигентного общества» [10, 20 янв.].

Вместе с тем, библиотека нуждалась в постоянном пополнении и обновлении книжных и журнальных фондов. Журналы и книги библиотека выписывала через книжный магазин курского книготорговца Гаврилова, который за оптовый заказ делал скидку в 17 % [19, с. 2–9]. Однако, финансовые возможности библиотеки были ограничены.

Выход виделся в достаточно распространенном в те годы способе – пожертвование книгами. В частных библиотеках находилось много книг, необходимость в которых у владельцев отпала по разным причинам. Кроме того, зачастую со смертью библиофила родственники не очень представляли, что делать с их обширными, порой специализированными книжными собраниями. В лучшем случае, они использовались по назначению и дальше, в худшем – продавались за бесценок, а то и вовсе заканчивали свой путь в лавке или на базаре в качестве обёртки товара.

А в общественной библиотеке с ее различного рода публикой, каждая книга могла найти своё место: «Если хорошенько перетряхнуть находящиеся у того или другого лица или интеллигентного общества книги, то, по всем вероятностям, среди них найдутся такие книги, например, дублеты, потерявшие почему-либо своё назначение и прочие, которые легко могут быть пожертвованы для общей пользы» [10, 20 янв.].

Что касается пожертвований книгами и брошюрами, первоначально этот проект не получил широкого масштаба. За 1902 г. поступило всего 169 экземпляров, да годовая подшивка газеты «Курские губернские ведомости» [12, 17 апр.]. Но были и примеры иного порядка. Курский дворянин, содержатель частной библиотеки для чтения С. А. Фесенко в память событий 19 февраля 1861 г. передал «Семеновке» более 9 тыс. томов [5, с. 228]. Среди жертвователей книг были Российская Академия наук, Русское географическое общество, Археологическое общество, библиотеки Астрахани, Перми, Самары, Херсона и др. городов [19, с. 2–9].

На 1 января 1907 г. в семеновской библиотеке имелось 23483 тома книг и журналов. За этот год поступило 1161 издание, в том числе, 344 переданные в дар, а выбыло 95 экземпляров по ветхости (62) и утрате (23) [18, с. 132]. На 1 января 1912 г. библиотека имела 13 393 названия в

31393 томах. В 1912 г. поступило 331 название в 893 томах, из них пожертвовано 114 названий в 197 томах, куплено 154 названия в 228 томах, приложений к журналам 63 названия в 83 томах, приобретено по подписке периодических изданий 385 томов [7, 21 мая].

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ. При библиотеке был открыт бесплатный общедоступный читальный зал («читальня»), в котором можно было познакомиться с периодическими изданиями и почитать книги из основного фонда. Для получения доступа к периодическим журнальным изданиям первоначально нужно было в обязательном порядке зарегистрироваться и заполнить требование на специальном бланке, указав в нём название журнала, библиотечный шифр и некоторые другие данные. Кроме неудобства для посетителей читального зала («читальни»), эти действия являлись дополнительной обузой для служащих библиотеки. С осени 1900 г. номера ежемесячных журналов стали выкладывать на столах читального зала для свободного доступа читателей [9, 13 окт.].

Но, зачастую, хорошее и полезное решение может иметь и обратную сторону. Уже через пару недель «Курские губернские ведомости» писали: «И вот теперь некоторые из посетителей читальни стали упражняться, пока, правда, ещё в слабой степени в столь излюбленном провинциалами подчеркивании карандашом тех мест статьи или романа в журнале, которые показались почему-либо особенно удачно написанными. <...> Администрации Семеновской публичной библиотеки не мешало бы вывесить в читальной комнате объявление о том, что делать подчеркивания и приписки на выложенных журналах «строго воспрещается». Не привыкли еще у нас читатели обращаться с книгами и потому им следует указать на это» [9, 31 окт.].

Читальня Семеновской публичной библиотеки посещалась преимущественно учащимися. В 1900 г. в читальне было выдано 763 билета и читателями было сделано 8 837 посещений [17, с. 85]. В течение 1902 г. она была открыта 349 в году, и среднее число посетителей составляло 23 человека в день [12, 17 апр.]. О популярности читального зала говорит тот факт, что из-за наплыва в него посетителей временно пришлось прекратить работу абонементов по выдаче книг на дом.

ПУШКИНСКАЯ НАРОДНАЯ ЧИТАЛЬНЯ. В «Детском» или «Пушкинском» саду, разбитом на месте бывшей Навозной площади, был открыт филиал Семёновской библиотеки – бесплатная Пушкинская библиотека-читальня, которую также называли «народной» [11, 9 февр.].

Принцип работы Пушкинской народной библиотеки был иным, нежели в головной Семеновской библиотеке: книги в ней выдавались бесплатно, без всяких залогов и поручительств. Прибегая к такой практике, Пушкинская народная библиотека руководствовалась исключительно желанием сделать книгу доступной широкой массе простого народа, так как в Курске не было ни одной бесплатной библиотеки.

Но опыт этот оказался весьма неудачным. Число подписчиков к началу 1902 г. дошло до очень высокой цифры – более 1000 человек и около половину из них – учащиеся. Проверка библиотеки показало, что значительное число подписчиков не возвращает книги в течение полугода. Вследствие этого книги из Пушкинской народной библиотеки-читальни стали выдаваться с небольшим залогом или поручительством, как и в основной Семёновской публичной библиотеке, что привело к трёхкратному снижению посещаемости.

Кроме городского района в пределах четырех городских частей, подписчиками-читателями Пушкинской народной библиотеки являлись и окрестные жители из Очакова, Дальних Пескиев Казацкой, Пушкарной, Ямской, Стрелецкой, Щемиловки и местечка Хутор. Заведующей Пушкинской народной библиотекой была А. С. Лещинская, аккуратно и прилежно исполнявшая свои обязанности [12, 17 апр.].

Книг в Пушкинской народной библиотеке было значительно меньше, чем в семеновской. В 1900 г. их количество определялось 1 105 экземплярами [16, с. 58]. Пушкинская народная библиотека предназначалась, в первую очередь, для детей, но первоначально детской литературы как раз-то и не хватало. В начале 1903 г. детская читальня получила три ящика, по преимуществу, детских книг [12, 13 марта].

МУЗЕЙ. Идея создания музея была высказана на общем собрании членов Общества Семеновской публичной библиотеки 30 апреля 1900 г.: «А. В. Алехин доложил собранию о поступившем предложении от гг. Кобылина и Лоскутова относительно учреждения в Курске музея редких вещей. Они предлагают открыть собрание таких редких вещей для будущего музея при Семёновской библиотеке. Собрание согласилось и просило правление осуществить это» [9, 4 мая].

Реализовать предложенное получилось не сразу, но в начале 1901 г. на первой странице «Курских губернских ведомостей» появилось объявление следующего содержания: «Правление Курской Семеновской публичной библиотеки, ввиду предполагаемого открытия при библиотеке музея хранения памятников литературы и искусства, и предметов, имеющих общенаучное значение или могущих служить пособием к изучению Курской губернии в археологическом, историческом, этнографическом и других отношениях, обращается ко всем учреждениям и лицам, имеющим таковые предметы, с усердной просьбой не отказать принести что-либо из них в дар общественной Семёновской публичной библиотеке для хранения в предполагаемом к открытию в г. Курске, при библиотеке, музее. Пожертвования принимаются в Семеновской публичной библиотеке в г. Курске» [10, 23 февр.].

Непременным условием функционирования музейного отдела при библиотеке считалось создание отдела краеведческой литературы, который бы позволил проводить и элементарную научно-

исследовательскую работу. А. А. Танков по этому поводу писал: «Если бы кто-либо из курян пожелал ознакомиться с прошлым своего края, хотя бы по печатным сочинениям и статьям прежних исследований местной старины, он в этом отношении мог встретить неодолимое препятствие, так как все, что напечатано в разное, иногда очень отдаленное от нас время, нигде не собрано, не соединено вместе и пользование таким материалом положительно недоступно.

Несомненно, что в курской публичной библиотеке, подобно тому, как это сделано в других публичных библиотеках, будет устроен особый местный отдел, в котором будут собраны, по возможности, все сочинения и статьи, касающиеся в том или ином отношении курского края. В ряду их важное место займет собрание книг и других изданий, относящихся к истории курского края. Собрание это представляется, как мы уже имели случай трактовать, весьма важным, в особенности в виду того, что немалое число изданий по истории курской губернии в настоящее время представляют библиографическую редкость, а статьи, разбросанные по разным изданиям, почти совсем не доступны для знакомства с ними.

Таким образом, надлежащее устройство местного исторического отдела при курской публичной библиотеке будет, так сказать, первым камнем, который, быть может, ляжет в основание знакомства нашего образованного общества с прошлыми судьбами родного края, а знакомство это, позволительно верить и надеяться, мало-помалу будет развиваться, расти в ширину и глубину и принесет много пользы в деле изучения и исследования прошлого нашего края» [8, 4 дек.].

В соответствии с новой редакцией Устава, утвержденного Министром внутренних дел, и с разрешения губернатора с 1903 г. при Семёновской публичной библиотеке действовал «<...> особый местный отдел с музеем для собирания и хранения произведений современной и прошлой литературы и прежних искусств, рукописных материалов, археологических, палеонтологических и других естественно-исторических предметов, могущих служить к изучению губернии и пособием для самообразования» [12, 23 апр.].

В читальном зале библиотеки, в специальных витринах размещались редкие рукописи и книги. Среди них были: документ с собственноручной подписью Императора Александра II, рукопись на 25 листах с собственноручной правкой автора двух глав «Воскресения» Л. Н. Толстого, письма И. С. Тургенева, Н. И. Костомарова и Н. Г. Чернышевского, Типик или Устав великия церкви св. Софии в Новгороде, рукопись на пергаменте XIII столетия, славянская грамматика, составленная Мелетием Сметрицким и напечатанная в местечке Эвью, близ Вильны в 1619 г., арифметика Леонтия Магницкого 1703 г. и др. [9, 17 дек.]. В 1906 г. штабс-капитан Н. В. Гогунцов передал в дар библиотеки коллекцию, собранную им на Дальнем Востоке [2, л. 45].

При Семеновской публичной библиотеке действовал лекторий: преподаватель Курского реального училища А. Е. Данилевич знакомил слушателей с русской литературой, преподаватель Курской мужской гимназии В. В. Краинский читал лекции по вопросам естествознания, магистр русской истории В.Е. Якушкин подготовил материалы к 200-летнему юбилею русской печати. Лекции по физике читал штабс-капитан Н. В. Гогунцов [5, с. 230].

Курская публичная библиотека имени Ф. А. Семенова стала ведущей губернской организацией по репродукции книжной культуры и знаний, настоящим центром общественной жизни Курска в конце XIX – начале XX вв. Ее книжная коллекция была положена в основу библиотечного строительства после всех политических и социально экономических катаклизмов 1917–1920 гг. и до сих пор служит благодарному читателю.

Источники и литература

1. Абрамов К.И. Городские публичные библиотеки России (1830 – начало 1860-х гг.). М., 2001.
2. Государственный архив Курской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5458.
3. Журналы заседаний Курской городской Думы за 1898 год. Курск, 1913.
4. Каталог Курской Семеновской публичной библиотеки-читальни. Курск, 1899.
5. Кононова Т.Л. Книжное дело в Центральном Черноземье (конец XVIII – начало XX вв.). Курск, 2017.
6. Курское Александровское образцовое городское училище и деятельность его основателя: По поводу десятилетия училища (1873–1883). М., 1885.
7. Курская быль: ежедневная газета / ред. В. Н. Якушев. 1913.
8. Курские губернские ведомости. 1897. Часть неофиц.
9. Курские губернские ведомости. 1900. Часть неофиц.
10. Курские губернские ведомости. 1901. Часть неофиц.
11. Курские губернские ведомости. 1902. Часть неофиц.
12. Курские губернские ведомости. 1903. Часть неофиц.
13. Курские губернские ведомости. 1905. Часть неофиц.
14. Курский листок: газета общественной жизни, политики, литературы, промышленности и торговли / ред.-изд. С. А. Фесенко. 1900.
15. Обзор Курской губернии за 1898 год. Курск, 1899.
16. Обзор Курской губернии за 1900 год. Курск, 1901.
17. Обзор Курской губернии за 1901 год. Курск, 1902.
18. Обзор Курской губернии за 1906 год. Курск, 1907.
19. Отчет правления о деятельности Курской Семёновской публичной библиотеки и Пушкинской бесплатной народной библиотеки-читальни при ней за 1901 (4-й год). Курск, 1902.
20. Отчет правления о деятельности Курской Семёновской публичной библиотеки и Пушкинской бесплатной народной библиотеки-читальни при ней за 1903 (6-й год). Курск, 1904.
21. Семенов М.Ю. Культурно-просветительные инициативы курской интеллигенции в конце XIX – начале XX в. (на примере деятельности Семеновской публичной библиотеки) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2011. № 8–1(14).

И. В. Шпаков, Е. В. Холодова

ДОМ О. С. КОСАРЕВОЙ – ЕДИНСТВЕННЫЙ СОХРАНИВШИЙСЯ АДРЕС КРАЕВЕДА Н. И. ЗЛАТОВЕРХОВНИКОВА В КУРСКЕ

По первому генеральному плану г. Курска 1782 г. участок с современным адресом ул. Володарская, 81 относился к 1 части города и планировался под деревянную застройку. Сама улица была проложена по этому же плану и до 1918 г. имела наименование 2-я Сергиевская [1, с. 58].

Натурное исследование первого этажа сохранившегося каменно-деревянного здания на участке 81 по ул. Володарского (рис. 1) с измерением кирпича, толщины рядов и шва в кладке фасада, согласно методическим рекомендациям научно-реставрационной ассоциации «Росреставрация», позволяет достаточно точно датировать постройку 1846–1849 гг.

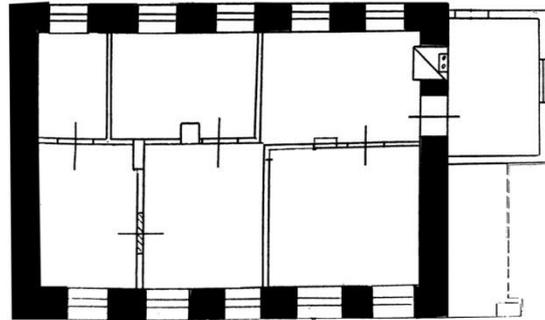

Рис. 1. Главный фасад и план первого этажа главного усадебного дома 1846–1849 по ул. Володарского, 81

Композиция главного фасада здания отличается равновесной статичностью, где цокольный кирпичный этаж (подклет) играет роль постамента для деревянной конструкции жилого парадного этажа здания. Гармоничную равновесность определяют так же равный шаг оконных проёмов здания, облегчающий восприятие объекта в целом. Фасады основной части дома неоднократно ремонтировались, но сохранили отделку, приближенную к первоначальной. Бревенчатые стены обшиты тёсом, пологие лучковые окна декорированы наличниками с фигурными и накладными глухими резными деталями. Кирпичный подклет выполнен в открытом кирпиче и побелен. По флангам плоскость его стены ограничивается раскрепованными лопатками, содержащими заглубленные филенки в виде простого обвода прямоугольного поля лопаток. Помимо декоративной функции угловые лопатки несут еще конструктивную: образуют утолщение стен, необходимое для придания дополнительной прочности и устойчивости конструкции здания. Деревянная парадная входная дверь, как и лестница главного входа западного главного фасада

дома изменены и не используются. Венчающий карниз гладкий подшивной на кронштейнах. Композиция дома, резной и накладной декор являются примером главного дома городской усадьбы, характерной для рядовой дерево-кирпичной исторической окраинной застройки Курска середины XIX – начала XX вв.

Из материалов по упорядочиванию городской нумерации Курска 1928 г., анкеты описания земельного владения 1926 г., заявлений в присутствие по квартирному налогу 1899, 1900 и 1907 гг., которые сохранились в Государственном архиве Курской области удалось установить, что в 1899–1926 гг. владельцем рассматриваемого домовладения была Ольга Семеновна Косарева — курская мещанка, 1856 г. рождения, инвалид, получившая участок с постройками в наследство от мужа [2, л. 21; 3, л. 27–27 об.; 4, л. 284; 5, л. 78; 6, л. 5].

В заявлении в присутствие по квартирному налогу, поданном 7 января 1899 г. указывалось, что в доме О. С. Косаревой имеется 3 квартиры. Первая квартира находится на втором этаже и содержит 5 окон на улицу и 5 во двор, ее снимает за 216 руб. в год дворянин В. А. Сафронов. Вторая квартира находится на первом этаже и содержит 5 окон на улицу и 2 окна во двор, ее снимает за 84 руб. в год Г. В. Киселев. Третья квартира имеет 2 окна на улицу и 5 окон во двор, ее занимает домовладелица О. С. Косарева [4, л. 284–286].

На основании этого можно утверждать, что главный усадебный дом являлся доходным и полностью сдавался, хозяйка участка проживала в деревянном флигеле (с двухоконным уличным фасадом), который сейчас имеет номер 81А, а до 1998 г. (согласно печати в техническом паспорте) относился к 81 домовладению (рис 2.).

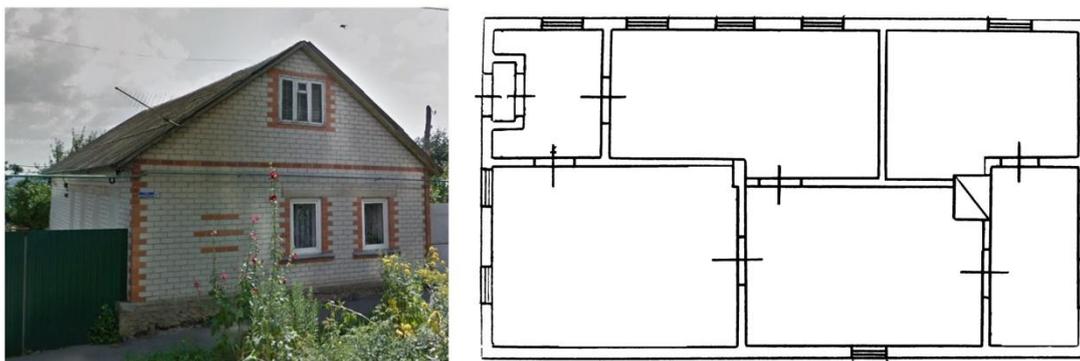

Рис 2. Бывший флигель (после реконструкции начала 2000-х г.) и его план (на 1998).

В настоящее время домовладение по ул. Володарского, 81А.

Озвученная версия подтверждается заявлением, поданным 3 января 1900 г. В нем указывается, что первая квартира имеет 8 окон на улицу и 7 окон во двор, ее снимает за 20 руб. в месяц Е. Н. Баконин. Вторая квартира находится на первом этаже и имеет 7 окон на улицу и 5 окон во двор, ее снимает за 7 руб. в месяц Г. В. Киселев. Третья квартира

находится во флигеле и имеет 3 окна на улицу и 2 окна во двор, ее занимает сама домовладельца О. С. Косарева [5, л. 78–81]. Изменение числа окон, вероятно, связано с включением в подсчет ранее не учитывавшихся торцевых окон зданий.

Заявление 1901 г. О. С. Косаревой в Государственном архиве Курской области не сохранилось. Однако, сохранилась информация о нем в «Общем списке Государственного квартирного налога», куда переносились сведения обо всех домовладельцах г. Курска, сдающих квартиры, и указывались все квартиросъемщики города [7]. О. С. Косарева подала заявление 24 января 1901 г. [7, л. 48 об. – 49]. Проживал в ее доме только Н. И. Златоверховников [7, л. 37 об. – 38]. Таким образом, можно говорить, что Н. И. Златоверховников въехал в дом О. С. Косаревой в 1900 г., и предположить, что он занимал все 2 этажа.

Николай Иванович Златоверховников (1865, Москва – после 1921, Курск), краевед, общественный деятель.

После окончания гимназии обучался в Московском императорском университете, но в связи с материальными затруднениями полный курс окончить не смог. С 14.02.1896 начал работать в Курске «в штате канцелярских служащих Курского губернатора». В сентябре 1899 г. ему был присвоен чин коллежского регистратора, с 15.11.1899 – секретарь губернского статистического комитета.

В 1901 г. под его редакцией вышел первый том «Курского сборника», в котором Н. И. Златоверховниковым совместно с А. А. Танковым был опубликован первый путеводитель по городу Курску. Всего под редакцией Н. И. Златоверховникова вышло 7 выпусков «Курского сборника».

С 12.05.1901 служил в губернском правлении секретарем, а с 27.06.1903 стал старшим чиновником по особым поручениям при Курском губернаторе. Один из инициаторов создания в 1903 г. Курской губернской ученой архивной комиссии (КГУАК). При организации этого специализированного научного общества был избран правителем дел и заведующим историко-археологическим и кустарным музеем. При его непосредственном участии были выпущены труды КГУАК (1911 и 1915).

Н. И. Златоверховников автор книг «Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии» (1902), нескольких краеведческих статей (о Н. Н. Гордееве, о XII-м археологическом съезде, о курских иконописцах).

В «Курских губернских ведомостях» опубликованы его литературные произведения (рассказы «Трошка», «К своим», «Подкидыш» и другие).

За успехи на гражданской службе Николай Иванович Златоверховников в 1904 г. был награжден орденами Святого Станислава II и III степеней, в 1912 г. – орденом Святой Анны III степени. Помимо них

имел еще несколько медалей. Служил чиновник весьма ревностно. В его формулярном списке имеется запись, что он «многократно был командирован по служебным делам в уезды губернии, причём в 1905–1906 гг., подвергаясь опасности во время бунта крестьян в Грайворонском и Щигровском уездах, весьма успешно выполнил данные ему поручения». [8].

На настоящее время известно три адреса проживания Н. И. Златоверховникова в Курске: 1900–1901 гг. — ул. 2-я Сергиевская, дом О. С. Косаревой [7, л. 37 об. – 38]; 1904–1908 гг. — Верхняя Лазаретная (Кондыревская), часть II, дом Т. Н. Завогряевой [9, л. 1 об.; 10, л. 1 об.; 11, л. 62–63; 12, л. 39 об.]; 1910 гг. — ул. Кондыревская, дом А. П. Худокормовой [13, л. 122 об.]. Из всех названных адресов сохранилось только первое домовладение на бывшей 2-й Сергиевской ул., сейчас ул. Володарского, 81. Дома 51 (Т. Н. Завогряевой) и 52 (А. П. Худокормовой) по улице Димитрова (ранее Кондыревская) были снесены 1980–1990-е г.

Именно во время проживания Н. И. Златоверховникова в доме О. С. Косаревой им производилось написание двух крупных трудов по истории Курского края: «Курский сборник. Выпуск 1» (опубликован в 1901 г.) и «Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии» (опубликован в 1902 г.).

С повышением по должности Н. И. Златоверховников переезжает ближе к месту своей работы в центре города.

В заявлении в присутствие по квартирному налогу, поданном 7 января 1903 г. указывалось, что в доме О. С. Косаревой имеется 3 квартиры. Первая квартира имеет 2 окна на улицу и 5 окон во двор, 3 комнаты, ее занимает домовладелица О. С. Косарева. Вторая квартира 5 окон на улицу и 5 во двор, 4 комнаты, ее снимает за 216 руб. в год дворянин Ф. П. Карташов. Третья квартира содержит 5 окон на улицу и 4 окна во двор, 3 комнаты, ее снимает за 84 руб. в год мещанин, кондуктор П. В. Воронков [18, л. 211–213].

В заявлении в присутствие по квартирному налогу, поданном 8 января 1907 г. указывалось, что в доме О. С. Косаревой имеется 3 квартиры. Первая квартира находится на втором этаже и содержит окна на улицу и во двор, 4 комнаты, ее снимает за 216 руб. в год дворянка Зинаида Николаевна Кебер. Вторая квартира находится на первом этаже и содержит окна на улицу и во двор, 3 комнаты, ее снимает за 108 руб. в год крестьянин Алексей Данилович Ноздрачев. Третья квартира в первом этаже имеет окна на улицу и во двор, 3 комнаты, ее занимает домовладелица О. С. Косарева [6, л. 5–6].

Таким образом, можно сделать вывод, что в 1899–1907 гг. О. С. Косарева проживала во флигеле, а главный усадебный дом сохранял статус доходного.

В 1910–1915 гг. в доме О. С. Косаревой квартировался помощник ревизора Курской контрольной палаты, надворный советник Лев Михайлович Подпрятков [15, с. 196; 16, с. 198; 17, с. 183; 18, с. 182; 19, с. 191; 20, с. 183].

В советское время городская усадьба не была муниципализирована и осталась в собственности по праву застройки.

В анкете описания земельного владения по ул. Володарского, 69, заполненной в 1924 г. для финансового инспектора собственноручно О. Косаревой указана владелицей данного участка с постройками гр. Ольга Семеновна Косарева. 2-этажный дом с сенями занимали Косарева и Домахина. 1-этажный флигель занимал Путырский. Уличные сарай и погреб находились в общем пользовании [21, л. 65–65 об.].

Из воспоминаний современных жильцов дома по ул. Володарского, 81А известно, что Косарева и Домахина имели родственные связи.

В анкете описания земельного владения по ул. Володарского, 69, заполненной в 1926 г. для финансового инспектора собственноручно А. Косаревым указана владелицей данного участка с постройками 70-летняя Ольга Семеновна Косарева. 2-этажный дом с сенями занимали семьи служащих Косаревы и Домахина. Одноэтажный флигель занимал служащий Путырский. Уличные сарай и погреб находились в общем пользовании [3, л. 27–27 об.].

Из материалов упорядочивания нумерации домовладений Курска известно, что к 1928 г. О. С. Косарева скончалась и участок со зданиями перешли ее наследникам, которые по воспоминаниям соседей проживали в здании до середины XX в. [2, л. 21].

Во время Великой Отечественной войны здание не пострадало.

В послевоенное время здание эксплуатировалось как многоквартирный дом, к нему были выполнены несколько пристроек.

В 1998 г. бывший деревянный флигель был выделен в отдельное домовладение ул. Володарского, 81А. В начале 2000-х г. он был реконструирован с заменой материала несущих стен и изменения планировки и значительно расширен со двора.

В 1995 г. здание по улице Володарского, 81 было включено в Список выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность (утв. председателем комитета по культуре и искусству Администрации Курской области 16.01.1995 г.) как «Дом жилой, кон. XIX – нач. XX в.».

В настоящее время здание остается многоквартирным жилым домом.

Историко-мемориальная ценность домовладения по ул. Володарского, 81 бесспорна и имеет превалирующее значение, как узнаваемая сохранность территории жилой городской усадьбы и его главного дома, принадлежащей мещанке Ольге Семеновне Косаревой,

являющийся в конце XIX – начале XX вв. доходным. Городская усадьба более ста лет и до настоящего времени сохраняет свою первоначальную функцию жилого дома.

Особо ценным, установленным в ходе исследования фактом, является время жизни в доходном доме О. С. Косаревой, в 1900-х годах, видного исследователя Курского края, писателя, общественного деятеля Николая Ивановича Златоверховникова (1865 – после 1921), внесшего значительный вклад в изучение истории Курского края, выразившегося в многочисленных многотомных публикациях «Курского сборника», «Трудов Курской губернской ученой архивной комиссии», «Памятников старины и нового времени...» и других, имеющие со временем всё возрастающий интерес и ценность источниковой базы для современных исследователей, что является и ценной характеристикой с точки зрения социальной культуры – включенность трудов и биографических сведений Н. И. Златоверховникова в научный оборот: публикации в научно-краеведческих изданиях, средствах массовой информации, электронных ресурсах.

При этом ценностные характеристики, отмеченные в сохранности и узнаваемости облика жилого дома на время его создания и жизни выдающегося историка Курского края так же возрастают, по факту того, что из всех известных адресов проживания Н. И. Златоверховникова в г. Курске, дом на ул. Володарского, 81 единственный сохранившийся.

Особым общественным значением здания, в этой связи, безусловно, является его привлекательный туристический статус, как по своей первичной функции – дореволюционного городского особняка с характерным обликом узнаваемой исторической застройки г. Курска, так и памятное место, где жил и трудился выдающийся деятель культуры начала XX в. Н. И. Златоверховников.

Дом является неотъемлемой частью жилой исторической застройки г. Курска и представляет собой значительную ценность с точки зрения истории, как культурно-историческое наследие, находящееся в центре формирования особого круга достопримечательностей и памятных мест, обладает значительным просветительским, творческим и патриотическим потенциалом, что является одним из приоритетных направлений современной государственной культурной политики России.

Источники и литература

1. Административно-территориальное деление и улицы города Курска: Справочное издание / сост. А. С. Травина; ред. кол.: В. Л. Богданов (гл. ред.) [и др.]. Курск, 2018.
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-866. Оп. 1. Д. 266.
3. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 3. Д. 140.
4. ГАКО Ф. 143. Оп. 1. Д. 67.
5. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 84.

6. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 181.
7. ГАКО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 141.
8. Бугров Ю.А., Щавелев С.П. Николай Иванович Златоверховников // Большая Курская Энциклопедия. Т. 1: Персоналии, кн. 1: [А–К] / [Курское обл. краеведческое о-во и др.; гл. ред. Ю. А. Бугров]. Курск, 2004.
9. ГАКО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 151.
10. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 153.
11. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 190.
12. ГАКО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 153.
13. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 220.
14. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 128.
15. Курский адрес-календарь. 1910. Курск, 1910.
16. Курский адрес-календарь. 1911. Курск, 1911.
17. Курский адрес-календарь. 1912. Курск, 1912.
18. Курский адрес-календарь. 1913. Курск, 1913.
19. Курский адрес-календарь. 1914. Курск, 1914.
20. Курский адрес-календарь. 1915. Курск, 1915.
21. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 3. Д. 138.

Н. Г. Кононов

**КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СЕЛА МАЛОМИХАЙЛОВКА И КОЛХОЗА
«ВЕСЕЛЕ ЖИТТЯ» ШЕБЕКИНСКОГО РАЙОНА
НЫНЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ
КУРСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)**

Экспедиция проводилась с 20 по 31 августа 1950 г. в связи с реорганизацией колхоза «Веселе життя» и его объединением с другими соседними колхозами. В результате объединения новый колхоз получил название им. Андреева. Планировалось на базе вновь создаваемого колхоза организовать агрогородок. Для этого были все необходимые условия. В частности, в селе имелись: электростанция, мельница, медпункт, районный Дом культуры, 7-летняя школа, автомобильный гараж, баня, большой колхозный двор. В колхозе был свой музей, который возглавляла тов. Матвиенко. Кстати, до войны и после ее окончания колхоз «Веселе життя» был одним из лучших в области.

Колхоз возглавлял тов. Поздняков, секретарем партийной организации объединенного колхоза был избран Ф. А. Рябоштанов.

До приезда в колхоз представителей Курского областного краеведческого музея в составе руководителя экспедиции Уланова Петра Ивановича, действительного члена Всесоюзного общества «Знание», заместителя директора Курского педучилища по заочному обучению, фотографа музея Булгакова Ивана Ивановича, художника от Курской

артели «Художник» Г. С. Сухорукова и 4-х студентов из пединститута его уже посетили ряд делегаций: газеты «Курская правда», московских музейных работников и ленинградских писателей. Они изъяли наиболее ценные экспонаты музея и увезли их с собой.

Одновременно с представителями экспедиции Курского областного краеведческого музея в селе работали: землеустроительная комиссия, бригады архитекторов, облисполкома и райфинотдела, экспедиция по планированию агрогородка, представители Совета по делам колхозов при СНК СССР и др.

Музейные работники города Курска встретились с руководством колхоза, посетили полеводческие бригады № 2 и 5, побывали в животноводческих бригадах, посетили ферму водоплавающей птицы. Колхозникам были прочтены лекции о международном положении, рассказано о задачах экспедиции, высказана просьба об оказании помощи в сборе экспонатов.

Были организованы встречи с секретарем комсомольской организации, старожилыми села.

Из рассказов старожилых выяснено, что село Маломихайловка (названная по церковному приходу) в прошлом называлась Бирюковкой по имени бывшего помещика Бирюкова. Оно возникло задолго до реформы 1861 г.

Судя по сохранившейся карте, накануне Первой мировой войны основная часть земель принадлежала помещику Коробкову (Коробко). В 1893 г. к югу от села земля помещика была взята в аренду, а потом выкуплена купцом-сахарозаводчиком Рыжовым. В 7 км от села он построил сахарный завод (во время проверки это был пищекомбинат им. Буденного).

К северо-западу от села располагался лес. Земли же крестьян находились в 7 км от села. Накануне реформы 1861 г. в селе насчитывалось 63 двора, из которых 22 двора были безземельными. Это дворовые крестьяне.

Село постоянно развивалось, росла и численность его населения. В начале XX в. в селе насчитывалось около 200 дворов, из них 32 двора были безземельными и 80 дворов – малоземельными [2, л. 49–58; 1–5].

По задокументированным рассказам старожилых села Григория Борисовича Батракова (1886 г. р.), Ивана Васильевича Мошенко (1885 г. р.), его жены Ольги Тимофеевны Мошенко, Семена Ефимовича Мазанова и др. до самой Октябрьской революции 1917 г. жизнь крестьян села Маломихайловки была «тяжела и беспросветна».

«До самой Октябрьской революции, – говорили старожилы села, – душили крестьян Маломихайловки помещики и сахарозаводчики. Много пришлось пережить крестьянам до реформы 1861 года и после нее, много

пришлось пережить до Февральской революции и после нее – вплоть до полного установления власти рабочих и крестьян.

По всей округе земля почти вся принадлежала помещикам – у нас, как паук, – сидел Бикарюк, а после него Коробковы, Рыжов, Килькин; в Зимовеньках-Беженках – графы Бобринские, в Неклюдовке – Неклюдовы. Все лучшие земли, леса и другие угодья, водоемы и пастбища принадлежали помещикам. Крестьянской земли было мало, и она была плохая, а к тому же не ближе 7 км от села» [4, л. 4].

Душевой надел давался только мужчине-работнику и составлял 1,2 десятины пахотной земли. При проведении реформы 1861 г. помещик Коробков (купивший имение и село незадолго до реформы 1861 г. у Бирюка), ограбил крестьян, отрезав у них лучшие земли. Землеустройство было проведено так, что скот на пастбище можно было прогнать только по помещицкой земле. По помещицкой земле надо было пройти самому же крестьянину и в церковь (в с. Маломихайловка было две церкви и обе на помещицкой земле). За все приходилось платить и отрабатывать: за аренду земли, за пользование водоемами, за сенокос, за прогон скота по помещицкой земле.

Первоначальная сумма выкупных платежей по реформе 1861 г. была определена в 1 180 рублей серебром. За «свободу» же крестьяне выплатили в несколько раз большую сумму вместе с процентами.

Нечеловеческое, зверское обращение с крестьянами надолго сохранилось и после реформы 1861 г.

Помещики Бикарюк и Коробковы травили крестьян собаками, запарывали до смерти. В памяти остался случай, когда помещик Коробков отнял молодого крестьянского парня от родителей и невесты и сдал в рекруты за то, что, охраняя ночью барскую усадьбу, он пересек свой собственный след по свежевывавшему снегу. Коробков воспринял это, как желание парня при жизни поставить ему крест, велел его выпороть и сдать в рекруты. Вплоть до 1905 г. крестьяне мимо усадьбы помещика могли проходить только с непокрытой головой – и это во всякую погоду.

Среди крестьян разжигалась борьба между надельными и дворовыми, между украинцами и «москалями», между старожилами и поселянами.

И после Февральской революции 1917 г. крестьян продолжали душить налоги. На одну душу населения налог составлял 160 рублей, подати сельские – 96, подати общественные – 10, казенные – 12, оброчные – 32 рубля, прочие – 10 рублей.

В селе до Октябрьской социалистической революции работала церковно-приходская школа, в которой обучалось до 20 детей. Она находилась в северной церкви. Между церквями находился склеп. Рядом с помещицким домом был устроен карцер, состоявший из 2-х каменных подвалов. Кухня помещика была за домом, у самой речки Нежеголь.

Имелся конный завод. Между конным и хозяйственным дворами было 3 амбара. Напротив хозяйственного двора находилась овчарня с земляным полом площадью в 50 кв. м, а рядом с ней – клуня.

У села весь речной водоем принадлежал помещикам.

В 1905 г. под предводительством уроженца села крестьянина Матвея Захаровича Снопкова восставшие крестьяне дотла сожгли помещичье имение и хозяйственные постройки. Восстание крестьян было подавлено отрядом драгун.

После Февральской революции 1917 г. крестьяне села сразу же разобрали весь помещичий скот, инвентарь и постройки, разделили помещичью землю и засеяли ее.

Революционное движение крестьян возглавил уроженец села Григорий Борисович Бобраков, 1886 г. р. Он был участником Первой мировой войны и имел связи с большевиками. По заданию большевиков покинул армию и в 1917 г. организовал в родном селе движение крестьян за раздел помещичьей земли и имущества. Им был создан вооруженный отряд в количестве 200 человек, впоследствии вошедший в 78-й полк, которым он командовал до конца Гражданской войны. В члены большевистской партии Г. Б. Бобраков вступил в 1918 г. Активно участвовал в организации колхоза «Веселе життя» и до его реорганизации в 1950 г. был секретарем первичной партийной организации колхоза.

До Октябрьской революции Маломихайловка представляла собой обычное русское село. Все крестьянские хаты были покрыты соломой, полы земляные. Одно окно выходило во двор, другое – на улицу. Окна были подъемными, как в железнодорожном вагоне IV класса. И если человек высовывался из окна, то рама могла придавить ему шею.

После революции село разрослось до 300 дворов, постройки стали неузнаваемыми. До начала Великой Отечественной войны в селе было построено более 70 новых домов колхозников. Дома строились по-новому: они состояли из одной–двух комнат и кухни. Более чем вдвое увеличилась жилая площадь, у многих земляные полы были заменены на дощатые. Вместо хворостяных труб, обмазанных глиной, появились кирпичные. Повсеместно оконные рамы стали двустворчатыми. Количество окон возросло от 6 до 8, из которых на улицу выходило 2–3 окна. Старые русские печи были заменены на новые в комплекте с плитой. Крыши домов стали покрывать железом.

До войны колхоз построил правление, сельсовет, две большие конюшни, свинарники, большой птичник, новый мост через реку Нежеголь, новую дорогу на Большетроицу, медпункт, хату-лабораторию и т. п.

Одна их церквей была отдана под клуб, другая – под зернохранилище.

В период временной немецкой оккупации почти все колхозные постройки были уничтожены, разрушено 7 домов колхозников. Было угнано в Германию 18 человек. От голода и эпидемии умерло 25 человек. На фронтах погибло 300 селян, или 1 человек на двор.

Немцы забрали из колхоза 186 лошадей, 200 свиней, много крупного и мелкого рогатого скота у колхозников.

Прямой материальный ущерб, нанесенный гитлеровцами колхозу «Веселе життя», составил 697 600 рублей.

К 1950 г. колхоз восстановил почти все постройки. Кроме того были построены: электростанция, мельница, баня, детские ясли и др.

В селе был посажен парк, оборудован стадион, по всем улицам проведена посадка деревьев, перед домами колхозников построены палисадники, восстановлены дворы и т. п.

В 1947 г. колхоз приступил к посадке полезащитных лесных полос. За 1947–1950 гг. они были посажены на площади в 24 га. Колхозники внимательно следили за лесопосадками. Они тщательно пропалывались и служили важным средством для снегозадержания и повышения урожайности в будущем.

Большую роль в восстановлении и благоустройстве села сыграла партийная организация колхоза во главе с ее секретарем Григорием Борисовичем Батраковым.

С организацией колхоза имени Андреева в его составе на учете состояло 28 членов ВКП(б) и 9 кандидатов в члены ВКП(б). Из них 13 человек работали непосредственно в колхозном производстве, 5 человек, по разрешению колхоза, – в промышленности, остальные занимали те или иные руководящие должности в своем хозяйстве и в селе: председатель сельхозартели, председатель исполкома сельсовета, 4 человека были бригадирами полеводческих бригад, 2 – заведующими фермами и т. п.

Партийная организация колхоза, наряду с чисто партийными, рассматривала и хозяйственные вопросы, помогая правлению в реализации задач, стоящих перед артелью. Все коммунисты были охвачены сетью партийного просвещения в кружках по изучению Краткого курса истории ВКП(б) [1, л. 1–11; 2, л. 98].

Вновь избранным секретарем парторганизации объединенного колхоза был избран А. Ф. Рябоштанов.

Помощником партийной организации колхоза был Ленинский комсомол (секретарь комсомольской организации Снопченко Александр Максимович). В селе на учете состояло 45 комсомольцев. Основная масса из них имела начальное и 7-летнее образование.

Комсомольцы и молодежь принимали самое активное участие в жизни села. Передовые пахари И. И. Воронин, П. И. Михайлов,

Д. Т. Рябоштанов и др. всегда выполняли и перевыполняли установленные для них нормы выработки.

Комсомольцы колхоза на основе социалистического соревнования активно участвовали в посевных и в уборочных кампаниях. На уборке урожая ими организовывались «красные обозы». Девизом комсомольцев был: «Не уходи с поля, не перевыполнив нормы!».

Они активно участвовали в декаднике по бору местных удобрений, в вывозке навоза на поля. Так, в феврале 1950 г. комсомольцы колхоза в ответ на призыв Курского обкома ВЛКСМ принять активное участие в декаднике по подготовке к весеннему севу на основе широкого применения сдельщины вывезли на поля 884 ц навоза. Молодежно-комсомольская бригада № 5 Славгородской Пелагеи Петровны вывезла на поле 208 ц навоза, бригада № 4 И. Г. Шелкоплясова – 205 ц, бригада № 2 К. Р. Рябоштанова – 184 ц. Образцы труда на вывозке навоза показали: И. И. Гончаров, Н. Г. Плоткина, Н. А. Гречаникова и др. [1, л. 11–15].

Весной 1950 г. комсомольцы выступили инициаторами соцсоревнования за сжатые сроки сева при высоком качестве работ. В ходе соревнования систематически перевыполняли нормы Е. Д. Шимченко, П. Ясенков и др. Передовикам сева были вручены переходящие красные флажки. Долженко Зина не уходила с поля, не выполнив нормы. Ударно работали молодой тракторист И. Долженко, Г. Гончаров, комсомолка Михайлученко и др. [4, л. 2, 4, 9, 78].

Комсомольцы села были инициаторами строительства гидроэлектростанции, которое было начато в 1946 г. Все 9 комсомольцев приняли в ее строительстве самое непосредственное участие. Особых результатов в строительстве добились плотник-стахановец Петр Тимченко, Гончаров Петр Сергеевич, сам секретарь комсомольской организации Снопченко Александр Максимович.

К 30-летию Великого Октября гидроэлектростанция была построена. Для проведения электропроводов к хозяйственным постройкам и домам колхозников комсомольцы создали специальную бригаду. П. Гончаренко и А. Снопченко и тут показали пример социалистического отношения к труду.

Благодаря их усилиям к 1950 г. село было полностью электрифицировано: поставлено 500 светоточек.

Постройка гидроэлектростанции позволило в колхозе ввести электромолотьбу. В 1949 г. было обмолочено 250 ц зерновых культур.

Колхоз являлся семеноводческим хозяйством. Сдавал государству зерно 1 и 2-й кондиции первого и второго класса. Для очистки зерна установлены зерноочистительные машин, которые работали на электрической тяге. До применения электричества на обмолот 100 ц зерна затрачивалось 53 трудодня, а с применением электричества – 35. Благодаря электричеству не только облегчался труд колхозников, но и колхоз одним

из первых в области рассчитывался с государством по хлебопоставкам [3, л. 37, 78–80].

Осенью 1947 г. по инициативе комсомола началась радиофикация села. Сначала радио было установлено на колхозной площади, затем проведено в клуб, сельсовет и правление колхоза. Несколько позже было радиофицировано и село. Колхоз помог в закупке проводов.

Было радиофицировано и соседний колхоз «Пятилетка». В его радиофикации приняли участие Петр Трофименко, Фёдор Гончаров, братья Тимченко.

В начале 1948 г. по просьбе комсомольцев села область помогла приобрести киноустановку. Комсомолец Николай Тимченко стал киномехаником.

В октябре 1948 г. в честь 30-летия со дня организации Ленинского комсомола комсомольцы села посадили парк площадью в 1 га.

Весной 1949 г. они организовали физкультурный коллектив. По настоянию комсомольцев на приобретение спортивного инвентаря правление колхоза выделило 3000 рублей.

Комсомольцы и несоюзная молодежь построили в селе спортивную и волейбольную площадки, футбольное поле, установили параллельные брусья, перекладину и т. п. Были созданы футбольная и волейбольная команды, работал гимнастическая и шахматно-шашечная секции [1, л. 9; 2, л. 38–39].

В 1947–1948 гг. комсомольцы села приступили к восстановлению сельского клуба. Александр Михайлусенко, Павел Гречанинов вставляли окна, делали скамьи, диваны, соорудили балкон для кинобудки, вместе с плотниками колхоза в зрительном зале отремонтировали крышу, провели электричество и сделали электропроводку.

При клубе работали различные кружки и секции (музыкальный, драматический, шахматно-шашечный и др.). Клуб был одним из лучших в районе и в августе 1949 г. получил статус районного.

ДК имел 3-х освобожденных работников: директора, руководителя художественной самодеятельности и технического работника. ДК организовывал выезды по району и ставил платные спектакли.

Некоторые участники художественной самодеятельности зарекомендовали себя хорошими танцорами (А. Михайлусенко, Славгородская Мария, Мирошниченко Мария и др.) и певцами (Тренев, Станкова, М. Я. Трофимченко и др.) [1, л. 13, 37; 2, л. 48, 50].

Как видим, комсомольцы играли важную роль в культурной жизни села и колхоза. Около 30 комсомольцев занимались в политшколе (руководитель школы Мирошниченко). Комсомольцы И. П. Немерцев, П. С. Гончаров, З. З. Долженко, А. Р. Рябоштанова и др. регулярно проводили беседы на фермах и в поле.

Работала и комсомольская культбригада, которая обслуживала колхозников не только в клубе, но и в поле.

Благодаря активной работе комсомольцев постоянно росла численность комсомольской организации колхоза. В декабре 1946 г. она насчитывала 6 человек, а в 1950 г. – уже 42. С объединением колхозов в один колхоз (на 25 августа 1950 г.) комсомольская организация уже насчитывала 125 человек.

В посёлке имелась 7-летняя школа (директор Василий Ефимович Григоров), в которой в 1949/50 учебном году обучалось 208 школьников.

В 1947 г. при школе была создана вечерняя школа колхозной молодежи.

Кстати, до Октябрьской революции 1917 г. 70 % населения села были неграмотными [3, л. 40–45].

В селе имелась и своя библиотека. Ее книжный фонд за послевоенные годы увеличился с 350 до 2852 книг, число читателей – соответственно с 23 до 536 человек, в их числе – 213 колхозников. Читателями является каждый второй житель села.

Библиотека организовывала читательские конференции по книгам советских авторов военного времени: А. Фадеева «Молодая гвардия», Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке» и по др.

В соответствии с решением Шебекинского райкома партии в селе был организован сельский лекторий (руководитель директор школы В. Е. Григоров). При лектории была создана лекторская группа в составе 8 человек (В. Е. Григоров, М. Ф. Куценко, (учитель русского языка и литературы), Архангельский (агроном колхоза), Поздняков (председатель колхоза), М. Демиденко (завмедпунктом) и др.).

Наряду с лекторской группой на селе был и агитколлектив, который объединял 23 коммуниста и 17 комсомольцев. Возглавлял его секретарь партийной организации колхоза А. Ф. Рябоштанов. Он регулярно собирал агитколлектива для проведения инструктажа. На его заседаниях обсуждались важнейшие постановления партии и правительства, вопросы международного положения СССР, проведения хозяйственно-политических кампаний, вопросы, связанные с ликвидацией недочётов в работе колхоза, бригад и ферм.

Агитаторы колхоза вели значительную агитационную работу среди селян и колхозников. Особо большую работу они проводили в период посевных и уборочных кампаний [2, л. 14–15, 20–21, 45–52].

Большое значение в жизни колхоза имела стенная печать. Она на областном конкурсе газеты «Курская правда» заняла 1-е место. В колхозе регулярно издавались газета «Молния», в бригадах – «боевые листки». Почти половина колхозников принимала участие в выпуске стенной печати. Материалы «Молний» и «боевых листков» сначала готовились колхозниками коллективно, обсуждались на бригадных собраниях или на

политинформациях, а затем уже вывешивались на видных местах для всеобщего обозрения. С критикой особых недостатков в работе колхоза выходил и «Крокодил».

Животноводы имели свою газету «Животновод», которая выходила 3 раза в месяц.

Стенная печать оперативно откликалась на все вопросы производства и общественной жизни колхоза. На ее страницах шел обмен опытом стахановского движения, велся календарь сельскохозяйственных работ, помещались статьи по вопросам агрономии и зоотехнии, давались показатели хода соцсоревнования и выполнения взятых обязательств, освещались вопросы внутриколхозной жизни, подвергались острой критике недостатки в работе тех или иных лиц и т. п.

На страницах стенной печати колхоза господствовал дух подлинной большевистской критики и самокритики [2, л. 11–32, 14, 18 и др.].

Большую просветительную работу вел и медпункт (фельдшер М. Дамиденко). Судя по дневнику санпросветительной работы, селянам читались лекции на самые различные медицинские темы. В 1946 г. медфельдшер обслужила на дому 340 человек, самостоятельно посетили медпункт 1210 человек, в 1947 г. – соответственно 434 и 1062, в 1948 г. – 441 и 1541, в 1949 г. – 453 и 1111, за первую половину 1950 г. – 176 и 477 человек [3, л. 1–9, 75].

Благодаря усилиям всего коллектива, несмотря на засушливые послевоенные годы, колхоз в целом получал вполне удовлетворительный урожай зерновых. Так, в 1947 г. он в среднем составил 19,3 ц с га посева, в 1948 г – 13,3, в 1949 г. – 12,5, в 1950 г. – 13,9 ц.

Передовые звенья колхоза добивались в целом более высоких урожаев зерновых. Так, в 1950 г. звено Марфы Антоновны Мартушковой с 8 га получило в среднем по 22 ц зерновых с га, звено Анастасии Трофимовны Ивановой – соответственно по 25,5 ц, звено Анны Евдокимовны Снопковой с 5 га – 56 ц с га посева.

В зависимости от погодных условий и роста уровня механизации сельскохозяйственных работ колебался и показатель количества трудодней, затраченных на сбор 1 ц зерновых. В 1947 г. – он составил 14 трудодней, в 1948 г. – 14,7, в 1949 г. – 8 трудодней.

В основном и росли отчисления в неделимый фонд колхоза. В 1947 г. они составили 70 482 рубля, 1948 г. – 101 197 рублей, в 1949 г. – 109 525 рублей, а 1950 г. – 107 200 рублей.

Выдача зерна и денежных средств, в расчете на трудодень, также в значительной мере зависела от урожайности. Например, в 1947 г. на трудодень было выдано по 2,334 кг зерна и по 83 копейки деньгами, в 1948 г. – соответственно по 1,900 кг и 1 рубль 45 копеек; 1949 г. – по 1,140 кг и 1 рубль 64 копейки, 1950 г. (предположительно) – по 1,500 кг и 1 рубль деньгами [2, л. 15–16, 97].

Животноводство в колхозе было поставлено образцово. За послевоенные годы построены хорошие конюшня, овчарня, свинарня, ферма КРС, бычачник, птицеферма и ферма водоплавающей птицы, строился телятник.

Уход за животными находился на должном уровне. Скот содержался в чистоте, дворы оборудованы колодцами, запарниками, строго соблюдался распорядок дня.

Удачно был подобран и кадровый состав животноводов, он был устойчив и длительное время не менялся.

Особо хороших результатов добивался работник фермы КРС И. А. Рябоштанов. В 1949 г. по сравнению с 1947 г. он получил прибавку 7 ц молока. В 1950 г. от 8 коров в день надаивал по 60 с лишним литров молока. Сохранил 6 телят. Коровы в его группе имели хорошую упитанность.

За успехи в животноводстве колхоз получил легковую машину «Победу».

Постепенно улучшалась и жизнь колхозников. Мы уже отмечали, что в послевоенный период колхозники начали строительство новых домов. Улучшался их быт. Село было полностью электрифицировано и радиофицировано. К 1950 г. сельские имели 41 велосипед, 9 ламповых, 3 детекторных приемников [2, л. 12, 18; 3, л. 73].

Укрупнение колхоза в перспективе создавало предпосылки для дальнейшего улучшения материальной жизни колхозников.

В 1950 г. с колхозом «Веселе життя» было объединено 5 коллективных хозяйств: «Пятилетка», «Спартак», «Красный партизан», имени Бутырина и «Победа». Вновь организованному колхозу было присвоено имя Андреева.

Создание укрупненного колхоза им. Андреева прошло с большим подъемом. 20 июля 1950 г. по указанию Шебекинского райкома ВКП(б) и исполкома райсовета и по согласованию с объединяющими колхозам в с. Маломихайловка было созвано общее собрание колхозников, в работе которого участвовало более 1000 человек.

На собрании с докладами выступили зам. председателя райисполкома райсовета депутатов трудящихся П. Г. Кириченко и 2-й секретарь РК ВКП(б) Маврин.

Собравшиеся с большим воодушевлением отметили своевременность постановки вопроса об укрупнении колхозов и единогласно приняли решение об их объединении. Затем было избрано правление вновь созданного колхоза. Местом пребывания правления осталось в с. Маломихайловке.

Объединение мелких колхозов в крупный создавало благоприятные условия для более эффективной его работы, лучшего использования имевшейся рабочей силы. И если до объединения мелкие артели не всегда

справлялась со всем комплексом работ, полностью не проводила необходимые агротехнические мероприятия, задерживали хлебосдачу государству, то после их объединения в крупное коллективное хозяйство им. Андреева уже к концу августа 1950 г. колхоз завершал уборку хлебов и хлебозаготовку, сев озимых на всей площади посева. Качественно была проведена и зяблевая вспашка [2, л. 9–11].

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 174.
2. ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 175.
3. ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 177.
4. ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 176.

Г. А. Салтык

«ПОЧЕТНАЯ ГРАЖДАНКА Г. КУРСКА БЫЛА НАЗВАНА “ВРАГОМ НАРОДА...”» (О СУДЬБЕ СТАРЕЙШЕЙ КУРСКОЙ РЕВОЛЮЦИОНЕРКИ – П. Н. ШАВЕРДО)

В марте 2021 г. исполнилось 160 лет со дня рождения известной курской революционерки, активного члена неонароднического движения, автора воспоминаний «Архангельская ссылка», члена курского отделения Всероссийского общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (ВООБПКиСП), почетной пенсионерки г. Курска.

В Государственном архиве Курской области (ГАКО) хранится фонд Паулины Наполеоновны Шавердо, содержащий ее воспоминания «Преступница: Из этапной жизни и пребывания в Бутырской тюрьме», «Архангельская ссылка» [9, с. 71–90], «О детях», эссе «Кто виноват?» и др. В ряде документов фонда Курского губернского жандармского управления (КГЖУ) есть материалы, рассказывающие ее о революционной деятельности как члена курского городского комитета партии социалистов-революционеров (ПСР). О «бабушке курских неонародников» имеются документы и в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в фонде Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (Ф. 533), благодаря которым удалось установить девичью фамилию П. Н. Шавердо. Значительный пласт материалов, рассказывающих о революционном прошлом неонародницы удалось извлечь из документов архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области (АУ ФСБ РФ по КО). О них и пойдет речь в данной статье.

Паулина Наполеоновна родилась 10 марта 1861 г. в Волынской губернии в семье лесничего Наполеона Фомича Вузенковского. Когда девочке исполнилось 8 лет семья переехала в Курскую губернию. Здесь отец Паулины поступил на службу лесничим в с. Ивановское Рыльского уезда [3, л. 5]. Жизнь в поместье Барятинских круто изменила судьбу девочки. Перемены в ее жизни были с приездом в с. Ивановское Н. А. Мирувинова и его дочери Катерины. Благодаря ей Паулина начала изучать историю, географию, математику, физику, а также познакомилась с творчеством русских писателей. От нее же пятнадцатилетняя девочка узнала о А. И. Герцене, М. А. Бакунине, познакомилась с журналом «Полярная Звезда», впервые «услышала о политических преступниках».

В 1880 г. Паулина Вузенковская поступила в повивальную школу при Курской губернской больнице, которая готовила акушеров для сельских больниц. Здесь она стала членом революционного кружка народнического направления. Здесь же девушка впервые услышала о «Народной Воле». Постепенно ее стали привлекать к революционной деятельности. В марте 1881 г. Паулина поступила в повивальный институт при Харьковском университете, где продолжала заниматься кружковой работой среди санитарок. Вот как об этом периоде своей жизни писала Паулина Наполеоновна в автобиографии: «...От Майкова я получила нелегально письмо, в котором он просил, чтобы я называлась его невестой и просила тюремное начальство о разрешении свидания с ним, так как ему нужно было передать мне кое-какие дела и поручения перед тем, как его вышлют из города. С большим трудом мне удалось это проделать. После свидания с ним, я передала все дела Казимиру Шавердо, который являлся его заместителем» [2, л. 2 об.].

В январе 1883 г. П. Н. Вузенковская стала его женой. До приезда в Курск К. Шавердо занимался революционной деятельностью в Киеве. В Курске он поступил на службу в Управление государственным имуществом. Паулина вынуждена была работать частной акушеркой, так как из-за «неблагонадежности» ее не принимали на работу. Молодые супруги мечтали заняться «устройством революционных кружков», однако из-за постоянной слежки жандармов их мечты осуществились не скоро.

В 1891 г. П. Н. Шавердо организовала в Курске «Общество содействия начальному образованию», участвовала в организации Семеновской центральной библиотеки, общества фельдшеров-акушерок (1898 г.). Через эти общества ей удавалось вести революционную работу.

С возникновением организации партии социалистов-революционеров в Курске П. Н. Шавердо стала ее активным членом. В 1903 г. она попала в сферу внимания Курского губернского жандармского управления.

Из постановления от 10 июня 1908 г. в г. Курске начальника КГЖУ полковника Ковалевского о Шавердо:

1. «В 1903 г., после ареста губернского комитета партии социалистов-революционеров Шавердо почти ежедневно являлась в управление и просила свидания со всеми заключенными... а когда ей в этом отказывали, она начинала браниться до истерики... из помещения ее удаляли силой».

2. В 1905 г., во время революционного восстания и политической забастовки, Шавердо «неустанно агитировала среди железнодорожных служащих, склоняя их к всеобщей забастовке, участвовала во всех собраниях и митингах, пользовалась известностью среди своих единомышленников как опытный работник в революционном движении». Во время шествия по Курску 19-го октября 1905 г. с красными и черными флагами Шавердо следовала в рядах революционеров и распоряжалась толпой.

3. 2 марта 1907 г. в числе 30 человек была на конференции социалистов-революционеров, проходившей на квартире В. И. Долженкова.

Шавердо занимается развращением учащейся молодежи в г. Курске. Вошла в тесную связь с штабс-капитаном 123-го Козловского пехотного полка Гуронцова, который славится своими крайними политическими убеждениями (они послужили основанием к удалению его из полка в отставку в дисциплинарном порядке) [6, л. 2–7].

Ее снова арестовали. Но арест продлился недолго. После освобождения из-под стражи за нею было установлено наблюдение. Жандармы дали ей кличку «Серая». В это время Шавердо принялась за сбор денег, белья, обуви, а также продуктов питания для товарищей, сидящих в тюрьме.

В 1908 г. она была привлечена курской полицией по делу о местной эсеровской организации. На этот раз ее сослали в Архангельскую губернию на 4 года.

О пережитом в Курске и Архангельске она подробно писала в своих воспоминаниях «Архангельская ссылка». Рассмотрим, как об этом периоде ее жизни говорится в документах Департамента полиции Российской империи.

Выписка из Дела № 2350 «О политической благонадежности, проживающих в г. Архангельске П. Н. Шавердо, С. А. Никонова, его жены А. В. Никоновой и помощницы присяжного поверенного Э. Ф. Рихтер».

«...Высланная в Архангельскую губернию под гласный надзор полиции за принадлежность к революционной организации на 4 года (с 29 июля

1908 г.) вдова коллежского асессора П. Н. Шавердо в 1910 г. привлекалась в Архангельске за принадлежность к Архангельской организации Красного Креста ПСР.

Деятельность комитета выражалась в том, что врач Никонов, благодаря своей большой практике в городе и связям, кроме материальной помощи оказывал и нравственную поддержку, ходатайствовал за политических ссыльных о переводе их, оставлении в Архангельске, выдавал им для этой цели свободные медицинские свидетельства. Главным же образом помощь ссыльным оказывалась при посредстве открытого Никоновым в Архангельске убежища в квартире вдовы чиновника Тыриной. Проживавшим там оказывалась помощь: деньгами, платьем, обувью... Это убежище существовало с 1 июня 1909 г. Состоя во главе местной лечебницы Александра II в качестве товарища председателя Архангельского общества врачей и полноправным хозяином ее, Никонов ввел в служащий персонал больницы находящихся и окончивших ссылку: врача Киримана, дантистку Горелову и фельдшеров и фельдшериц и всеми средствами старался оградить лечебницу от надлежащего контроля врачебного инспектора.

Нина Владимировна, будучи помощницей в деятельности своего мужа, посещала пересылочный пункт в г. Архангельске по приходе этапа, передавала пришедшим их корреспонденцию для скрывания от контроля в помещении, снабжала ссыльных припасами и деньгами и исполняла их поручения. Она также была казначеем комитета.

Эмиль Филипповна Рихтер оказывала политическим ссыльным с партийными целями юридическую и финансовую помощь, преимущественно лицам, содержащимся в тюрьме, этапе, для каковой цели получала деньги из других городов, как это усматривалось из письма, обнаруженного при обыске в Холмогорах у ссыльного Лебовича.

В комитет также входили Я. С. Кириман, В. Н. Горелова, Н. М. Флеров и П. Н. Шавердо. Она вела денежный отчет по расходам комитета.

После возвращения из ссылки в 1913 г. (по другим источникам – в 1912 г.) П. Н. Шавердо снова окунулась в революционную работу. Однако ГЖУ сразу же установило за ней наблюдение. В жандармерии ей дали кличку «Бабушка».

На короткое время она отправилась на Кавказ, где заведовала клубом работниц в Тифлисе. Этот клуб, по мнению Паулины Наполеоновны, являлся не только «рассадником культуры», но и «развивал женщину как гражданина». Здесь она организовывала литературные вечера, концерты, спектакли с участием фабричных работниц.

С 1914 г. П. Н. Шавердо снова в Курске. Ей удалось устроиться медсестрой в военный госпиталь, получив на это разрешение губернатора,

который отметил следующее: «Хотя она и смутьянка, но раз хорошая работница, то пусть работает». В ноябре 1914 г. Знаменский отдел сестер пригласил ее организовать лазарет Красного Креста. Примечательно, что Паулина Наполеоновна не только приняла участие в организации этого лазарета, но и была его заведующей до 15 апреля 1915 г.

Затем «бабушка курских революционеров» переехала в Петербург и поступила на службу в лазарет Министерства финансов. В февральские дни 1917 г. она устроила в лазарете читальный пункт для восставших солдат. В апреле 1917 г. Шавердо уехала в Крым, где выступала с докладами о февральской революции среди рабочих и матросов в Ялте, Симферополе, Севастополе. В Ялте ей даже удалось организовать союз сестер. В октябрьские дни жила в Петрограде, работала в отряде Красного Креста. В конце ноября уехала в Курск, где занялась организацией Курского союза сестер, была его председателем.

В июне 1918 г. ее избрали делегатом от Курского союза сестер на Всероссийский съезд сестер. Одновременно работала в госпитале [6, л. 2–33; 7, л. 1–2]. В это время Паулина Наполеоновна неоднократно выступала на страницах местных газет с заметками о тяжелом положении сестер милосердия. «Я работала в портняжной мастерской, в мастерской, где шьют туфли, на табачной фабрике – и три года сестрой милосердия... По совести скажу, что труд сестры милосердия – самый тяжелый», – писала она в 1919 г. [8, № 46].

После гражданской войны Шавердо перешла на работу в детдом, где была инструктором. Как женщину, мать, медсестру ее не могли не беспокоить проблемы детей. «Лозунги “Дети – цветы жизни”, “Дети – творцы будущего”, “Дорогу детям” требуют серьезного, глубоко вдумчивого отношения и большой напряженной работы», – отмечала Шавердо. «Что может быть лучше и выше задачи воспитания гармонически развитой личности – человека!», – восклицала она. Особенно Паулину Наполеоновну беспокоило положение детей, оставшихся без родителей. «После нашествия деникинцев детские дома разрушены, дети выброшены на улицу, где они побирались голодные и холодные, обмораживали себе руки и ноги, а иногда и совсем замерзали», – с горечью писала П. Н. Шавердо. «Вот эти маленькие мученики, прожившие так мало и пережившие так много, попали опять в детские дома. Что сделали мы для их культурного развития?», – спрашивала Паулина Наполеоновна.

Ей неоднократно приходилось наблюдать, как дети изощрялись делать «художественные игрушки» из кусочков проволоки, дощечек, железа и бумаги. Шавердо удивляло и то, что дети, никогда не бывавшие в театре, так живо, так реально исполняли роли в устраиваемых спектаклях. «Даже не верилось, что это играли дети, которые еще так недавно побирались на улицах Курска», – отмечала она в воспоминаниях [6, л. 2–7].

Благодаря ее непосредственному участию при детских домах открывались всякого рода клубы, библиотеки-читальни. Они являлись центром объединения подрастающего поколения. «Детский клуб дал бы возможность выявить детям свою индивидуальность. В них можно было бы устраивать музыкально-литературные утренники, спектакли», – считала Шавердо. По ее мнению, «детский клуб мог бы сосредоточить в себе все то, что невозможно в условиях нашей жизни дать в отдельности». Шавердо неоднократно обращала внимание общественности на то, что из-за недостатка помещений, декораций и костюмов, карандашей, бумаги, красок и книг, материалов и оборудования незаурядные таланты, которые были среди детей, «совершенно не развивались» [6, л. 2–7].

Мысли П. Н. Шавердо о культурном развитии подростков актуальны и в настоящее время. И сейчас, как в те далекие двадцатые годы, необходимо уделять больше внимания развитию творческих способностей детей. Как не вспомнить слова Паулины Наполеоновны о том, что «если вовремя не прийти на помощь ребенку, то у него талант заглушается, характер портится и получается страшная изломанность, которая потом проявляется во всем...» [6, л. 1].

Всю свою жизнь эта удивительная женщина посвятила борьбе за прекрасное будущее подрастающего поколения. Но судьба «бабушки курских социалистов-революционеров», как и многих ее современников, сложилась трагически.

В 1930-е годы в числе бывших социалистов-революционеров, проживающих на территории Курской губернии, она была поставлена на учет в ОГПУ. Его работники фиксировали все высказывания Паулины Наполеоновны относительно строительства социализма в СССР. Вместе с товарищами по партии эсеров П. Н. Шавердо расценивала мероприятия по переустройству деревни и колхозного строительства «как мероприятия несвоевременные», а методы коллективизации считала «совсем несоциалистическими». «В деревне сейчас идет ”Содом и Гоморра”. Коммунисты подходят к организации колхозов столыпинскими, драконовскими методами», – отмечала П. Н. Шавердо на одном из собраний эсеров. Она считала, что так подходить к делу колхозного строительства нельзя. «Если крестьянин пошел в колхоз добровольно, то он и там будет работать, и не будет роптать, а если его загонять туда силой, то это дело непрочное. Такие крутые меры ни к чему не приведут и на штыках колхозы не построить. Нельзя насильно делать то, что общество не желает», – восклицала бывшая народоволка. Она считала, что нужно было бы сначала задержать на первой стадии коллективное строительство (имея в виду товарищества по совместной обработке земли) и убедиться, есть ли от этого польза. Если да, то продолжить начатое дело и довести его до логического завершения. Ликвидацию кулачества она называла «несвоевременной» и «неверной». «Раскулачивают чуть ли не поголовно

всех середняков. Где же установка о правильном взаимоотношении с крестьянством?», – восклицала она [1, л. 128–131].

В очередной раз П. Н. Шавердо арестовали в 1937 г. В это время она проживала с сестрой А. Н. Шимановской и дочерью Евгенией Казимировной, которая была бухгалтером в областном управлении связи. В годы первой русской революции входила в Курскую организацию ПСР [4, л. 15 об.]; сестра Паулины Наполеоновны – Алевтина Наполеоновна Шеманская работала фельдшерницей в поликлинике по ул. Дзержинского г. Курска.

Паулину Наполеоновну, а ей в то время исполнилось 76 лет, обвинили в причастности к контрреволюционной эсеровской организации, борющейся против советской власти. При обыске у нее были обнаружены 17 экземпляров эсеровских газет и журналов, а также 45 экземпляров «революционных книг», запрещенных цензурой. Незадолго до ареста Шавердо собиралась передать их краеведческому музею как историческую ценность. Кстати, до 1937 г. она систематически сдавала подобную литературу в музей... Ей предъявили также обвинение в том, что она, якобы «проводила антисоветскую агитацию среди населения». На самом деле П. Н. Шавердо организовала сбор денег на строительство памятника (или ограды) бывшему народовольцу, а затем члену партии социалистов-революционеров А. В. Прибылеву...

Из протокола допроса П. Н. Шавердо. 23 июня 1937 г. [2, л. 83].

Вопрос: У вас изъяли много лично вами написанных переписки о деятельности партии эсеров до революции. Для какой цели и кому персонально Вы посвящали эти письменные воспоминания?

Ответ: Из личной переписки – для музеев Курска и Воронежа, а также для журнала «Каторга и ссылка», издающегося Центральным Советским обществом бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев с целью популяризации народовольцев и эсеров, боровшихся за свержение царизма. Часть трудов передала «Курской правде» издать отдельную брошюру, а гонорар за этот труд передать в пользу МОПР. Но мне редакция в издании брошюры отказала за неимением бумаги.

Вопрос: У вас при обыске был обнаружен портрет Е. Брешко-Брешковской.

Ответ: Я ее лично знала, а портрет в знак уважения хранила. Я не верила тому, что о ней писали¹.

¹ Е. Брешко-Брешковская к Октябрьской революции 1917 г. отнеслась враждебно, советскую власть не приняла. В конце 1918 г. выехала из страны через Владивосток и Японию в США. Проживала в США, Франции, а с 1923 или 1924 года – в Чехословакии. Политическую деятельность не прекращала – в период проживания в Ужгороде (Подкарпатская Русь, ныне Закарпатье), принадлежавшем тогда Чехословакии, организовала пророссийскую «Карпаторусскую трудовую партию».

Вопрос: Ваши связи в Москве.

Ответ: В Москве я знаю бывших народовольцев М. П. Шебалина и М. И. Шебалину. У них на квартире я познакомилась с народоволкой Якимовой-Диковской. Она и посоветовала принять участие в сборе денег на памятник народовольцу Прибылеву. В Москве также проживают знакомые мне бывшие эсеры Вера Николаева и ее муж Давид Львович Фишбейн (с 1907 по 1917 гг. они проживали в Париже). Затем вернулись в Россию. До 1918 г. Вера проживала в Курске, затем переехала в Москву. В 1929 г. Д. Л. Фишбейн был арестован Курским ОГПУ и направлен в Воронеж. Причина ареста мне не известна».

АКТ

1937 г. 28 июля

Я, оперуполномоченный 2-го отделения 4 отдела УТБ УНКВД по Курской области сержант госбезопасности Черницын в присутствии следователя корпуса Клевцова составил настоящий акт в связи с сообщением Курской тюрьмы за № 903 об объявлении голодовки арестованной Шавердо П. Н.

1. На поставленный вопрос о причине объявления голодовки арестованная Шавердо заявила, что следствие ведется длительный период времени, против чего она протестует и предъявляет требования о немедленном окончании ее дела [2, л. 20].

2. Ввиду... (неразборчиво написано – прим. авт.) поведения на допросах самой Шавердо дело затягивается.

3. Несмотря на это, следствие намерено в ближайшее время дело закончить.

Однако Шавердо потребовала окончания следствия немедленно, в чем ей объявили отказом. На этом основании она заявила, что объявляет голодовку. По ее просьбе, «ввиду плохого зрения», под диктовку было написано М. А. Дроздовой следующее: «Я писала об объявлении голодовки, потому, что я фактически голодала... из-за большого перерыва в получении передач, а также из-за получения в малом количестве продуктов из тюремного ларька. Я просила об ускорении следствия, так как боялась возвращения того невменяемого состояния, в котором была два месяца назад и в которое начинаю впадать теперь. В таком состоянии даже при желании я не смогу отвечать следователю на вопросы. Поэтому не объявляя голодовки, фактически голодаю, так как мне есть нечего...» [1, л. 25–26].

Участвовала в создании общества «Школьная помощь» на средства американских русофильских организаций основавших три общежития (два мужских в Ужгороде и женское в Мукачеве), в которых проживали около 100 студентов. В связи с ухудшением состояния здоровья в 1930 году перебралась на ферму под Прагой. Умерла в 1934 г. в Чехословакии.

В деле также имеются сведения о том, что П. Н. Шавердо лежала в больничной палате тюрьмы из-за потери зрения – «ничего не видела». Тут же имеются данные о том, что она якобы симулировала «свое психологическое состояние»: «Падала на пол, хватала за халат врача и кричала, что убьет его, что у нее хватит на это сил...». Психологическое состояние заключенной освидетельствовал врач-психиатр, который в заключении отметил следующее: «Сознание, ориентировка во времени, месте и пространстве сохранена...».

Нами также было обнаружено письмо-обращение П. Н. Шавердо к тюремному начальству, в котором говорилось следующее:

«Революционной деятельности посвятила 57 лет. Получаю персональную пенсию, а также пользуюсь привилегиями и доверием партии и правительства. Трудно предположить, что, будучи в преклонном возрасте и в состоянии, когда не можешь передвигаться без посторонней помощи, я занималась контрреволюционной деятельностью. Я всегда была довольна Советской властью, всегда болела душой, когда видела, что некоторые шкурники с партбилетами нарушали советские законы и поступали не по-коммунистически. В таких случаях я им резко в лицо высказывала, что они нарушают декреты и постановления.

В 1919 г. я писала В. И. Ленину и жаловалась М. И. Ульяновой, а также К. Е. Ворошилову. И когда приезжала тов. Р. С. Землячка, я обращалась к ней за советом. Писала в газеты «Известия» и «Правда. Но чаще обращалась в Обком ВКП(б) к тов. Путнину¹ и его помощнику Бузареву» [2, л. 20].

В обвинительном заключении было сказано, что П. Н. Шавердо с эсерами-единомышленниками установила связи с бывшими эсерами-боевиками Ф. М. Ситник, Н. Р. Савенковым, С. С. Котовичем и вместе с ними на территории Курской области создала эсеровскую организацию на базе садово-полеводческой артели бывших политкаторжан «Вторая пятилетка», в артели инвалидов «Печатное дело» (г. Курск), в селах Лебяжье, Михайловском, Расховце.

Целями организации являлось «объединение эсеровских кадров и меньшевиков в единую контрреволюционную группу; подготовка террористических актов в отношении вождей ВКП(б) и Советского правительства; проведение подрывной деятельности в деревне и т. д.;

¹ Путнин Владимир Маркович (06.02.1896, Венден, Лифляндская губерния – 15.06.1938, Ростов-на-Дону). На фронтах Первой мировой войны – с 1915 по 1917 г. Получил воинское звание прапорщика. Награжден Георгиевским крестом IV-й степени. В 1918 г. вступил в РКП(б), и его дальнейшая деятельность была связана с партийно-хозяйственной работой. С августа 1935 по май 1937 г. – 2-й секретарь Курского обкома ВКП(б). Арестован в июле 1937 г., будучи 1-м секретарем Мордовского областного комитета ВКП(б). Расстрелян 19 июня 1938 г. в Ростове-на-Дону.

широкое проведение контрреволюционной агитации и пропаганды, направленной на дискредитацию руководства ВКП(б), срыв правительственных мероприятий, распространение пораженческих и повстанческих идей на случай войны в пользу капиталистических стран». И далее в обвинительном заключении указывалось на то, что «с 1936 г. организация установила связь с контрреволюционными формированиями эсеров на территории Московской области и информировала последних о политическом положении колхозов Курской области» [2, л. 241].

9 декабря 1937 г. на заседании тройки при Управлении НКВД по Курской области было принято постановление: за участие в контрреволюционной эсеровской организации, проведении антисоветской деятельности по ст. 58. п.п. 10.11. УК РСФСР П. Н. Шавердо в числе 15 человек расстрелять. Постановление приведено в исполнение в тот же день. 16 января 1989 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Паулина Наполеоновна Шавердо была реабилитирована посмертно [2, Л. 75, 256, 275]...

Так непросто сложилась жизнь человека, посвятившего жизнь революционной борьбе за светлое будущее своего народа. К сожалению, нам не удалось обнаружить сведений о близких родственниках Паулины Наполеоновны или воспоминаний о ее деятельности. И только в мемуарах другого революционера, разделявшего взгляды народников-коммунистов – М. Н. Иванова, много лет проработавшего на Курской биофабрике главным бухгалтером, мы нашли упоминание о пребывании Шавердо в Архангельской ссылке и о ее работе в революционном кружке С. А. Никонова.

По воле случая Иванов – революционер из Твери и Шавердо – «бабушка курских революционеров» отбывали ссылку в одном месте. В 1930-е годы семья Иванова переселилась в Курск, но с Шавердо Михаил Николаевич так и не встретился... Хотя именно в семейном альбоме дочери М. Н. Иванова – Татьяны Михайловны нам удалось обнаружить фотографию группы ссыльных в г. Архангельске (1909 г.). Здесь же находилось письмо из Архангельского областного краеведческого музея, адресованное М. Н. Иванову, в котором перечислялись пофамильно все ссыльные, изображенные на фото. Среди них была и П. Н. Шавердо.

Группа ссыльных в г. Архангельске. 1909 г.

1-й ряд: Симонов, Петров, Докукина, Матвеевская, Гольдберг, Назаров; 2-й ряд: Эрман, Протопопов, Десятников, С.А. Никонов, П.Н. Шавердо, Рихтер, Гуревич, Пиррэ, г-жа Пирре; 3-й ряд: Кувайцев, Казаков, Рублева, М. Александрова, Фомина, Дридзе, М.Н. Иванов, Куклин, В. Зборовский; 4-й ряд: Рублев, г-жа Рихтер, Матиорина, Н. Александрова, Орлов, Антонов, Эйцен, Зборовская, Скворцов, Волков.

Источники и литература

1. Архив Управления ФСБ России по Курской области (далее – АУФСБ РФ по КО). Ф. 10. Оп. 3. Д. 2.
2. АУ ФСБ РФ по КО. Ф. 10. Д. 12850. Т. 1.
3. АУФСБ РФ по КО. Ф. 10. Д. П. 12850. Т. 2.
4. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 10316.
5. ГАКО. Ф. 722. Оп. 1. Д. 2.
6. ГАКО. Ф. 722. Оп. 1. Д. 4.
7. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1325.
8. Известия Курского объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1919.
9. Салтык Г.А. «Боролась за землю, за волю, за свободу народа». Из воспоминаний «бабушки» курских революционеров Паулины Наполеоновны Шавердо // Отечественные архивы. 2002. № 6.

Л. В. Палий

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ САДОВО-ПАРКОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КУРСКА В 70-е – 80-е гг. XIX СТОЛЕТИЯ

Как и по всей России в середине XIX столетия в Курске, в результате городской реформы 1870 г. экономические и правовые вопросы функционирования садово-паркового хозяйства были отнесены к ведению органов местного самоуправления. Теоретически можно было бы предположить, что затраты бюджета на эти объекты городской инфраструктуры будут не слишком велики. Но на практике оказалось, что содержание этих специфических объектов городской инфраструктуры требует постоянных, причем весьма значительных финансовых вложений. Более того, обойтись без них не представлялось возможным, так как наряду с площадями, бульварами и улицами, именно скверы, выражаясь современным языком, становились своеобразной «лакмусовой бумажкой» оценки эффективности деятельности местных властей. Немаловажным обстоятельством также был и тот факт, что негласным «конкурентом» в этой сфере являлось курское губернское земство, которому также в наследство от Приказа общественного призрения достался довольно популярный у курян Лазаретный сад.

Все эти обстоятельства видимо и привели городское управление к мысли о необходимости сдавать скверы в аренду. Это позволяло переложить бремя основных расходов на их благоустройство, содержание и развитие на арендатора. Думается, что сразу стала очевидной сложность с арендой Георгиевского и Спасского скверов. Их близкое расположение к церквям ожидаемо ограничивала возможный перечень предлагаемых развлечений, которые могли бы обеспечить арендатору стабильный доход.

С арендой же сада на Красной площади особых проблем на первый взгляд быть не могло, так как он уже, несмотря на то, что был разбит всего лишь несколькими годами ранее, довольно активно функционировал как один из центров досуга горожан. Можно с уверенностью предполагать, что здесь устраивались гулянья, играла музыка (возможно, это был военный духовой оркестр) для которой было оборудовано специальное место (например, открытая эстрада). Думается, что также не могло обойтись без хотя бы одного павильона или киоска, для традиционной на гуляниях продажи всевозможных мелочей: цветов, сладостей, прохладительных напитков.

Подтверждает этот факт и коротенькое сообщение в письме поэта Федора Ивановича Тютчева к жене Эрнестине, оказавшегося проездом в Курске в июле 1869 года: «Вечером до позднего часа раздавалась музыка в

общественном саду, совсем еще недавно разведенном – это правда, но чудесно расположенном» [1, с. 335].

Имеющиеся на сегодняшний день архивные сведения позволяют пока достоверно утверждать о существовании лишь одного из предполагаемых нами сооружений в сквере на Красной площади. В 1870 г. почетный гражданин, купец Ф. Ф. Мальцов, построил здесь за свой счет павильон для продажи газированных напитков. По договору с городской думой, он получал право торговли на десятилетний срок с ежегодной платой по 100 рублей и обязался по окончании срока контракта передать здание в собственность города [2, л. 3–10]. Но остается пока не выясненными вопросы о том, кто выступал в качестве организатора развлекательных мероприятий: город или арендатор. Если речь идет уже об аренде, то сдавался ли в это время сад целиком или только предоставлялись отдельные места аренды, например, для торговли.

Возможно, дела обстояли, так же как и двумя годами позднее в 1871 г. При рассмотрении проекта сметы доходов и расходов города сообщалось, что «сквер на Красной площади наряду с Георгиевским уже достаточно благоустроены и теперь требуется лишь поддержка их в таком состоянии» [3, л. 80]. А двумя месяцами позднее обсуждался вопрос об ассигновании денег на музыку, о чем был принят соответствующий приговор думы [4, л. 60]. Данные сведения позволяют предположить, что в этот период все скверы находились на полном содержании города и не сдавались в аренду. Косвенно это подтверждается и тем, что в смете городских доходов и расходов на 1872 г. по соответствующей статье были заложены только расходы [5, л. 311]. В объяснительном докладе же отмечалось, что скверы требуют постоянной поддержки и улучшения, поэтому затраты на них предлагалось оставить без изменений. На первый взгляд значительная сумма в 500 рублей серебром включала абсолютно все расходы, в том числе и жалованье работникам и сторожам. Таким образом, собственно на благоустройство отдельно взятого сквера приходилась весьма незначительная доля средств [5, л. 360].

Вряд ли такое положение вещей могло устраивать городские власти. В то время как Лазаретный сад успешно сдавался в аренду и приносил курскому земству более-менее стабильный доход, сады, принадлежащие городу, никак не служили пополнению его казны. 17 мая 1872 г., на заседании думы подробно обсуждалась эта тема. Вниманию присутствующих были представлены условия предполагавшегося договора и сообщено о том, что контракт уже предложено заключить Ф. Ф. Мальцову. Он имел репутацию состоятельного гражданина, любителя садоводства, энергичного предпринимателя.

По проекту договора в аренду предполагалось отдать два сквера Георгиевский и большой на Красной площади сроком на три–четыре года за ежегодную плату, равную сумме расходов на благоустройство и музыку,

то есть 700 рублей серебром. В обязанности будущего арендатора входило: «1) благоустроить территории; 2) осуществлять бесплатный допуск публики в специально оговоренные Управой часы; 3) не препятствовать контролю со стороны Управы за соблюдением условий контракта; 4) все устроенные в скверах постройки передать по окончании договора в собственность города; 5) содержать за свой счет музыку, которая должна играть во время гуляний не менее трех часов, с 1 мая по 15 сентября при благоприятной погоде; 6) не взимать входной платы без особого постановления» [6, л. 125, 147]. Также он имел право построить в Георгиевском сквере беседку для продажи прохладительных напитков и торговать в обоих скверах мороженым и сладостями.

Но помимо Ф. Ф. Мальцова появился еще один кандидат в арендаторы – купец Панкратов. Поэтому решение гласных было весьма практичным: «Условие, предлагаемое Городским Головой, о сдаче в аренду, на указанных основаниях скверов города, принять всецело; но вместе с тем поручить Городской Управе заключить объясненное условие с купцом Мальцовым лишь в том случае, если купец Панкратов не предложит более выгодных условий, каковыя условия Панкратова должны быть представлены на рассмотрение Думы» [6, л. 125, 147]. Создаваемая таким образом конкуренция на торгах способствовала заключению оптимально выгодного для города контракта с наиболее заинтересованным в нем лицом.

Материалы, относящиеся к более позднему времени, однако свидетельствуют, что ни тот, ни другой кандидаты договор так и не заключили. Более того, на десятилетний срок был сдан только сквер на Красной площади. По отдельному соглашению Ф. Ф. Мальцов, как и ранее, арендовал находившийся там павильон для продажи прохладительных напитков. Генеральным же арендатором стал некий господин Полита. Так пишется фамилия этого человека в приговоре городской думы от 19–20 октября 1882 года [7, л. 349–351].

В фондах Государственного архива Курской области хранится дело по прошению о принятии русского подданства Г. М. Полит. В документах XIX в. некоторые различия в правописании имен собственных были не редкостью поэтому, можно предположить, что речь идет об одном и том же человеке. Греческий подданный, уроженец архипелага Малая Патра, Георгий Михайлович Полит приехавший в Курск в 1869 г. из Румынии, женился на купеческой вдове Любви Михайловне Дунаевой, занялся торговлей, а в 1883 г. принял российское подданство [8, л. 1–2].

О том, что собой представлял городской сквер в этот десятилетний период известно очень мало. Сквер на тот момент располагал вокзалом, построенным в 1876 г. по проекту архитектора Гросса [2, л. 100.], беседкой для музыкантов, теплицами [7, л. 349–351], и уже упоминавшимся павильоном для продажи вод. Кстати, Ф. Ф. Мальцов, по его собственному

заявлению, для привлечения публики произвел в своем заведении некоторые усовершенствования. В 1874 г. павильон украсили «стеклянные двери, с цветными стеклами, фонарные вазы, рефлекторы, мраморные плиты, фонтаны и другие украшения» [2, л. 3–10]. Срок арендного договора городской управы с Ф. Ф. Мальцовым заканчивался в 1880 году и был продлен до 1882 года, но уже по договору субаренды, так как заключался непосредственно с арендатором сквера [2, л. 3–10]. Еще одной достопримечательностью был фонтан, вокруг которого любили гулять посетители [9, с. 23–42]. Хотя по заключенному договору входная плата в сад не взималась, попытка ее ввести предпринималась в 1875 г., но одобренное было думой решение, ею же и было отменено на заседании 26 мая [10, л. 138].

В 1882 г. в связи с окончанием десятилетнего контракта с Г. М. Политом и Ф. Ф. Мальцовым, при передаче сквера и построек на его территории в собственность городского управления, возник ряд конфликтных ситуаций. На заседании думы 20 октября выяснилось, что большая часть имущества была или вывезена бывшими арендаторами, или безнадежно испорчена [7, л. 349–351]. Причем картина, нарисованная в докладе, оказалась настолько неприглядной, что на объявление об аренде не откликнулся ни один кандидат, поскольку здания было необходимо не просто обновлять, а капитально ремонтировать. В не менее плачевном состоянии находились и зеленые насаждения. Об этом же в красках было упомянуто и на страницах доклада комиссии по рассмотрению сметы доходов и расходов города Курска на 1882 г. [7, л. 148].

Подводя итог сложившейся ситуации, городская управа ходатайствовала перед думой об избрании специальной комиссии для решения нескольких насущных вопросов: 1) выработка проекта условий нового арендного договора; 2) предъявление соответствующих исков в связи с действиями бывших арендаторов [7, л. 349–351]. В данном случае заявленное намерение о возбуждении иска против Г. М. Полита и Ф. Ф. Мальцова, целиком соответствовало правам городского управления в сфере имущественных отношений, которые гарантировались пунктом 2 Ст. 2063 Городового положения 1870 г. [11, с. 440].

Было ли проведено судебное разбирательство в отношении Г. М. Полита доподлинно не известно. Что же касается претензий, высказанных в адрес арендатора павильона для продажи вод, дума уже в январе 1883 г. получила объяснения от него самого. В своем заявлении Ф. Ф. Мальцов объяснил гласным, что все вывезенные им приспособления и украшения являются его собственностью и не значатся в документах, составленных после строительства павильона в 1870 г. Выяснив все обстоятельства дела, дума постановила: «предоставить Ф. Ф. Мальцову возможность в течение одного месяца сдать городской управе павильон в соответствии с видом на фасаде и плане, утвержденном Губернским

правлением в 1870 г. Если же это окажется невозможным – передать здание в том виде, в каком оно находилось в последнее время. Рассмотрение комиссией иска к арендатору, предъявленного вследствие недоразумения прекратить» [7, л. 349–351].

Новое затяжное разбирательство было вызвано аварийным состоянием увеселительного вокзала [12, л. 3]. Вполне вероятно, что к 1883 г. деревянная постройка действительно могла обветшать в силу естественных обстоятельств. Но, судя по описанию состояния, в котором вокзал был сдан после окончания контракта, не последнюю роль в его разрушении сыграли действия арендатора Г. М. Полита [7, л. 349–351]. Дата составления первого акта осмотра – 10 июня 1882 г., свидетельствует, что об аварийности постройки было известно еще до окончания контракта. Однако, городское управление, занявшись в следующем году поиском нового арендатора сквера, поначалу не видело никаких препятствий в дальнейшей эксплуатации вокзала. Комиссии по выработке условий нового договора предлагалось лишь продумать вопрос о дальнейшем предназначении здания [7, л. 349–351]. 12 апреля 1883 г состоялись торги, на которых наиболее выгодными были признаны предложения купцов В. И. Конопатова и Ф. Ф. Мальцова. Первый претендовал на аренду сквера сроком на пять лет с платой по 825 рублей в год, второй на аренду павильона с платой 237 рублей в год [2, л. 105–110].

Приговором городской думы от 27 апреля 1883 г. одновременно с кандидатурами арендаторов были также утверждены и условия договоров с ними. В. И. Конопатову предстояло за свой счет отремонтировать вокзал, устроить в нем ресторан с отдельной кухней, заново перестроить террасу, привести в порядок сквер, позаботившись об освещении, скамейках и ограде. С согласия управы и под ее контролем, он имел право устроить беседки, тир, кегельбан, цветники. Для поддержания порядка необходимо было так же нанять ночных сторожей. Подсадку деревьев и полив всех растений управа оставляла за собой.

Сдаваемый в аренду сквер должен был быть открыт в течение весны, лета и осени для гулянья в нем публики бесплатно. Арендатору предоставлялось право устраивать гуляния с пением и музыкой, но тоже не иначе как бесплатно. Все имущество по окончании аренды переходило в ведение городской управы. Контрактом были так же оговорены вопросы залога и оплаты аренды [2, л. 105–110].

В процессе работы заседания думы в договор аренды сквера были внесены коррективы. Срок контракта был увеличен до семи лет с платой в первый год 600 рублей, а в последующие – по 825. В. И. Конопатову разрешалось один раз в неделю, за исключением воскресных и двенадцатых праздников, взимать плату за вход в сквер по 10 коп с 4 часов дня; причем дети до десяти лет пропускаются бесплатно. Если по случаю ненастной погоды в этот день гулянье не состоялось, то в ту же

неделю другой день с платным входом не назначается. Рассадку и поливку деревьев, по указанию управы, так же отнесли к обязанности арендатора. Не менее трех раз в неделю в саду должна была звучать музыка. Договор аренды павильона для продажи вод был утвержден без изменений и дополнений [2, л. 105–110].

Таким образом, в случае осуществлении всех условий, предусмотренных заключенными контрактами, городское управление получало крайне выгодную статью дохода. Однако все усилия были сведены на нет рапортом губернского инженера И. Ф. Дворжецкого на имя губернатора от 17 мая 1883 г. Он сообщал, что здание вокзала находится в ветхом состоянии, представляет угрозу безопасности посетителей, а потому не может быть отремонтировано и подлежит немедленному сносу [2, л. 100]. Рассмотрев поданные ему документы, губернатор распорядился о создании комиссии для выяснения степени безопасности здания для посетителей при возможности переоборудования его в ресторан.

Разбирательство по этому вопросу длилось около двух лет, в течение которых городские и губернские власти отстаивая свое мнение, дошли до Правительствующего Сената. Таким образом, в течение всего 1883, а возможно, что и 1884 г., сквер оставался практически в разоренном состоянии. Средства из городской казны на его содержание не были предусмотрены сметой, так как предполагалось, что благоустройством территории и постройкой необходимых сооружений, наймом сторожей будет заниматься арендатор [2, л. 270]. В итоге, муниципалитету пришлось выделить весьма значительные суммы на реконструкцию вокзала и полное благоустройство сквера. Судя по приговорам городской думы за первую половину 1885 г., все работы были выполнены к марту. На строительство была израсходована довольно крупная сумма, так на 7 марта 1885 г. она составляла 5 605 рублей 73 коп. Часть средств была собрана по подписке среди горожан. И сбор пожертвований, и расходы со стороны городских властей на этом не заканчивались, так как приговором думы управе было разрешено потратить на сквер еще около 2 500 рублей городских средств [13, с. 34].

Одновременно городское управление было озабочено и проблемой сдачи обновленного сквера в арендное содержание. Как сообщалось на заседании думы 30 апреля 1885 г., назначенные два раза торги не состоялись – никто не явился [13, с. 73]. Возможно, потенциальные арендаторы опасались, что часть расходов по завершению строительства может лечь на их плечи.

В дальнейшем уже после несостоявшихся торгов в управу поступило несколько заявлений от желающих снять сквер, поэтому возникала необходимость в создании проекта арендного договора, обсуждение которого и состоялось 30 апреля [13, с. 73].

Отметим, что предложенный управой вариант был явно составлен с учетом предыдущего горького опыта. Условиями соглашения арендатору конкретно предписывалось, чем и где торговать, какие устраивать развлечения, сколько часов в день должен играть оркестр, работать фонтан, освещаться сад. Важно, что едва ли не впервые было четко сформулировано право арендатора заключать договоры субаренды [13, с. 74–75]. Оговорены были так же финансовые вопросы: о количестве платных гуляний в пользу арендатора и благотворительных гуляний в пользу города, предельной стоимости входных билетов, сроках и размере оплаты арендного взноса, сумме страховки, залога и неустойки за нарушения. Отдельный пункт был посвящен ответственности арендатора перед полицией за чистоту и порядок в сквере [13, с. 75].

Однако, стремясь создать условия максимально выгодные для городской казны и исключая возможность повторения неприятных инцидентов 1882–1883 гг., составители договора в некоторой степени существенно ущемляли интересы второй стороны. Например, нечеткая формулировка пункта об использовании вокзала для народных чтений, содержания и обязанностях сторожей, а так же оставлении сквера в полном распоряжении городской управы таили в себе возможность произвола и возникновения многочисленных конфликтных ситуаций [13, с. 75].

И эти недостатки, и еще ряд исправлений были внесены в проект договора гласными думы И. И. Боевым, В. В. Алехиным и В. И. Конопатовым [13, с. 77]. Новый вариант контракта состоял из тринадцати пунктов и, в сущности, повторял предложенный управой проект. Но были четко обозначены количество времени и характер прав на эксплуатацию вокзала для комиссии по устройству народных чтений [13, с. 79]. Деятельность управы по распоряжению садом ограничивалась благотворительными гуляньями, торговлей газетами и цветами в свою пользу, а также устройством для этих целей киосков и теплицы [13, с. 78–79]. Была решена абсурдная ситуация со сторожами, при которой арендатор выплачивая жалованье, не имел права ими распоряжаться. Теперь найм сторожей и обязанности по очистке сада так же были отнесены на счет города [13, с. 79]. Кроме того, был добавлен пункт о возможности функционирования сквера и его заведений в зимнее время [13, с. 80]. Усовершенствованный вариант договора и был утвержден приговором городской думы от 30 апреля 1885 г. и положен в основу соглашения с новым арендатором.

На следующем заседании думы 10 мая уже обсуждался вопрос о том, какую из двух кандидатур желающих снять сквер следует утвердить. Оба потенциальных арендатора купец Федор Прокофиевич Тимофеев и купчиха Клавдия Петровна Конопатова предложили одинаковые встречные условия: по 1500 рублей арендной платы за летний сезон, на

утвержденных условиях с тем, чтобы торговля в сквере не облагалась акцизом в доход города. Если же будет разрешено работать в сквере зимой, то к ежегодному арендному платежу прибавляют еще 300 рублей. Взвесив все «за» и «против», дума постановила сократить срок аренды до четырех лет и, установив некоторые условия относительно ремонта построек в сквере, срока уплаты арендных денег, сдать в аренду городской сквер жене купца К. П. Конопатовой за 1500 рублей в год»[13, с. 88].

Таким образом, в течение первых десятилетий пореформенного периода общественные сады становятся сферой активных правовых и экономических взаимоотношений, возникавших между городскими властями с одной стороны и частными лицами с другой. Однако в силу целого ряда объективных и субъективных причин экономическая деятельность в этой сфере тесно связанная с правовой базой не всегда приводила к хорошим результатам. В числе значимых, прежде всего, необходимо назвать невысокий уровень юридической разработки и конкретизации арендных договоров. Последствия таких соглашений зачастую, приводили не только к весьма неприятным разбирательствам, но и к дополнительным материальным затратам для приведения садов в порядок.

Источники и литература

1. Тютчев Ф.И. Сочинения в 2-х томах. Том 2. Письма. М., 1984.
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2737.
3. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1913.
4. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1874.
5. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1913.
6. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1874-а.
7. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2600.
8. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 5478.
9. Воспоминания Иосафа Ивановича Чистякова / Курск: Документы. Воспоминания. Статьи / отв. ред. и сост. А. Ю. Друговская. Курск, 1997.
10. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2256.
11. Свод Законов Российской империи. Том 2. Часть 1. Общее губернское учреждение. Книга IV. Учреждения общественные. СПб., 1876. Раздел II. Городовое положение. Глава IV. О городских имуществах и имущественных делах города. Ст. 2063 п. 2.
12. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 5588.
13. Приговоры Курской Городской Думы за 1-ю половину 1885 года. Курск, 1885.

А. И. Чубаров

**ВЫПЛАТЫ СОЛДАТКАМ ПО ЗАКОНУ ОТ 25 ИЮНЯ 1877 г.
ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 гг.¹**

Отказ в 1874 г. от рекрутчины сделал военнообязанным все мужское население, достигшие совершеннолетия. Однако, военное ведомство могло обучить военному делу меньшее число новобранцев, чем могли «поставить под ружье» уездные по воинской повинности присутствия в Российской империи. Из-за этого, по жребии, одну часть молодых людей призывного возраста направляли в действующую армию, другую, – зачислялись в запас или ополчение.

Военный устав 1874 г. предусматривал призрение родственников мобилизованного нижнего чина. Обеспечение необходимым членом «малой семьи» солдата (жены и детей) возлагалось на земства или приказы общественного призрения (в не земских губерниях). Остальные члены солдатского семейства могли рассчитывать не помощь от сословных обществ (городских, сельских и т. д.) к которому был приписан мобилизованный. Однако в уставе не указывался критерии оказания, формы, виды и размер помощи на которую могли бы претендовать родственники нижнего чина не были прописаны. Предполагалось ликвидировать пробел в законодательстве разработкой особого закона.

Первые в Российской империи мобилизации была проведены накануне и во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В действующую армию было призвано 626 тыс. запасных нижних чинов. Чтобы регламентировать призрение их семей правительство 25 июня 1877 г., утвердило «Временные правила о призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу». По нему, каждый член «малой семьи» нижнего чина, без возрастных различий, ежемесячно за земский счет получал 1,28 пуд ржи, 10 фунтов крупы, 4 фунта соли [8, с. 751–752], либо денежную сумму на приобретение данных продуктов. Предусматривалось поддержка Государственного казначейства если местная власть была не способна обеспечить необходимым все семьи нуждающихся родственников мобилизованного. На практике, когда это происходило земствам рекомендовали прибегнуть к позаимствованиям из каких-либо местных капиталов [8, с. 752].

Остальные родственники нижнего чина (родители, братья и сестры, бабушки и дедушки) призревались сословными обществами только если мобилизованный нижний чин содержал их своим личным трудом. На

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00494 (а).

помощь сословных обществ – оплату наемного жилья – могли рассчитывать жены и дети [8, с. 752].

Для получения пособия от земства необходимо было личное заявление в земскую (городскую) управу, полицейское управление, к волостному старшине и становому приставу. Заявления в итоге передавались в земские управы, где, согласно закону, в течение недели необходимо было принять решение о назначении или об отказе в выплатах пайка. Призрение должно было начинаться со дня мобилизации нижнего чина, фактически – с момента подачи заявления. Заканчивалась оно после его гибели или возвращения на родину. Контролировать действия местных чиновников должен был губернатор [8, с. 752].

Дополнительно указом от 9 июля 1877 г. создавались попечительства для обеспечения родственников мобилизованных. На них возлагалось семейно-имущественное обследование лиц, подавших заявление о назначении пособия. Если в Курской губернии попечительство открылось только в губернском центре, то соседней Воронежской – они были открыты и в уездах [2, л. 34, 44].

С началом мобилизация, еще до принятия закона от 25 июня 1877 г., местные власти, руководствуясь военным уставом, предпринимали оказания помощи семьям, лишившихся кормильцев из-за призыва в армию. В г. Курске в апреле создали Особую комиссию. Она могла подыскать солдаткам подходящую работу, назначить им и их детям единовременное или постоянное одно рублевое пособие. Несколько детей были устроены в школы [3, л. 5–6]. Средства на деятельность комиссии складывались из членских взносов, сборов по подписным листам, чистого сбора от проведения благотворительных мероприятий и частных пожертвований.

Воронежское губернское земство в апреле 1877 г. после отношения губернатора, где указывалось: «Многие семейства запасных нижних чинов Воронежской губернии, призванных в минувшие мобилизации на службу, будучи обременены малолетними детьми или одержимы болезнями лишены через то всякой возможности снискать для себя и детей дневное пропитание, по поводу чего губернатор выражает убеждение, что семейства эти по своему бедственному положению найдут и сочувствие, и пособие со стороны земства». Постановлением чрезвычайного губернского земского собрания на пособие солдатским семействам 20 тыс. руб. Эти средства должны были распределяться между нуждающимся посредством уездных земств после обязательной проверки степени их нужды. Отдельно оговаривалось, что к лицам, нуждающимся в пособии должны применяться «правила об условиях денежного пособия не имущим семьям бывшим дворовых людей» [5, с. 307]. За 1877 г. из выделенных 20 тыс. руб. было потрачено 8 507 руб. 47,5 коп. Оставшаяся сумма в 1878 г. была разверстана по уездам губернии [6, с. 8].

Земство в Курской губернии ассигновало на призрение солдаток 30 тыс. руб. Эти средства были разверстаны по уездам, исходя из числа мобилизованных. После проведения правительством дополнительных мобилизация ресурсы земств оказались истощены, это привело к уменьшению размеров пособия на 1 призреваемое лицо и поиск вариантов его замены. В Корочанском уезде на семейство, по числу детей, в месяц назначали 1,1–2,6 руб. Позднее всем без исключения стали выплачивать 1,15 руб. [7, с. 49]. В Рыльском уезде 1,1 руб. пособия полагалось только детям. С октября 1877 г. нуждающимся вместо денежных средств земство стало выдавать по 2 меры 4 гарнца ржи на человека в месяц [7, с. 53]. В Новооскольском уезде жене нижнего чина выплачивали 0,5 руб. в месяц, его детям – 0,2 руб. В Курском уезде солдаткам, не имевшим детей, выплаты не полагались. Женщинам с 1 ребенком назначали ежемесячное пособие в 1 руб. Более двух детей – 1,6 руб. в месяц [7 с. 76]. Такой неравномерный подход к назначению денежных пособий даже в границах одной губернии в рассматриваемое время был характерен практически для всех регионов, подвергшихся мобилизации. Это зависело от платежеспособности уездных земств. В Тамбовской губернии бездетной солдатке живущей у родителей мужа полагался 1 руб. в месяц; если женщина была не способна к труду и у нее имелся с 1 ребенок, – 2 руб.; женщине с 2 детьми, или с 1 ребенком, но не трудоспособной матерью, – 3 руб.; с 3 детьми, – 4 руб.; более 3-х детей, – 5 руб. [4, с. 44]. В некоторых регионах размер пособия строго фиксировался. Так было, например, в Костромской губернии. Ежемесячно одному призреваемому лицу полагался 1,8 руб. [1, с. 186].

Важнейшей проблемой с которой столкнулись земства при реализации закона от 25 июня 1877 г. стала сложность с определением семейно-имущественного положения просителей. Этот процесс никак не был регламентирован и осуществлялся «на глаз». Такой подход вызывал критику и недовольство среди семей мобилизованных нижних чинов. Жене нижнего чина из крестьян Суджанского уезда Курской губернии отказали в праве на пособие, поскольку семейство солдата, не имевшее собственного дома, жило за счет арендной платы, получаемой за сдачу 7 четвертей (3,5 десятины – А. Ч.) земли [1, с. 216, 218].

Часто солдаткам не назначалось пособие из-за имевшихся источников дополнительного дохода; трудоспособного отца и (или) братьев мобилизованного нижнего чина, способных их содержать и т.д. Курское земство отказало жене мобилизованного нижнего чина в пособии, т. к. она «здоровая и трудоспособна» [3, л. 170а, 317]. Иной раз у местной власти попросту не было средств. В Усманском уезде Тамбовской губернии пособие не выдавалось из-за «не поступления земских сборов» [4, с. 46]. Аналогичная ситуация наблюдалась в Дорогобужском уезде Смоленской

губернии [9, с. 17–18]. Это приводило или к частичной выплате пособий, или к задержкам, что в свою очередь вызывало нарекания нуждающихся.

Применение закона от 25 июня 1877 г. местными органами власти выявило ряд пробелов, допущенных его разработчиками. Так, не было предусмотрено пенсионное обеспечение вдов нижних чинов. Соответствующий профильный закон был утвержден правительством в феврале 1878 г. В г. Рыльске Курской губернии нуждающейся жене мобилизованного земство не могло назначить пособие, поскольку ее муж, был призван на действительную службу и направлен на фронт, а не мобилизован из-за боевых действий [3, л. 28–28 об.]. Аналогичные ситуации были так распространены, что правительство отдельным законом от 12 ноября 1877 г. уравнила в правах семейства мобилизованных солдат и семьи нижних чинов, выступивших в поход.

Таким образом, выплаты семьям мобилизованных нижних чинов во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. были обусловлены незначительностью денежных средств, которыми располагали местные власти, отвечавшие за призрение. Сумма выплачиваемого пособия различалась даже в границах одной губернии. В некоторых уездах, вместо денег нуждающимся выдавали продукты, не предусмотренные законом. Сам размер пособия, несмотря на закон, зачастую зависел от количества едоков. Несмотря на выявленные недостатки пересмотра закона не последовало.

Источники и литература

1. Белова Е.Е. Культурно-исторический смысл общественного призрения русских военнослужащих последней четверти XIX – начала XX вв. (по материалам губерний Центральной промышленной области): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2014. 264 с.
2. Государственный архив Воронежской области. Ф.И. 6. Оп. 5. Д. 6.
3. Государственный архив Курской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2349.
4. Есиков С.А., Мягоход Л.Т., Щербинин П.П. Оказание помощи солдатским семьям в Тамбовской губернии в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Военно-мобилизационная деятельность государства и российское общество в XVIII–XX веках: сб. статей междунар. науч. конф. Тамбов, 2008.
5. Журналы Воронежского губернского земского собрания с 15 по 31 января 1877 г. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1877. II, 308, X.
6. Журналы Воронежского губернского земского собрания с 10 по 24 декабря 1878 г. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1879. 164, X с.
7. Журналы заседаний XIII очередного Курского губернского земского собрания с 8 по 19 декабря 1877 г. Курск: Тип. губ. земства, 1878.
8. О призрении семейств нижних чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1879. Собр. 2-е. Т. 52, отд. 1.
9. Энгельгардт А.Н. Из деревни: 12 писем, 1872–1887. М., 1987.

Т. Н. Потаскаева

**СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В БЕЛГОРОДСКОМ УЕЗДЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XIX в. – 1920-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ
ШЕБЕКИНСКОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ТЕХНИКУМА)**

Образование в Курской губернии в конце XIX в. было недостаточно развито, даже в своем начальном виде. Для развития местных производственных сил такого уровня образования было недостаточно. Во второй половине XIX в. вставал вопрос об организации профессионального образования в губернии, однако, более детально к его решению подошли к началу XX в.

В первом десятилетии XX столетия было учреждено несколько профессиональных школ, содержащихся на средства уездных земств, а также несколько профессиональных школ, содержащихся на средства частных лиц [1, с. 537].

Экономический совет Курского губернского земства в вопросе профессионального образования стремился поддержать уже существующие школы. В тоже время им поддерживались начинания уездных земств оказывать содействие кустарным промыслам, которые могли избавить от массового ухода крестьян в поисках работы [1, с. 540].

На 1899 г. в Курской губернии существовали:

- 1) Кучеровская низшая сельскохозяйственная школа;
- 2) Школа садовых рабочих при садах и питомниках И. Н. Гангардта;
- 3) Школа садовых рабочих при Корочанском земском питомнике;
- 4) Шигровская учебно-ремесленная мастерская, пользующаяся поддержкой губернского земства.

Из школ, существующих самостоятельно на 1899 г. значились: Шебекинская низшая сельскохозяйственная школа; Ремесленное отделение при Болховецком земском училище и Маклаковское ремесленное училище в городе Путивле [1, с. 623].

Профессиональные училища делились на ремесленные, коммерческие, сельскохозяйственные, городские, железнодорожные и фабричные. Согласно сведениям, собранным Н. И. Златоверховниковым на 1911 г. в Курской губернии действовали следующие сельскохозяйственные школы:

1) Кучеровская низшая сельскохозяйственная школа 1 разряда имени князя А. И. Васильчикова, устроенная К. П. Арнольди в его имении «Кучеров хутор» Суджанского уезда (обучалось 100 человек);

2) Марьинская низшая сельскохозяйственная школа 1 разряда в имении господ Ребиндер, в селе Шебекино Белгородского уезда (обучалось 40 человек);

3) Корочанская земская практическая школа садоводства в Короче (обучалось 40 человек);

4) Школа садовых рабочих «И. Н. Гангардт», М. А. Перроте при с. Дмитриевском Корочанского уезда (обучалось 14 человек);

5) Школа охотников Е. Г. Петтенс при с. Коньшино Новооскольского уезда (обучалось 15 человек);

6) Теребужская практическая школа садоводства К. Ф. Оржельского в с. Нижний Теребуж Щигровского уезда (обучалось 12 человек) [2, с. 20–22].

Низшие сельскохозяйственные школы состояли в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ, учреждены на основании общего нормального положения 27 декабря 1883 г. Школы эти имели цель распространения путем практических занятий основных знаний по сельскому хозяйству в целом, и, в частности, по плодоводству, огородничеству, пчеловодству, а также по ремеслам, необходимым в сельском хозяйстве: столярному и кузнечному.

Обучение длилось 3 года и состояло из теоретического изучения предметов и практических занятий. При школах имелся подготовительный класс с одним или двумя отделениями.

Во многих школах по окончании полного курса ученики посылались на один год в частные хозяйства для практики, и аттестат выдавался им только по представлении удовлетворительного отчета по этой практике.

К вступительным экзаменам допускались ученики-работники всех сословий и вероисповеданий, здорового телосложения, не моложе 14 лет – в первый класс и не менее 13 лет (в особо уважительных случаях в 12 лет) – подготовительный.

Поступающие в 1 класс должны были иметь знания общеобразовательных предметов в объеме курса 2-классных сельских училищ; для поступающих в подготовительный – тоже в объеме курса начальных народных школ.

Прием в школы проходил во 2-й половине сентября. К прошению о приеме необходимо было приложить метрическое свидетельство, справку о привитии оспой и свидетельство об образовании.

Ученикам школы выплачивалась стипендия, в большинстве случаев предоставлялось общежитие. В подготовительном классе ученики получали знания в объеме 2-классных училищ. В следующих специальных классах общеобразовательные предметы изучались с дополнительными сведениями и вводились специальные курсы, изучающие простейшие способы измерения земли; естественные науки; практическое земледелие с кратким изложением особых его частей (огородничество, садоводство, лесоводство), свойственных местным природным особенностям, а также изучение вредителей и способов борьбы с ними; скотоводство и

простейшие способы врачевания; законы крестьянского быта; церковное пение.

Во время пребывания в школе ученики обязаны были исполнять все хозяйственный и ремесленные работы, поручаемые в имении. Общее число рабочих и учебных часов для приготовительного и первого класса – 10 часов в день, для 2-х старших классов 12 часов в день [3, с. 16–17].

Марьинская низшая сельскохозяйственная школа для рабочих была открыта в 1875 году генерал-аншефом Александром Алексеевичем Ребиндером и коллежским советником Николаем Алексеевичем Ребиндером, в их имении в с. Шебекино, относилась к ведомству Главного управления землеустройства и земледелия.

Ближайшая пассажирская станция «Нежеголь» южной железной дороги находилась в 6 верстах от школы, до товарной станции Шебекино $\frac{1}{2}$ версты. Почтово-телеграфная контора находилась в Шебекино на расстоянии $\frac{1}{4}$ версты. Главными отраслями в хозяйстве учредителей школы являлись полеводство, скотоводство, лесоводство и сахарное производство [4, л. 6].

Создание школы преследовало цель распространение, преимущественно путем практических занятий, – основных знаний по сельскому хозяйству, в том числе, по свеклосахарному и винокуренному производствам, а также по ремонту сельскохозяйственных машин и орудий. Содержалась он на средства, выделяемые из государственного казначейства и частные средства.

Изначально, в момент учреждения, школа именовалась как Марьинская сельскохозяйственная школа для рабочих. В 1884 г. она была преобразована в низшую сельскохозяйственную школу 1 разряда [5, л. 1].

Подробную картину начала деятельности Марьинской школы показывает отчет за 1878 г. Несмотря на то, что школа была учреждена в 1875 г., действовать она начала спустя два года.

Одновременно с представлением проекта школы на утверждение Министерства госимуществ, крестьянам соседних селений было предложено отдавать своих детей – мальчиков 13–14 лет в Шебекинскую экономию сроком на пять лет за установленную плату с питанием и выдачей одежды.

Учредители школы не сомневались в успехе данного предприятия, так как и до этого времени хозяйство Ребиндеров нанимало немалое число малолетних рабочих, которые без всяких условий и контрактов проживали по несколько лет в имении, и, следовательно, такие условия были привычными. К тому же добавлялись стипендия, бесплатное содержание и профессиональная подготовка к сельскохозяйственным работам. Больше они сомневались в выгоде для хозяйства.

На практике оказалось, что достаточно было поставить обязательный срок найма, чтобы все отшатнулось от такого предложения. Никакие

разъяснения выгоды предлагаемых условий не помогали, потому что крестьяне не хотели брать на себя такие обязательства, а в благие намерения в вопросе образования не верили. Пришлось изменить предложение о срочном найме на пять лет.

Первыми поступили дети некоторых из бывших дворовых и мастеровых, находившихся в услужении при хозяйстве в количестве шести человек. Согласились они отдать детей, как сами же выразались, ради потехи, а больше их прельщало, что им пообещали сшить хорошую одежду.

На первых порах ученикам школы внушали, что от них будут требовать не только работы, но и обучения новым видам работы. Такое отношение способствовало благоприятному отклику учащихся и вскоре желающих обучаться прибавилось. Были и такие, кто приходил, чтобы получить полную экипировку и затем уйти. Таких случаев было немало, к ним относились снисходительно.

Таким образом, к концу первого года, после того как многие уходили, а другие поступали, численность обучающихся составила 21 человек. На второй год, в период с мая по сентябрь поступило 50 человек: из них 30 ушли после того, как их одели. Комплект был полным, но устоявшимся его нельзя было назвать, так как малейшее недовольство со стороны учеников, и – уходило сразу по несколько человек.

Об успехе предприятия в первые два года говорить нельзя, но школа продолжала работать и к концу второго года все 21 человек, из первых поступивших, успешно сдали экзамен и получили аттестаты.

Под влиянием принятой и установившейся системы развития в мальчиках сознания собственной пользы, случаи самовольного ухода и неблагоприятных поступков гораздо сократились [6, с. 1–10].

Вплоть до 1921 г. в хозяйстве готовили новых специалистов по нескольким отраслям сельского хозяйства. Здесь имелись сахарный и винокурный заводы, конный завод, рассадник крупного рогатого скота, племенное свиноводство, молочное хозяйство, бактериологическая станция, кожевенный завод, обширная лесная площадь, лесоразведение и образцовое лесное хозяйство, кирпичный завод, центральная ремонтная сельскохозяйственная мастерская с чугунно-литейным отделом, две электрические станции с пятью динамо-машинами, культурное садоводство и огородничество [7, л. 5–5 об.].

Согласно решению комиссии (по реорганизации Марьинской сельскохозяйственной школы), действовавшей на основании распоряжения Главпрофобра от 15 января 1921 г. и Уземотдела от 28 июня 1921 г. Марьинская сельскохозяйственная школа при Шебекинском государственном № 22 сахзаводе была преобразована в 4-х годичный инструкторский техникум по культуре сахарной свеклы.

С октября 1922 г. начали появляться школы фабрично-заводского ученичества, которые организовывались при заводах и в районах. На школы ФЗУ возлагались большие надежды, они должны были стать фундаментом для подготовки квалифицированных кадров. Марьинская сельскохозяйственная школа на тот момент была уже школой ФЗУ при сахарном заводе «Профинтерн».

Став частью школ в ведении Шебекинской группы сахзаводов, школа всецело была связана с производственной и общественной жизнью завода. Работая не только в мастерских, но и на заводе во время сахароварения, учащиеся закрепляли свои теоретические знания на практике. Школа ФЗУ при заводе «Профинтерн» в Шебекино, имея материальную базу, доставшуюся ей от сельскохозяйственной школы, сумела себя зарекомендовать в первые годы существования с лучшей стороны [8, л. 1, 185, 190].

Источники и литература

1. Журналы заседаний XXXV очередного Курского губернского земского собрания. Курск, 1900.
2. Златоверховников Н.И. Учебные заведения Курской губернии. Курск, 1911.
3. Сборник сведений об условиях приема в низшие профессиональные училища Курской и соседних губерний. Курск, 1901.
4. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1504. Оп. 1. Д. 18.
5. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2887.
6. Годовой отчет Мариинской сельскохозяйственной школы для рабочих... с 1 сентября 1877 г. по 1 сентября 1878 г. СПб., 1879.
7. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 3. Д. 88.
8. ГАКО. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 1419.

Н. Н. Черкасова

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСКИХ УЧИТЕЛЕЙ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Политическое самосознание страны обострялось политической обстановкой, господствовавшей в России в 80-х годах XIX века. Соответственно, это не могло не отразиться и на учителях Курской губернии. После убийства народовольцами царя Александра II на престол вступил его сын Александр III, который требовал от своих министров не задаваться «паршивым либерализмом». Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. казались Александру III слишком либеральными. На некоторое время правительство заняло выжидательную позицию: оно боялось

развертывания революционных событий, затем, убедившись в слабости народнического движения, перешло к открытой реакции. В своем манифесте царь заявил, что он будет «охранять самодержавную власть от всяких на нее поползновений» [1, с. 271].

Репрессии правительства вылились в резко отрицательное отношение правящей бюрократии к земству, одной из реформ прежнего царствования [2, с. 86].

По инициативе обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева были утверждены с 1884 г. «Правила о церковно-приходской школе» предусматривавшие повсеместное насаждение этих школ, которые рассматривались как орудие борьбы с общественной, земской и министерской школой [3, с. 71–72].

Резкое увеличение церковно-приходских школ по сравнению со светскими учебными заведениями породило в общественных кругах споры о преимуществе светской и церковной школ. Одним из доводов в пользу последней была ее дешевизна, достигавшаяся тем, что деревенский учитель получал за свой труд меньше деревенского пастуха [4, с. 84]. Эти обстоятельства способствовали возникновению в резкой форме вопроса о положении учителей.

В конце XIX – начале XX вв. все с большей остротой поднимался вопрос о необходимости профессионального объединения учителей, деятелей народного образования, что, прежде всего, объяснялось необходимостью реформирования системы просвещения и существенного улучшения материального, а также правового положения педагогов.

В конце XIX – начале XX вв. общества взаимопомощи являлись своеобразной формой общественной деятельности учителей и были первыми учительскими организациями, созданными с целью материальной поддержки педагогов и их семей. Данные общества должны были выдавать своим членам беспроцентные ссуды и безвозмездные пособия, обеспечивать их товарами первой необходимости по сниженной стоимости, оказывать помощь членам семейств умерших педагогов, предоставлять заболевшим учителям средства на лечение.

Так, в Курской губернии в 80-е гг. XIX века были образованы две учительские организации, называвшиеся «Путивльское общество вспомоществования учащимся» и «Общество вспомоществования нуждающимся ученикам и ученицам всех учебных заведений города Рыльска». Первое открылось 19 марта 1889 г., устав второго был утвержден 16 февраля 1883 г.

На рубеже XIX и XX вв. одним из ведущих направлений общественно-педагогической деятельности учительства стала просветительная работа, которую педагоги проводили в воскресных школах, в кружках самообразования, на курсах, в библиотеках и т. д. В условиях, когда не хватало не только школьных зданий, но и учителей,

просветительная деятельность педагогов приобретала особое значение. Наиболее результативным просветительство было в воскресных школах и на курсах для рабочих, которые возникли в различных городах России.

Одним из значимых фактов, повлиявшим на развитие политического самосознания российского учительства были неурожайные 1891–1892 гг. и холерный 1893 г., в значительной степени затронувший и Курскую губернию [5, с. 34]. Интеллигенция, в частности, учителя народных школ, устремились на помощь голодающим. Во многих школах педагогами были созданы благотворительные общества, общества пособия бедным учащимся, различные попечительства и т. д. Все эти образованные организации оказывали помощь семьям пострадавших детей. Так, во многих школах города Курска «одежда, обувь, книги и учебники приобретались для детей из бедных семей только на средства изысканные дирекцией этих учебных заведений» [6, с.75].

Отметим, что общественные объединения России конца XIX – начала XX вв. существовали и действовали под жестким контролем государства. В дореформенное время уставы легальных обществ утверждались императором. В эпоху буржуазных реформ порядок открытия обществ изменился, стал проще. Большинство их теперь, находилось в ведении министерства народного образования.

Под особо пристальным вниманием государства находились нелегальные общества, которые жестоко преследовались в соответствии с законом «О противозаконных собраниях» (1867 г.) и «О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участия в оных» (1874 г.) [7, с. 195].

Министерство относилось к общественной инициативе достаточно сдержанно. Чиновники, в свою очередь, активно подыскивали благовидные предлоги для того, чтобы «признать нецелесообразным» открытие обществ или предлагали изменить устав, затягивая их открытие длительной бюрократической перепиской.

Слушателями губернских педагогических курсов 1898 г. была сделана попытка утвердить в Курске учредительное общество под названием «Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Курской губернии». Проект устава был выработан инициативной группой учителей при участии руководителя курсов Д. И. Тихомирова и некоторых членов комиссии по народному образованию губернского земства. Затем данный проект через курского губернатора представили в Министерство народного просвещения. В составленном в 1898 г. проекте были сделаны незначительные отступления от нормативного устава учительских обществ, изданного в 1894 г. Министерством просвещения. Эти отступления касались: 1) Целей общества, 2) выдачи членам общественной помощи, пособий, 3) личного состава правлений общества и т. д. Курским губернатором было

предложено составить новый проект устава согласованного с нормативным уставом.

Новый выработанный слушателями педагогических курсов 1898 г. устав передали в губернскую земскую управу с просьбой предоставить его господину директору народных училищ. Впоследствии, 23 октября 1900 г. губернская земская управа была уведомлена господином директором народных училищ в том, что управляющий Министерства народного просвещения утвердил устав обществ по нормативному уставу [8, с. 3–4].

Также встретило отказ и ходатайство об открытии «Общества содействия начальному образованию в Курской губернии». Данное общество начало свою деятельность в 1898 г., а устав был утвержден 1 марта 1898 г. [9, л 8, 11]. «Общество содействия начальному образованию в Курской губернии» было создано представителями земских, железнодорожных служащих, врачей, чиновников, а также учителями в 1898 г. на базе, существовавшей с 1885 г. Комиссии народных чтений Курской городской думы.

В 1896 г. члены Комиссии, неудовлетворенные стесненными условиями своей деятельности, задумали ходатайствовать «о разрешении учредить общество, действия которого распространялись бы на всю губернию, а программа деятельности доставила бы возможность разнообразить способы гуманитарного воздействия на массы» [10, с. 7, 10].

Цель Общества декларирована в самом его названии, а «для достижения этой цели Общество устраивает и содействует устройству народных чтений, воскресных школ, повторительных курсов и вечерних занятий для взрослых, классов хорового пения, бесплатных библиотек и читален, общедоступных народных спектаклей, концертов, книжных складов, а также способствует физическому развитию детей».

Общество не только мобилизовало губернскую непедagogическую интеллигенцию на помощь учительству, но и способствовало ее консолидации в ходе позитивной, общественно-значимой деятельности.

Следует отметить, что правительство боялось общественной инициативы и стремилось ограничить деятельность общественных организаций исключительно материальной взаимопомощью.

Кроме материальной помощи, членами «Общества содействия начальному образованию в Курской губернии» проводилась активная общественная работа. Так, первое заседание общества состоялось 19 апреля 1898 г., в правление которого входило 15 человек. Далее, на общественном собрании от 31 мая 1898 г. было решено распределить деятельность общества по пяти отделам:

- 1) устройство народных чтений (записался 81 человек);
- 2) библиотеки, читальни, книжные склады (30 человек);
- 3) физическое развитие детей (30 человек);
- 4) воскресные школы (20 человек);

5) народные развлечения (20 человек) [11, с. 11].

В губернии было образовано семь учительских обществ взаимопомощи, успешная деятельность которых проводилась в двух основных направлениях:

- 1) материальная помощь лицам, состоявшим в этих организациях;
- 2) культурно-просветительская работа среди населения Курской губернии [12, с. 4–10].

Сложная политическая ситуация в стране привела к тому, что учительские организации стали выдвигать политические требования. Так, 16 октября 1904 г. на совещании «Общества содействия начальному образованию в Курской губернии» собранием было постановлено довести до сведения Министерства внутренних дел о необходимости:

1. Свободы устного и печатного слова с отменой всяких ограничений, стеснявших просветительскую деятельность (цензовый устав, правил 15 мая 1890 г. о народных библиотеках, правил 1876 и 1901 гг. о народных чтениях, о публичных лекциях, драматических произведениях, воскресных школах и других просветительных учреждениях).

2. Явочный порядок открытия всех просветительных обществ, союзов и учреждений.

3. Отмены системы закрытия просветительных обществ административным порядком и замены её личной ответственностью лиц, совершивших нарушение общих законов.

4. Отмены административных взысканий с членов просветительных обществ за нарушение общественных законов при деятельности в качестве членов обществ с заменой взысканий ответственностью нарушений законов перед лицом присяжных и т. д.

5. Необходимость вообще свободы собраний и союзов и законного ограждения личности... [13, с. 3–4].

Стоит отметить, что общества взаимопомощи стали первыми профессиональными организациями учителей, и на их заседаниях, прежде всего, поднимались вопросы, непосредственно связанные с профессией педагога. В этих обществах многие учителя приобретали первый опыт участия в социальной деятельности.

Поражение первой российской революции 1905–1907 гг. оказало большое влияние на общественную жизнь Курской губернии. Еще в годы революции царское правительство вынуждено было пойти на определенные уступки в области народного образования: открывалось много новых учебных заведений, улучшилось материальное положение школ. Но начавшиеся репрессии правительства против общественного и революционного движения повлияли на характер социальной деятельности народного учительства. Однако, несмотря на преследования властей, основная часть педагогов Курской губернии требовала коренных реформ,

направленных на демократизацию народной школы. Целью значительной части учительства было преобразование школы. В этом заключалась специфика общественной деятельности учителей.

Несмотря на тяжелые репрессии, социальная деятельность преподавателей продолжалась и в последующий период. Борьба за улучшение положения народных учителей, являлась неотъемлемой составляющей частью общественного движения начала XX века в России.

Источники и литература

1. Корнилов А.А. История России в XIX веке. М., 1918. Ч. III.
2. Золотарёв С.А. Очерк учительских объединений России: сб. ст. / Профессиональные учительские объединения на Западе и в России. Петроград: // Школа и жизнь. 1916.
3. Паначин Ф.Г. Педагогическое образование в России: Историко-педагогический очерк. М., 1979.
4. Паначин Ф.Г. Учительство и революционное движение в России (XIX – начало XX вв.). Историко-педагогический очерк. М., 1986.
5. Свод сведений о ходе и распространении важнейших заразных болезней в Курской губернии. № 1. Курск, 1893.
6. Обзор Курской губернии за 1893 год. Курск, 1894.
7. История политических партий Центрального Черноземья: Гос. ком. Рос. Федерации по высш. образованию и др. / под ред. Л. С. Полнера. Курск, 1995.
8. К 1 общественному собранию Общества взаимного вспомоществования учащимся и учившим в начальных народных училищах Курской губернии. Курск, 1901.
9. Государственный архив Курской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 578.
10. Отчет Общества содействия начальному образованию в Курской губернии с 19 апреля 1898 г. по 1 января 1900 г. Курск, 1900.
11. Отчет о деятельности Общества содействия начальному образованию в Курской губернии с 19 апреля 1898 по 1900 г. Курск, 1900.
12. Отчет о деятельности Общества взаимного вспомоществования в начальных народных училищах Курской губернии за 1902 г. Курск, 1903.
13. Отчет Общества содействия начальному образованию в Курской губернии за 1904 г. / Приложение за 1905–1906 гг. Курск, 1906.

И. В. Шпаков, Е. В. Холодова

ИСТОРИЯ И АРХИТЕКТУРА ГОРОДСКОЙ УСАДЬБЫ Г. Б. ФРИДА В КУРСКЕ

В 1900 г. на участке по ул. Московской, имеющем современный номер 77Б, был выстроен небольшой одноэтажный главный дом городской усадьбы. Дата окончания строительства была указана в тимпане фронтона над дверным порталом главного фасада (рис. 1).

В дореволюционное время домовладение принадлежало купцу-промышленнику Гецелю Берковичу Фриду [1, л. 2], который владел

мыловаренным заводом на 1-й Кожевенной улице (в справочнике фабрично-заводских предприятий 1914 г. указывалась Тускарная улица, количество работников 12, основное производство – оливковое мыло, годовое производство на 43 000 руб.) и торговыми лавками на Херсонской улице в доме Рубчевской (в 1901 г.), на Генеральной улице в доме Францова (в 1912 г.) (рис. 2) [2, с. 65; 3, с. 130; 4, ст. 1321–1349 (Е)].

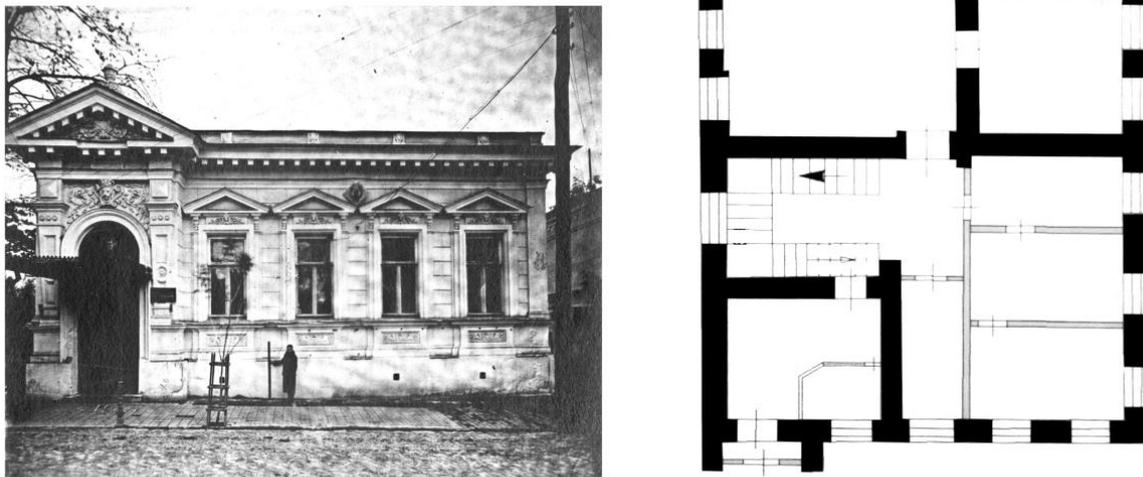

Рис. 1. Главный фасад (ок. 1934 г.) и фрагмент плана дома Г. Б. Фрида в составе современного здания по ул. Ленина, 77Б.

На участке Г. Б. Фрида площадью 2 401 кв. саж. (около 1 га) размещались одноэтажный каменный дом, смешанный 2-этажный дом и надворные постройки [1, л. 2].

Прямоугольный, вытянутый во двор одноэтажный на каменном цокольном этаже главный дом городской усадьбы сохранился практически без изменений в существующем в настоящее время 4-этажном здании и был выполнен в неоклассицистическом направлении стиля модерн. Архитектурно-художественное решение главного фасада выполнено в штукатурных профилях и штукатурной рустовке в виде классических форм. Здание отличается ровным ритмом пятиоконного фасада. Горизонтальную композицию четко определяли линии мелкопрофилированных развитых межэтажного, подоконного и венчающего карнизов. Венчающий карниз небольшого выноса подчеркивался рядом модильонов.

Сохранившиеся прямоугольные окна первого этажа имеют развитое обрамление в виде профилированных наличников украшенных в верхней части профилированной же филёнкой с развитым растительным орнаментом в виде завитков обрамлений небольших картушей с маскаронами (человеческих лиц) и лепных растительных листов-кронштейнов, поддерживающих профилированные треугольные сандрики. Подоконные пространства обработаны рядами изящных филёнок с лепным

орнаментом растительных завитков, обрамляющих небольшие яйцевидной формы картуши.

Углы здания крепованы гладкими лопатками.

Главный вход акцентирован развитым порталом углового ризалита в северо-западной части объекта. Крупный вход с полуциркульным световым верхом, в развитом профилированном наличнике, обрамляют трапезиевидные утонённые к низу декорированные пилястры, поле которых украшают фигурные филёнки и небольшая круглая ниша с цветочной розеткой. Верхние части пилястр обогащены накладными квадратами (и ранее имели пирамидки, которые утрачены). Верх полуциркульного обрамления двери украшен крупным лепным орнаментом в виде растительных завитков, обрамляющих картуш, в поле которого размещен охранный дома, символ власти и изобилия – маскарон в виде морды льва, держащего в зубах кольцо.

Ризалит портала завершался невысоким треугольным фронтом, в тимпане которого располагался картуш с датой постройки здания (1900).

Северный и южный дворовые протяженные фасады выполнены в штукатурке. Декоративное оформление дворовых фасадов упрощено и сведено до повторения простых форм главного фасада в виде профилированных лепных подоконных, межэтажных и венчающего карнизов. Окна прямоугольные с пологими лучковыми перемычками в простых обрамлениях.

Рис. 2. Лавка Г. Б. Фрида в доме Рубчевской (слева внизу) и рекламное объявление купеческого завода.

Владелец здания упоминался в периодических изданиях начала века, например, в марте 1910 г. на уездном съезде промышленник Дашкеев обвинил фабрикантов-мыловаров Фрида и Черника в мошенничестве, выразившемся в примешивании к мылу песка. Съезд оправдал мыловаров, не найдя в инкриминируемом мыловарам деянии состава преступления. Данное событие было освещено в крупной общественно-политической, экономической и литературной газете Российской империи «Русское слово» [5].

В 1917 г. на призыв Курских городской думы и управы из всего купечества только Г. Б. Фрид и Виленчик пожертвовали 1500 руб. на пополнение городского бюджета Курска, оказавшегося обремененным громадным финансовым дефицитом при полном отсутствии наличности [6].

В 1917 г. домовладение Г. Б. Фрида было муниципализировано. Мыловаренный завод купца также был национализирован и получил новое название «Красная звезда».

В 1918–1928 г. участок имел адрес ул. Ленина, 81 [7, л. 71].

В 1928 г. участок получает номер 77, в это время в бывшем доме Г. Б. Фрида размещался административный отдел городского исполнительного комитета [7, л. 71].

В начале 1930-х г. здание по ул. Ленина, 77 было предоставлено редакции газеты «Курская правда». В 1934 г. в этом же здании разместились и редакция газеты «Молодая гвардия» [8, с. 64].

В 1935 г. одноэтажное здание редакций двух газет было надстроено двумя этажами по проекту главного инженера проектной конторы «Курскоблпроект» Имре Имревича Киша (рис. 3) [9, с. 101–102].

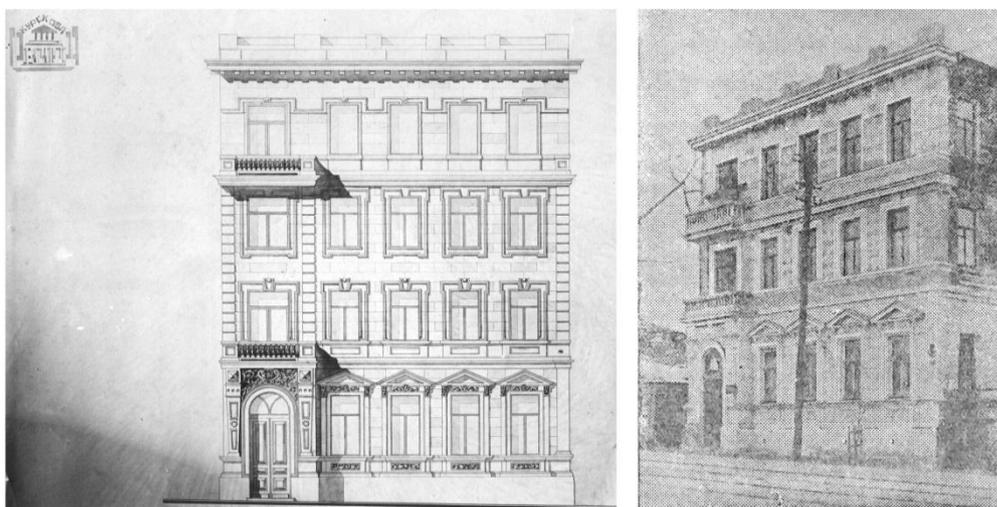

Рис. 3. Проект надстройки здания (ок. 1934 г.) по ул. Ленина, 77 (архитектор И. И. Киш), здание после надстройки двух этажей в 1936 г.

Надстроенные второй и третий этажи выполнены в стилистике постконструктивизма, но при этом поддерживают композиционный и декоративный тон первого этажа.

Поля фасадных стен второго и третьего этажей рустованы. Углы второго этажа здания крепованы гладкими лопатками.

Прямоугольные окна второго этажа в широких наличниках с лепным орнаментом в имитации обрамлений с «ушками», увенчаны широкими замковыми камнями, уширенный верх которых, подпирая межэтажный тянутый карниз, играют роль его кронштейнов. Окна подчеркнуты профилированным карнизом.

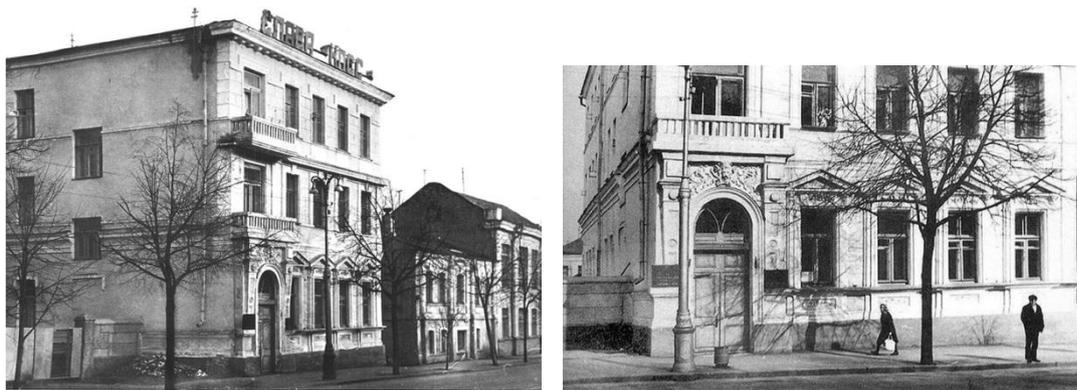

Рис. 4. Бывший дом купца-промышленника Г. Б. Фрида, фото ок. 1970-х гг.

Все прямоугольные окна третьего этажа в узких наличниках объединены в верхней части широким профилированным меандровым поясом со вставками в виде квадратного декора в форме пирамидок, по осям оконных проёмов. Окна подчеркнуты профилированным карнизом. Подоконное пространство обработано в виде прямоугольных выступов.

Вместо треугольного фронтона ризалит портала стал завершать небольшого выноса балконом с профилированным торцом площадки и строгим ограждением прямоугольных столбиков, объединенных профилированным поручнем. Подобный же балкон, но большего выноса, размещен в уровне третьего этажа так же, по оси входного портала.

Входной ризалит и балкончики придают зданию изысканную пластичность и совместно с лепными барельефами весьма разбавляют классицистическую строгость здания.

В списке объектов, разрушенных во время военных событий 1941–1944 г., составленном государственной архитектурно-строительной инспекцией в 1947 г. 3-этажное здание редакции Курской правды не указано, что позволяет говорить о том, что оно не пострадало в ходе Великой Отечественной войны в отличие от типографии Курской правды, располагавшейся по ул. Золотой, 15, которая была сожжена. В 1947 г. во дворе участка по ул. Ленина, 77 была выстроена новая типография, где печатались областные и многотиражные газеты, книги, брошюры, плакаты [10, л. 1–5 об.; 8, с. 64].

В характеристике существующих домов по ул. Ленина и их использованию при реконструкции улицы, согласно плану застройки центра г. Курска, утвержденного исполкомом курского горсовета от 20 января 1947 г. № 44, указано, что на участке № 77 находится кирпичное 3-этажное здание редакции, износ которого составляет 30 %, кубатура 7350 куб. м., стоимость 416 500 руб, здание подлежит реконструкции [11, л. 9].

В первые годы после войны в этом здании работал редактором газеты «Курская правда» известный советский писатель Георгий Радов

(Г. Г. Вельш), чьи очерки и рассказы о сельской жизни стали широко известны в СССР в 1950-х – 1960-х гг.

Рис. 5. Современный вид бывшего дома купца-промышленника Г. Б. Фрида, фото 2000 г. Главный фасад и фрагмент лепного декора главного фасада

В этом здании в литературном объединении при книжном издательстве собирались курские писатели и поэты В. В. Овечкин, М. И. Козловский, Ф. М. Голубев, М. М. Колосов, Е. И. Носов, Н. Ю. Корнеев. Сюда, на литературный огонек, заходили работавшие в послевоенные годы в редакциях газеты «Курская правда» и «Молодая гвардия» и теперь широко известные в стране и мире писатели Фазиль Искандер и Леонид Жуховицкий. В своем журналистском клубе куряне принимали С. Наровчатого, К. Симонова, Ю. Германа, первого Героя Советского Союза, генерал-майора авиации М. В. Водопьянова, народных артистов СССР Л. П. Орлову, А. Д. Дикого. В январе 1947 г. в редакции газеты «Курская правда» произошла встреча поэтов С. Гудзенко и М. Луконина с авторским активом газеты, в здании выступал композитор Марк Фрадкин, 7 февраля 1962 г. гостем курских журналистов был Михаил Аркадьевич Светлов. Прославленный поэт читал свои стихи, рассказывал о творческой работе, отвечал на вопросы журналистов [12].

В 1964 г. в здании по ул. Ленина, 77 разместилось курское отделение Центрально-Черноземного издательства [8, с. 64].

В 1970-х гг. прошлого века областные редакции покинули это здание после ввода в строй мощного полиграфического комплекса-издательства «Курская правда» на улице Энгельса [12].

В конце 1980-х гг. в здании по ул. Ленина, 77 размещались Курскжилстрой, Региональная государственная инспекция по охране атмосферного воздуха ЦЧО, Центр межотраслевой территориальной научно-технической информации и пропаганды [13, с. 84, 148, 149].

В 2006 г. старое здание надстроили мансардным этажом и по проекту архитекторов Петра и Аллы Матягиных к нему возвели шестиэтажную пристройку [12]. В данное время здание получает номер 77Б.

В настоящее время здание по ул. Ленина, 77Б используется как торгово-деловой центр, где сдаются в аренду торгово-офисные помещения. Приказом управления Администрации Курской области по охране объектов культурного наследия от 09.10.2020 № 228-п «Дом жилой, вторая половина XIX века», по адресу: Российская Федерация, Курская область, город Курск, улица Ленина, дом 77Б был включен в «Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Курской области».

По итогам проведенного историко-архитектурного исследования можно констатировать о наличии историко-культурной значимости здания по ул. Ленина, 77Б.

В историко-культурном отношении ценность определяется выявленными периодами строительных этапов здания – 1900 г. и 1935 г.

Ценностной исторической характеристикой выступает выявление имен строителя особняка и владельца здания – купца промышленника Гецеля Берковича Фрида, а так же автора надстройки объекта 1935 г. инженера Имре Имревича Киша.

Здание, в целом, отлично сохранило свои узнаваемые объемно-пространственные характеристики в уровне 3-х этажей и цокольного уровня, композиционную структуру и декоративную отделку главного фасада и представляет собой жилой дом городской купеческой усадьбы, в дальнейшей его реконструкции и использовании помещений общественного назначения, играющего важную архитектурно-градостроительную роль в панораме исторического квартала центральной улицы города Курска.

Особую историческую ценность представляет около сорокалетняя работа в стенах здания редакций главных газет Курской области – «Курской правды» и «Молодой гвардии», где в работавшем здесь литературном объединении собирались курские писатели и поэты В. В. Овечкин, М. И. Козловский, Ф. М. Голубев, М. М. Колосов, Е. И. Носов, Н. Ю. Корнеев. Здесь выступали широко известные в стране и мире писатели К. Симонов, Ю. Герман, Ф. Искандер и Л. Жуховицкий, поэты С. Наровчатов, С. Гудзенко, М. Луконин, М. Светлов, композитор М. Фрадкин. В своём журналистском клубе куряне принимали первого Героя Советского Союза, генерал-майора авиации М. В. Водопьянова, народных артистов СССР Л. П. Орлову, А. Д. Дикого и др.

Выявленные сведения имеют большую ценность в историко-культурном отношении и могут стать основой для создания памятных и мемориальных досок.

Ценной характеристикой с точки зрения социальной культуры является включенность здания и связанных с ним знаковых личностей в научный оборот: публикации в научно-краеведческих изданиях, средствах массовой информации, электронных ресурсах.

Особым общественным значением является привлекательный туристический статус дома, как по своей первичной функции – дореволюционного городского купеческого особняка с выразительным индивидуальным архитектурно-художественным решением, так и известного в советский период здания редакций главных газет Курской области – «Курской правды» и «Молодой гвардии», где так же работало литературное объединение области.

Важной характеристикой в градостроительном отношении для здания по ул. Ленина, 77Б является его местоположение в окружающей его ценной исторической застройке XIX – первой половины XX вв., локальной исторической территорией, имеющей более чем вековую историю. Дом находится в историческом центре города в красных линиях улиц регулярной планировки по генплану 1782 г.

Здание было рекомендовано к сохранению как ценный элемент историко-градостроительной среды согласно «Проекта зон охраны памятников истории и культуры г. Курска» (утвержденного решением исполкома Курского областного Совета народных депутатов за № 78 от 15 марта 1990 г.).

Ансамблевым значением городской усадьбы по ул. Ленина, 77Б является его гармоничное единение с комплексом соседних, в доступном радиусе визуальных связей, окружающих зданий сохранившейся жилой исторической застройки, что являет своеобразный ансамбль жилых и общественных зданий XIX – первой половины XX вв.

Архитектурно-художественной ценностью здания по ул. Ленина, 77Б являются его объемно-пространственные характеристики с индивидуальным ярким фасадом – самобытным образцом городского особняка 1900 г., в реконструкции 1935 г., как неотъемлемый элемент пространственно-планировочной структуры градостроительной среды исторического города.

Исследуемое здание является частью ценной жилой исторической застройки центральной части г. Курска и представляет собой историко-культурную ценность как памятник градостроительства и архитектуры.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 23.
2. Путеводитель по городу Курску (с планом города) / составители А. А. Танков, Н. И. Златоверховниковов // Курский сборник с путеводителем по городу Курску и планом города. Вып. 1 / под ред. Н. И. Златоверховникова. Курск, 1901.

3. Курский календарь: справочная и адресная книга на 1912 г. / издание П. Д. Калининкова, П. П. Еромалаева. — Курск: электрическая типография П. З. Либерман, [1912].
4. Езиоранский Л.К. Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию) / составлено под руководством редакционного комитета, состоящего из членов Совета съездов представителей промышленности и торговли ; ред. Ф. А. Шобер; Совет съездов представителей промышленности и торговли. Изд. 2-е. Пг., 1914.
5. Упоминание Курска в газетах начала XX века – Текст: электронный. // Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года [Электронный ресурс] // URL: http://old-kursk.ru/book/river/paper_19xx-2.html (дата обращения: 30.09.2021 г.).
6. Раков В. Маленький человек большой революции: куряне в 1917 году — Текст. Изображение : электронные. // Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года [Электронный ресурс] // URL: http://old-kursk.ru/events/st_180327.html (дата обращения: 30.09.2021 г.).
7. ГАКО. Ф. Р-866. Оп. 1. Д. 266.
8. Самсонов В.И. Курск: путеводитель по историческим и памятным местам / [вступ. ст. Ф. И. Лаппо]. 2-е доп. изд. Воронеж, 1965.
9. Холодова Е.В. Зодчие Курского края XVII–XXI веков: иллюстрированный биографический словарь Курск, 2003.
10. ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 92.
11. ГАКО. Ф. Р-5346. Оп. 1. Д. 6.
12. Степанов В.Б. Путеводитель по городу. Ч. 3. Пл. Перекальского: улица Ленина (начало) — Текст. Изображение: электронные. // Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года [Электронный ресурс] // URL: <http://old-kursk.ru/book/stepanov/ptv3-08.html> (дата обращения: 30.09.2021 г.).
13. Список абонентов курской городской телефонной сети / Курская городская телефонная станция Министерства связи РСФСР. Курск, 1988. 464 с.

Д. С. Ванин, И. А. Кауров, А. В. Крохина, А. Н. Манжосов

**«БЫЛИ МЫ ВСЕГДА ОТВАГОЮ БОГАТЫ...»
(СТРАНИЦЫ БОЕВОГО И ТРУДОВОГО ПОДВИГА
КУРСКИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИЦ
Н. Д. НЕПОГОДИНОЙ И М. С. СМИРНОВОЙ**

Были мы всегда отвагою богаты
И когда страна скликала нас в поход.
Лавою стальной на всех врагов заклятых
Поднимал сынов и дочерей народ.
Г. Гридов (Давидович).
1941 г.

В 1930-е гг. повсеместное развитие на железнодорожном транспорте получило стахановско-кривоносовское движение. Наряду со скоростными рейсами донецкого машиниста П. Ф. Кривоноса, с вождением

машинистами депо Курган И. П. Блиновым, депо Орел Н. М. Грозовым, депо Курск-Северное А. М. Бородавченко тяжеловесных поездов, достижениями курскими машинистами И. П. Коршуновым, М. П. Афанасьевым, А. Д. Кондратьевым, Н. П. Ломакиным рекордных межпромысловых пробегов паровозов (в 13–15 раз превышавших технические нормы) и другими передовыми технологиями, во всех структурах железнодорожного конвейера родилась замечательная инициатива женской молодежи «Женщины – на паровоз! ».

В августе 1938 г. первая на железных дорогах Советского Союза женская паровозная бригада машиниста З. П. Троицкой на участке Москва – Куровская провела грузовой поезд и доставила состав к месту назначения на 1 час 17 минут раньше графика [1, с. 145]. Через несколько месяцев движение женщин по овладению мужскими специальностями, особенно в паровозном хозяйстве, приобрело широкий размах.

Первыми последователями машиниста З. П. Троицкой на Курском железнодорожном узле стали комсомолки Нина Горбачева и Мария Козьменкова.

Н. Д. Горбачева родилась в 1919 г. в с. Винниково в семье железнодорожника. С 1934 по 1936 гг. она обучалась в железнодорожной школе ФЗУ. После ее окончания трудилась слесарем, машинистом молота, сверловщицей в вагонно-ремонтном пункте ст. Курск. В 1938 г. в Курске она поступила на курсы помощников машинистов паровоза [2].

М. С. Козьменкова родилась в 1920 г. в селе Терехово Солнцевского района. После окончания школы ФЗУ в 1937 г. она начала трудовой путь на железнодорожном транспорте слесарем паровозного депо Курск.

В мае 1938 г. бюро Кировского райкома комсомола приняло М. С. Козьменкову в члены ВЛКСМ [3, л. 59; 4, л. 142].

В декабре 1938 г. М. Козьменкова окончила курсы помощников машиниста и была направлена в паровозное депо Курск-Западное.

Так, в стенах Западного паровозного депо встретились на совместной работе Нина Горбачева и Мария Козьменкова. Эта встреча положила начало проверенной пятью десятилетиями их большой человеческой дружбе.

Но тогда, в предвоенные годы, многое было непросто в трудовых биографиях подруг.

«...Курсы [помощников машинистов] они окончили отлично. Но боялись машинисты брать себе в помощники девушек. Казалось, что от них проку? Опасения, однако, оказались напрасными. Вскоре весь узел знал их как лучших помощников машинистов. Слесари-паровозники по специальности, они хорошо знали машину, любовно за ней ухаживали, были пунктуальны и аккуратны...», – отмечала газета «Курская правда» [5].

До начала Великой Отечественной войны Н. Д. Горбачева работала на маневренном паровозе Ов-3434 в бригаде машиниста П. П. Ковалева, а М. С. Козьменкова – вместе с машинистами С. Л. Руцким и В. А. Баранищевым обеспечивала рейсы пригородных поездов на участках Курск – Мармыжи и Курск – Льгов [6, с. 48].

Работа, которую ежедневно выполняли Н. Горбачева и М. Козьменкова, была довольно тяжелой. За смену в топку надо было перебросать по 14–16 тонн угля, непрерывно с помощью инжекторов закачивать воду в котел. И все это повторялось из смены в смену, в жару и в холод, в дождливую или солнечную погоду.

В первые месяцы начавшейся войны деятельность железнодорожников прифронтowych магистралей, к которым относился и Курский железнодорожный узел, была серьезно осложнена.

Но ни бомбежки, ни обстрелы вражеских самолетов не останавливали работу бесстрашных молодых железнодорожниц.

21 октября 1941 г. корреспондент газеты «Курская правда» С. А. Марченко поведал о смелости помощника машиниста паровоза М. Козьменковой:

«Мария Козьменкова свыклась с паровозом, с большой любовью ухаживает за ним. Машинист, имея такую помощницу, знает: случайного в дороге не произойдет. Все тщательно приготовлено, проверены движущие части, заправлены смазочные аппараты.

Особенно в военное время, паровозная бригада, где машинист С. Руцкой, водит поезда не только днем, но и в ночное время. А это не так просто. Надо, чтобы ни одна искра не вылетела из трубы.

...Не один раз фашистские самолеты во время движения поезда повреждали путь. Но молодая железнодорожница честно выполняла свой долг. Ей приходится по 40–48 часов находиться в рейсе, работать в темноте, без фонарей и электроосвещения, под проливным дождем. Но она только закаляется в суровой работе, приобретая прекрасные чувства – мужество, отвагу и риск, присущие славным дочерям нашей страны...».

21 октября 1941 г. в затемненный для маскировки красный уголок паровозного депо Курск-Западное на собрание пришли свободные от поездной работы комсомольцы. Обсуждался один вопрос: кого направить добровольцами в железнодорожный экипаж бронепоезда, строительство которого заканчивалось в цехах депо.

Секретарь партбюро депо (с 1938 по 1941 г. – секретарь комитета комсомола депо Курск-Западное) М. С. Салов [7, л. 26, 59] сообщил собравшимся, что машинистами бронепоезда политотделом отделения дороги утверждены А. В. Киселев и К. И. Воробьев. Необходимо было подобрать для экипажа бронепаровоза помощников машиниста.

Первым добровольцем встал помощник машиниста И. К. Еськов. В 1933–1936 гг. в депо он работал кочегаром и помощником машиниста. С

1936 г. до октября 1940 г. служил в Севастополе (Балаклаве) командиром отделения артиллерийской батареи Черноморского флота [8, л. 2,6]. Его напарником комсомольское собрание рекомендовало И. И. Гладилина. В 1939 г. в период службы в Красной Армии он, водитель танка БТ-7, участвовал в боях с японскими захватчиками в районе реки Халхин-Гол. За стойкость и мужество был награжден медалью «За отвагу» [9, с. 50].

«Сидя в втором ряду, я тоже подняла руку, – позднее вспоминала Н. Д. Непогодина. – На меня сразу обратил внимание парторг депо М. С. Салов и недоуменно спросил: “Ты что, тоже хочешь на бронепоезд?”. Я громко заявила: “Запишите нас в команду бронепоезда – меня и мою подругу Марию Козьменкову. Сегодня ее нет на собрании – она в рейсе до Львова. Но это наше общее решение”. В зале раздались неодобрительные шутки, перешедшие в смех: “Только баб на бронепоезде нам не хватало!” Но я дважды повторила просьбу и настояла на голосовании о принятии нас с Марией в экипаж бронепоезда. Решение собрания было положительным: “Выдержат и не подведут”». [10, л. 42–43].

На следующий день девушки уже знакомились с воинской командой бронепоезда. Его командиром был москвич, младший лейтенант В. М. Морозов, а комиссаром – политрук С. Я. Бродкин, родом из Белоруссии. Они одобрили решение девушек идти в бой с командой бронепоезда [11, 12].

24 октября 1941 г. ремонтники паровозного депо Курск-Западное завершили оборудование бронепаровоза Ов-6707. На 25 октября 1941 г. был назначен первый пробный рейс до ст. Рышково.

После успешного завершения поездки, в Рышково, на глазах у Нины Непогодиной вражеский диверсант в будке машиниста убил выстрелом в голову Ивана Кузьмича Еськова [10, л. 44; 13, с. 99].

Но курские железнодорожники не испугались вражеской провокации. Бронепоезд № 2, позднее названный «Борисом Петровичем», был передан в состав 13-й армии, защищавшей Курск от немецко-фашистских захватчиков.

С первых чисел ноября 1941 г. экипаж бронепоезда № 2 участвовал в боях в районе Мелехино и Щигров. 18 ноября 1941 г. он был переброшен на оборону участка Красная Заря – Измалково – Елец. 24 ноября 1941 г. на станции Шатилово (в 140 км восточнее Орла и 55 км западнее Ельца. – *авт.*), поддерживая части 307-й стрелковой дивизии, бронепоезд попал под интенсивный вражеский обстрел [14, л. 67, 74, 76].

Разрывами вражеских мин был значительно поврежден путь, пробоины получили паровые машины. Мария Козьменкова в бою на станции Шатилово своим мужеством спасла бронепоезд. Она первой заметила, что разрывом мины сорван рукав, по которому подавалась в котел вода из тендера. Воспользовавшись остановкой бронепоезда, она

выпрыгнула из будки машиниста. Зацепившись ногами за подножку паровоза, она, не обращая внимания на рвущиеся мины и жестокий мороз, соединила водоприемный рукав, сорванный с гайки взрывом. Вода в тендере была сохранена. Только боевые товарищи подняли ее в паровозную будку, как на том месте, где она работала, разорвалась вражеская мина. Так судьба спасла от гибели отважную железнодорожницу [13, с. 106; 15; 16, с. 23; 17, с. 106].

Нина Горбачева и Мария Козьменкова участвовали в десятках тяжелых боев. «Неожиданно над паровозом начал кружить «Юнкерс». На бронепоезд посыпались снаряды авиационной пушки и в нескольких местах повредил котел паровоза. Стрелка манометра угрожающе падала вниз. Положение казалось безвыходным. Но бригада на растерялась. Нина Горбачева подкачивала воду в котел, подбрасывала уголь в топку. Машинист А. В. Киселев принял все меры, чтобы паровоз вышел из-под обстрела. С большим трудом бригада доставила израненный паровоз на базу», – отмечалось 7 ноября 1942 г. в газете «Ударник Дзержинской».

В мае 1942 г. бронепоезд «Борис Петрович» на ст. Мармыжи посетил корреспондент газеты «Красная звезда», известный комсомольский поэт Александр Безыменский. После его встречи с командой бронепоезда № 14 родился очерк «“Борис Петрович” из Курска». 20–24 июня 1942 г. он был опубликован в газете «Курская правда» в Старом Осколе. 26 июня 1942 г. на всех фронтах с ним познакомились читатели газеты «Красная звезда».

О мужестве М. Козьменковой А. И. Безыменский писал так: «Мария Стефановна Козьменкова – помощник машиниста, героическая женщина, вызывающая восхищение всего экипажа. В самых трудных боях дежурила она и завоевывала славу замечательного бойца...» [18].

Пожилые бойцы из экипажа бронепоезда часто советовали девушкам перейти на работу в тылу. Но боевые подруги не соглашались, постепенно привыкали к походной жизни. Порой им казалось, что перемен в их судьбах до конца войны не будет.

Неожиданно, как для боевых подруг, так и для командования бронепоезда № 14, из Управления железной дороги им. Ф. Э. Дзержинского была прислана телеграмма: направить помощников машинистов Н. Д. Горбачеву и М. С. Козьменкову на курсы машинистов в Москву.

Девушки вначале не хотели уезжать. Ведь они сроднились с боевым экипажем. Но приказ есть приказ. В начале мая 1942 г. молодые курянки прибыли в столицу. Их тепло встретили в Управлении железной дороги. Заместитель начальника дороги по паровозному хозяйству А. И. Тищенко лично занялся деликатной проблемой – срочно пошить для фронтовых подруг форменную одежду и достать им белые туфли. На 10 мая 1942 г. их пригласил на прием Народный комиссар путей сообщения генерал-лейтенант А. В. Хрулев. По завершении встречи нарком путей сообщения

вручил М. С. Козьменковой и Н. Д. Горбачевой значки «Почетному железнодорожнику» [19, л. 120; 20, л. 65].

В тот же день руководство антифашистского комитета советских женщин, который возглавляла прославленная летчица, Герой Советского Союза В. С. Гризодубова, пригласило боевых подруг для участия во Втором Всесоюзном митинге женщин-участниц Великой Отечественной войны, который проводился в Колонном зале Дома Союзов.

На митинге М. С. Козьменковой было предоставлено слово для выступления. Худенькая, в гимнастерке с форменными петлицами, она стояла на трибуне и волнующим взглядом осматривала собравшихся в зале женщин-фронтовичек и гостей митинга. В своем выступлении Мария рассказала о том, как в октябре 1941 г. рабочие Курского железнодорожного узла построили два бронепоезда, о том, как их бронепоезд № 14 сражался с фашистами под Шатилово, Измалково, а 9 декабря 1941 г. освобождал узловую станцию Елец.

Мария закончила свою речь словами: «Скоро мы снова будем на родном бронепоезде. Клянемся вам, дорогие подруги, что не покинем его до тех пор, пока не будут уничтожены все до последнего гитлеровские разбойники, пока не очистим родную землю от фашистских полчищ» [21, с. 33–35; 22; 23, с. 50–51].

30 июля 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР помощники машиниста бронепоезда № 14 Н. Д. Горбачева и М. С. Козьменкова были награждены орденами Трудового Красного Знамени [11, 24]. 26 августа 1942 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин в Кремле вручил им эти высокие награды [25; с. 55; 26, с. 43].

Боевым подругам Н. Д. Горбачевой и М. С. Козьменковой не удалось возвратиться на родной бронепоезд. В боях под Воронежем в июле 1942 г. бронепоезда № 14 и № 15 62-го отдельного дивизиона были окружены вражескими танками. Они были взорваны у моста через Дон возле ст. Подклетное.

В сентябре 1942 г., по окончании курсов машинистов курские комсомолки были направлены в паровозное депо Москва-Горьковская. Семь месяцев они работали здесь машинистами грузовых поездов. Вскоре после освобождения Курска от немецко-фашистских оккупантов Н. Горбачева и М. Козьменкова возвратились в родной город.

В марте 1943 г. Н. Д. Горбачева стала работать заместителем начальника отдела кадров 6-го Курского отделения паровозного хозяйства [27, л. 110–111], а М. С. Козьменкова – инструктором политотдела Военно-эксплуатационного отделения № 14 [28, л. 142].

6 мая 1943 г. М. С. Козьменкова избирается секретарем комитета комсомола паровозного депо Курск, а с июля 1943 г. по май 1944 г. – она

работала в должности второго секретаря Кировского РК ВЛКСМ гор. Курска [29, л. 124–125].

Весной 1944 г. Н. Горбачева и М. Козьменкова возвратились в коллектив депо Курск. Они трудились помощниками машинистов, а с мая 1944 г. – машинистами маневровых паровозов. [31, л. 127, 157 об.; 32, л. 139–140].

Работали они добросовестно и самоабвенно, также как сражались в боях на бронепоезде. В июле 1945 г. фото машиниста паровоза Ов-2077 М. С. Козьменковой было помещено на деповскую Доску почета [33, л. 19]. В 1946–1950 гг. машинист комсомольского паровоза она неоднократно отмечалась почетными грамотами и благодарностями руководства депо Курск [34, л. 68; 35, л. 354].

За свою трудовую и общественную деятельность машинист паровозного депо Курск Н. Д. Горбачева в 1947 г. избиралась депутатом Верховного Совета РСФСР второго созыва по Золотухинскому избирательному округу Курской области [2; 36, л. 1 об]. 18 июля 1946 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР отважные комсомолки-помощники машиниста бронепоезда № 14 – были отмечены медалями «За отвагу» [5; 6, с. 49–50; 37, л. 233–234; 38].

Много раз о мужестве курских комсомолок в боях на Брянском фронте рассказывалось в газетах «Курская правда» [5] и «Курский железнодорожник» [35].

К сожалению, тяжелая работа на паровозе серьезно подорвала их здоровье. В 1948 г. Н. Д. Горбачева вынуждена была перейти на облегченную работу делопроизводителем отдела кадров депо Курск, М. С. Козьменкова вскоре стала работать оператором локомотивного депо Курск [40, л. 69].

Шли годы. Многое изменилось в биографиях трудовых подруг. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. семейные узы связали их с бывшими фронтовиками. Н. Д. Горбачеву – с помощником машиниста депо П. И. Непогодиным, а М. С. Козьменкову – с майором Советской Армии А. В. Смирновым. Подрастали дети, а затем подошло время и для воспитания внуков. Почти как в стихах К. Ванценкина «Будут внуки потом, всё опять повторится сначала».

Своеобразный «повтор» жизни боевых подруг произошел осенью 1966 г., когда красные следопыты школы № 15 развернули поисковую работу о боевом пути бронепоездов 62-го отдельного дивизиона, построенных в Курске в октябре 1941 года. Так, в центре внимания учащейся молодежи школы № 15 оказались бывшие помощники машиниста бронепоезда Н. Д. Непогодина и М. С. Смирнова. И незаметно для себя они втянулись в работу по сбору сведений о своих боевых товарищах [41; 42].

С октября 1973 г. по май 1986 гг. молодежью Курска были организованы 7 встреч ветеранов 62-го Новосколькольнического дивизиона бронепоездов. На всех встречах боевые подруги были главным объектом внимания со стороны боевых товарищей. Сколько теплых слов на Курской земле они услышали от своего командира – майора в отставке В. М. Морозова, приехавшего на встречи из Москвы, от других ветеранов бронепоезда.

Незабываемые посещения станции Мармыжи, где в марте 1942 г. формировался 62-й отдельный дивизион бронепоездов, поездки к братской могиле погибших в июле 1942 г. боевых товарищей на ст. Избище (Нижедевицкий район Воронежской области), встречи в Воронеже – все это согревало сердца стареющих женщин – ветеранов [43]. Н. Д. Непогодина и М. С. Смирнова участвовали в подготовке первой Всесоюзной встречи ветеранов бронепоездов в Курске (6–9 мая 1988 г.) [44], в съемках документального фильма «Маленькие эпизоды большой войны» (1991 г.), посвященного оборонительным боям за Курск осенью 1941 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. Н. Д. Непогодина и М. С. Смирнова, как и миллионы других фронтовиков, были отмечены орденами Отечественной войны II степени.

Но неумолимое время брало свое. 21 августа 1996 г. после тяжелой болезни ушла из жизни М. С. Смирнова.

Н. Д. Непогодина тяжело переживала утрату своей лучшей подруги. Но как могла крепилась, участвовала за двоих в различных военно-патриотических мероприятиях. В августе 1998 г., когда Нине Дмитриевне было уже почти 80 лет, она в составе делегации курских железнодорожников совершила поездку на ст. Мармыжи. 20 августа здесь на вокзале открывали Зал боевой славы. В экспозиции зала отдельное место было отведено боевым подвигам курских комсомолок [45, с. 87, 116].

5 января 2002 г. завершился земной путь и Н. Д. Непогодиной – последней из курских железнодорожников-бойцов бронепоездов № 14 и № 15 62-го ОДБП [9, с. 53].

Но годы не стерли в людской памяти подвигов молодых курянок – единственных на сети железных дорог Советского Союза помощников машиниста бронепоезда. Их фотографии хранятся в альбомах, посвященных боевому пути 62-го дивизиона бронепоездов, в экспозициях музея истории Курского железнодорожного узла. Их героические дела изучают учащиеся нескольких курских школ, Курского железнодорожного техникума, а также молодые работники предприятий Московской железной дороги [46, с. 44; 47, с. 125; 48, с. 32–34]. Помнят о них свято. Не имеют права забывать.

Источники и литература

1. Через годы, через расстояния... / под общ. ред. И. Л. Паристого. М., 1997.
2. Курская правда. 1947. 13 янв.
3. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-174. Оп. 1. Д. 15.
4. ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 15-а.
5. Королёва А. Эти девушки водили бронепоезд // Курская правда. 1946. 4 авг.
6. Манжосов А.Н. Боевые подруги // Война и женская судьба / отв. ред. и сост. А. Ю. Друговская. Курск, 2000.
7. ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 29.
8. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 2. Д. 532.
9. Кауров И.А., Крохина А.В., Манжосов А.Н. «Твой путь я разделю как верная подруга...» (Боевые и трудовые биографии помощников машинистов бронепоезда № 14 Н. Д. Горбачевой и М. С. Козьменковой) // Курский военно-исторический сборник. Вып. 20. Курск, 2020.
10. Государственный архив Курской области. Ф. Р-91. Оп. 1 Д. 38.
11. Попова А. Девушки на бронепоезде // Гудок. 1942. 12 авг.
12. Ударник Дзержинской. 1942. 27 июня.
13. Киселев А.В. Бронепоезд «Борис Петрович» (Записки машиниста) // Курский альманах. 1950. № 1.
14. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 361. Оп. 6079. Д. 11.
15. Паш К. Девушки с «Бесстрашного» // Ударник Дзержинской. 1942. 7 нояб.
16. Манжосов А.Н. Стальной курянин «Борис Петрович» // Военно-исторический журнал. 2007. № 4.
17. Ефимьев А.В., Манжосов А.Н., Сидоров П.Ф. Бронепоезда в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1992.
18. Безыменский А. «Борис Петрович» из Курска // Красная звезда. 1942. 26 июня.
19. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1884. Оп. 49. Д. 1502.
20. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 49. Д. 1507
21. Советские женщины в Великой Отечественной войне. Всесоюзный митинг женщин – участниц Великой Отечественной войны в Москве. 10 мая 1942 г. М., 1942.
22. Речь М. С. Козьменковой // Гудок. 1942. 13 мая.
23. Коровин В.В., Манжосов А.Н., Головин Е.А. «Время выбрало нас...» Вклад молодых курян в победу (1941–1945 гг.). Курск, 2018.
24. Гудок. 1942. 31 июля.
25. Коровин В.В., Аргунов О.Н., Величко А.В. и др. «Пронесли в боях мы предков нашу славу»: Участие молодежи Курской области в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Курск, 2018.
26. Коровин В.В., Манжосов А.Н., Немцев А.Д. и др. Твой путь я разделю как верная подруга... (Женщины Курской области в Вооруженных Силах Советского Союза и добровольческих военизированных формированиях в 1941–1945 гг.). Курск, 2006.
27. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 172.
28. Архив Управления Московской железной дороги. Ф. 219. Оп. 1-Л. Д. 37.
29. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741.
30. ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65.
31. Объединенный архив Московской железной дороги (г. Курск) (далее – ОА МЖД). Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 4.

32. ОА МЖД. Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 17.
33. ОА МЖД. Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 14.
34. ОА МЖД. Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 24.
35. ОА МЖД. Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 47.
36. ГАКО. Ф. Р-377. Оп. 5. Д. 1.
37. ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 358.
38. Курская правда. 1946. 23 июля.
39. Курский железнодорожник. 1947. 26 янв.
40. ОА МЖД. Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 47.
41. Курская правда. 1967. 18 апр.
42. Ворон Н. Встреча с юностью // Курская правда. 1973. 19 окт.
43. Мартынов А. Собрались в местах боев // Курская правда. 1992. 28 июля.
44. Манжосов А. Крепости на колесах // Курская правда. 1988. 7 мая.
45. Золотухин А.Ю., Коровин В.В., Манжосов А.Н., Немцев А.Д. У памяти великой на посту. Боевой и трудовой подвиг железнодорожников магистралей Западного и Южного направлений весной – летом 1943 г. Курск, 2008.
46. Манжосов А.Н., Крохина А.В. Из истории советских бронепоездов // Локомотив. 2020. № 7.
47. Манжосов А.Н., Полячихин К.О., Февронин П.Р. Участие советских бронепоездов в боях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // «1941–1945. Этот день мы приближали как могли!». Материалы Всерос. науч. конф. Курск, 23 апреля 2020 г. Курск, 2020.
48. Ванин Д.С., Золотухин А.Ю., Крохина А.В., Манжосов А.Н. «Патриотизм – значительная моральная ценность своего времени...» (Из опыта гражданско-патриотического воспитания студентов Курского железнодорожного техникума в начале XXI столетия) // Курский военно-исторический сборник. Вып. 20. Курск, 2020.

К. О. Черникова

УЛИЦА ТРОЦКОГО (ДЗЕРЖИНСКОГО) ГОРОДА КУРСКА В 1920-е гг. (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Каждый раз, проходя по той или иной улице родного города, мало кто задумывается, что находящиеся на ней дома имеют свою историю. Данное касается улиц как новых микрорайонов, но в первую очередь улиц, относящихся к территории исторического центра любого древнего города, которым является и мой родной Курск.

В предлагаемой работе мы хотим обратиться к истории второй по своему «статусу» улице города – улице Дзержинского. Свою официальную историю она ведет от событий конца XVIII века, когда императрицей Екатериной II Великой в 1782 г. был утвержден генеральный план города Курска.

История улицы впитала все перипетии отечественной истории. Это отражено даже в ее наименовании. До 5 ноября 1918 г. она именовалась

ул. Херсонская (Большая Херсонская). Затем – улица Троцкого. 6 января 1928 г. ей было присвоено наименование улица Дзержинского [13, с. 70].

Именно к этому периоду истории улицы мы и хотим обратиться.

В фонде Р-602 «Финансовые инспекторы Курского губернского финансового отдела» Государственного архива Курской области сохранились документы, содержащие достаточно подробную информацию о конкретных зданиях, их предназначении, проживающих лицах.

Документы свидетельствуют, что в первой четверти XX в. улицу Дзержинского (тогда – Троцкого) населяли люди разного происхождения и социального положения. Здания также отличались друг от друга не только внешним видом, но и своим предназначением. За прошедшие годы большинство домов были утрачены, но некоторые из них дошли до нашего времени. Минусом сохранившихся документов является отсутствие сведений по части зданий, в первую очередь это касается четной стороны улицы.

Приведем примеры отдельных зданий улицы.

Дзержинского, д. 4 (ранее – Троцкого, д. 4) [12, л. 33].

На месте нынешнего 10-этажного здания, занятого квартирами и офисами, находился другой дом. В 1925 г. здесь располагался двухэтажный каменный дом площадью у основания 45 кв. саж., с прилегающим к нему двухэтажным сараем площадью 15,5 кв. саж. Всего во владении находилось 10,45 кв. саж.

Здание сдавалось в аренду Правления Курского Кооперативного Объединения Садоводов, Огородников, Пчеловодов (на общих арендаторских условиях) и контора «Югосоль». В том же здании проживали председатель Правления Пашкевич А.А. с семьей и сторож – Давыдов Павел Алексеевич (так же с семьей) [2, л. 2].

Дзержинского, д. 17 (ранее – Троцкого, д. 17) [12, л. 34].

В 1927 г., в двухэтажном здании по улице Троцкого, д. 17, проживали 20 человек. Большинство из них занималось кустарным производством. Например, Финкельштейн Ефим Львович – кустарь-конфетчик, или Ревзин Вульф Яниевич – кустарь-портной [1, л. 7].

Сейчас здесь 5-этажное здание, в котором размещается Курский социальный профессионально-реабилитационный центр и Дом моды «Вера Геппа».

Дзержинского, д. 21 (ранее – Троцкого, д. 21) [12, л. 33].

Дом 21 по улице Троцкого в 1926 г. был арендован Всероссийским кооперативным банком (Всекобанк). В этом помещении проживали сотрудники учреждения: управляющий отделом Всекобанка Ужвиев

Владимир Георгиевич, главный бухгалтер Кононов Николай Михайлович, курьер, уборщица, дворник и другие сотрудники [3, л. 3].

На данный момент в небольшом двухэтажном здании на улице Дзержинского, д. 21 располагается центр социального обслуживания «Участие» и Сеть аптек М+.

Дзержинского, д. 41 (ранее – Троицкого, д. 55) [12, л. 33].

В 1926 г. в многоквартирном доме по улице Троицкого, д. 55 проживали 82 человека самых разных профессий. К примеру – Делов Моисей Борисович – рассыльный правления Московско-Киево-Воронежской железной дороги (далее – МКВ ж/д), или Штейнберг Григорий Абрамович – служащий Курской инспекции мест заключения [3, л. 34–34 об.].

Сейчас здесь расположен многоквартирный 3-этажный дом с прилегающими к нему магазинами.

Дзержинского, д. 49 (ранее – Троицкого, д. 63) [12, л. 33].

В 1876 г. в этом здании было открыто землемерное училище. В 1921 г. на его базе был создан землеустроительный техникум, который просуществовал в Курске до 1934 г.

Техникуму принадлежало: главное двухэтажное здание, площадью 130 кв. саж.; двухэтажный флигель на училище (52 кв. саж.); флигель во дворе (33 кв. саж.); химическая лаборатория во дворе (33 кв. саж.); сарай во дворе (16 кв. саж.).

Под строениями находилось 264 кв. саж., всего же владения размещались на площади в 1000 кв. саж.

При землеустроительном техникуме проживали работники техникума – заведующий Лебединский Алексей Иванович, его помощник Матушкин Иван Филиппович, штатный преподаватель Алтухов Захар Митрофанович, а также секретарь и дворник [4, л. 105].

Так же при техникуме располагалось общежитие, в котором проживали студенты. Согласно выявленным документам, среди студентов училища числился Л. И. Брежнев [4, л. 104], в дальнейшем один из выдающихся советских государственных деятелей, Председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1960–1964 и 1977–1982 гг., Генеральный секретарь ЦК КПСС с 1966 по 1982 гг.

Сейчас в здании располагается ряд магазинов и офисов.

Дзержинского, д. 51 (ранее – Троицкого, д. 65) [12, л. 33].

В 1820 г. по проекту архитектора Карла Гофмана, автора самой известной усадьбы Курской области – Марьино, было возведено строение «для учения полковых лошадей». Когда пожар 1875 г. полностью уничтожил здание Курского городского театра, его дирекция получила в

свое ведомство пустующий манеж. Более полувека здесь радовали курских театралов своими постановками местные и приезжие артисты.

В 1927 г. после переезда городского театра в другое здание помещение переоборудуется под кинотеатр «1-е Совкино». Открывшись в 1928 г., кинотеатр стал самым престижным в городе, а вскоре и первым звуковым. Он имел 700 зрительских мест, в зале были партер, амфитеатр, ложи и балкон.

При здании театра проживал администратор Кельманович Лев Самуилович с женой и прислугой, сторож Децук Ефим Степанович с семьей и другие работники театра [7, л. 60].

Сейчас в здании функционирует киноцентр им. М. С. Щепкина концертно-творческого центра «Звёздный».

Дзержинского, д. 58 (ранее – Троицкого, д. 70) [12, л. 34].

В 1926 г. в этом жилом доме проживали служащие типографии № 2, находившейся на ул. Карла Маркса, д. 15, с семьями; Лунёв Ф. Л. – переплетчик, Рубанович А. Д. – печатник, корректор Шишканов П. Г. и др. [9, л. 51].

Сегодня на этом месте находится новое здание, в котором расположен ТЦ «Катюша».

Дзержинского, д. 69 (ранее – Троицкого, д. 77) [12, л. 33].

В 1924 г. дом по ул. Троицкого 77 принадлежал Черткову Авениру Петровичу и сдавался в аренду [5, л. 13].

Во владении находились: двухэтажный дом, площадью 44 кв. саж.; сарай-лавка с пристройками (7 кв. саж.); сарай для хозяйских нужд (10 кв. саж.).

Строения занимали 128 кв. саж.; двор 57 кв. саж.; сад 153 кв. саж.

Всего во владении находилось 291 кв. саж.

Сейчас по адресу ул. Дзержинского, д. 69 располагается многоквартирный дом.

Дзержинского, д. 72 (ранее – Троицкого, д. 82) [12, л. 35].

В 1925 г. здание принадлежало отделу сборов МКВ ж/д. Здесь проживали сотрудники отдела – начальник Зигон Федор Георгиевич, его помощник Оношевич Антон Иванович, архивариус Лебедев Егор Александрович и другие [8, л. 14].

Сейчас здесь находится торгово-производственная компания.

Дзержинского, д. 84 (ранее – Троицкого, д. 96) [12, л. 35].

В 1925 г. дом сдавался в аренду правлению МКВ ж/д. В здании проживали служащие правления – Воробьева Зинаида Васильевна – делопроизводитель аптечного склада МКВ ж/д, Милентьев Вениамин

Владимирович – весовщик ст. Курск МКВ ж/д, Дак Лидия Михайловна – заведующая детским садом при правлении МКВ ж/д и др. [10, л. 2].

Сейчас в этом здании размещается стоматологическая клиника.

Дзержинского, д. 99 (ранее – Троцкого, д. 107) [12, л. 34].

В 1926 г. дом по улице Троцкого, д. 107 принадлежал конторщице Ляховой Пелагее Яковлевне и сдавался в аренду. Всего во владении Ляховой находился деревянный двухэтажный дом, площадь 49 кв. саж, сарай 4 кв. саж.

Согласно сохранившимся документам под строениями находилось 51 кв. саж., под торговыми постройками 49 кв. саж., под двором 126 кв. саж. Всего владения размещались на 180 кв. саж. [11, л. 12].

В доме, помимо хозяйки, проживал слесарь Аксентьев Илья Яковлевич с женой, кузнец Попугаев Петр Ефимович, служащая Нехорошева Прасковья Борисовна, служащий Тутов Ефим Сергеевич и портниха Веретенникова Татьяна Дмитриевна [6, л. 21].

Сейчас на этом месте находится ТЦ «Перекресток».

Итак, в своей работе мы привели примеры лишь в отношении отдельных зданий улицы Дзержинского (Троцкого) середины 20-х гг. XX в. Они свидетельствуют, что здесь полностью сохранялись постройки дореволюционного периода, в которых проживали лица бывших различных сословий, занимавшихся самыми разнообразными видами деятельности.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 28.
2. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 142.
3. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 613.
4. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 615.
5. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 616.
6. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 618.
7. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 621.
8. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 935.
9. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 953.
10. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 954.
11. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 3. Д. 239.
12. ГАКО. Ф. Р-866. Оп. 1. Д. 266.
13. Административно-территориальное деление и улицы города Курска: Справочное издание [Текст] / ред. кол.: В.Л. Богданов (гл. ред.) [и др.]. Курск, 2018.

А. А. Пчелинов-Образумов, Т. В. Крылова

**КОРОЧАНСКИЙ РАЙОН НАКАНУНЕ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СПРАВКИ
РАЙОННОГО ВОЕНКОМАТА)**

В 2021 г. исполнилось 80 лет с начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – трагической и героической страницы истории нашей Родины. В 1941–1943 гг. территория Белгородчины (входившая на тот момент в состав Курской и Воронежской областей) становилась ареной боевых действий и подвергалась гитлеровской оккупации. Помимо рассмотрения чисто военного аспекта, важно понимать, что представлял собой Белгородский край (в том числе его хозяйственный потенциал) накануне Великой Отечественной войны. В этой связи изучение уровня социально-экономического развития Корочанского района Курской области в 1939–1941 гг. следует считать актуальным.

Основу источниковой базы исследования составляют документы хранящегося в Государственном архиве Белгородской области (ГАБО) фонда Корочанского районного военного комиссариата (Р-1027).

В апреле 1939 г. Курский областной военный комиссариат направил райвоенкоматам предписание под грифом «совершенно секретно»: «Для правильного предъявления местным Советским организациям требований по экономическому усилению территории района, под углом зрения и нужд РККА и для правильного использования местных ресурсов в период мобилизации и войны, Генеральный штаб РККА возлагает на штаб округа, областной и районные военные комиссариаты систематическое изучение и учет экономики района – области. В связи с этим препровождаю форму «военно-экономической справки района», по которой Вам надлежит завести учет военно-экономического описания района и ведения учета экономики к 5-му мая сего года по состоянию на 1-е января 1939 года» [2, л. 2].

Военно-экономическую справку района необходимо было составлять строго по препровождаемым формам и представить их в областной военный комиссариат секретным порядком к 15-му мая 1939 года в двух экземплярах, с приложением всех таблиц также в двух экземплярах. Согласно инструкции таблицы-карточки должны были заполняться на машинке или «от руки, но обязательно четко и аккуратно (без единой поправки или помарки)». В тех случаях, когда цифровой материал требовал дополнительных пояснений, надлежало их сжато излагать на свободных местах соответствующей таблицы, разрешалось вклеивать дополнительные листы бумаги, одинаковые по размеру с другими. Неоконченные строительством объекты включались с обязательным

указанием степени технической готовности и срока предполагаемого ввода в эксплуатацию. Материал справки о военно-экономическом состоянии района должен был «освежаться райвоенкомами по состоянию на 1-е января каждого года». Данные об изменениях доносились штабу округа через облвоенкома к каждому 15-му февраля. Облвоенкомат должен был на основе этих данных подготовить сводный документ по области в трех экземплярах – один из них направлялся в Генеральный штаб, второй в штаб военного округа, третий оставался на месте. Вся информация была строго засекречена, особая пометка на формуляре предупреждала, что «после заполнения справка является секретным документом» [2, л. 2, 3].

Подобная военно-экономическая справка хранится в фонде Корочанского райвоенкомата (по состоянию на 1 января 1941 г.). Согласно данному документу, площадь территории Корочанского района составляла 1127,3 км². Район состоял из 33-х Советов: 1 городской – Корочанский, 32 сельских – Александровский, Алексеевский, Афанасовский, Бехтеевский, Большехаланский, Голеньковский, Городищенский, Заяченский, Ивицкий, Казанский, Клиновецкий, Кощеевский, Коротковский, Круглобродовский, Ломовский, Мазикинский, Мальцевский, Нечаевский, Новослободский, Пестуновский, Песчанский, Плосковский, Погореловский, Плотавский, Поповский, Проходенский, Самойловский, Сетнянский, Соколовский, Ушаковский, Фощеватовский, Яблоновский. Число населенных пунктов – 171. Общее количество населения в районе (по данным переписи 1939 г.) исчислялось в 71 797 чел. (из них на территории Корочанского городского Совета – 5 251), национальный состав – «преобладающее число русских, имеются также украинцы». Плотность населения составляла 64 человека на 1 км². К числу наиболее населенных сельсоветов относились: Яблоновский (4 408 чел.), Бехтеевский (4 371), Ломовский (3 391), Погореловский (3 222), Большехаланский (3 182), Кощеевский (3 178), Алексеевский (3 049), Плотавский (3 043). Самыми малонаселенными были Александровский (770 человек), Плосковский (805), Городищенский (847), Мазикинский (952), Казанский (980) сельсоветы [3, л. 1, 3, 4].

Среди жилых построек в районе преобладали деревянные избы, крытые соломой, глинобитные и каменные постройки встречались редко. Средний размер строений (по жилой площади) в сельской местности составлял: 28–34 м². Особо подчеркивалось, что средняя вместимость при временном расквартировании войск – 5–8 человек в один дом, или длительном – 2–4 человека. В большинстве дворов (75–80 %) не имелось навесов и сараев, что делало их непригодными для размещения лошадей. В домовладениях с надворными постройками можно было разместить 3–4 лошади. Однако в колхозах Корочанского района было 116 стандартных конюшен со средней вместимостью 30–49 лошадей в одну конюшню [3, л. 4].

В Корочанском районе действовало 6 промышленных ценовых предприятий (фабрично-заводского типа, имеющие определенный ценз – совокупность признаков, на основе которых предприятие учитывалось как самостоятельное). 3 промышленных объекта находились в городе Короча:

– маслозавод № 21 республиканского значения (292 рабочих: мужчин – 261, женщин – 31), производивший растительное масло и жмых (на сумму 1 649 000 руб. – за 1940 г.);

– плодогодный завод Курского треста легкой промышленности (82 рабочих: мужчин – 57, женщин – 25), выпускавший фруктовое тесто, пюре и сухие фрукты (на сумму 1 200 000 руб. – за 1940 г.);

– сапожно-швейная артель Белгородского Многопромсоюза (70 рабочих: мужчин – 62, женщин – 8), занимавшаяся пошивом одежды и ремонтом сапог (на сумму 300 000 руб. – за 1940 г.).

В селе Алексеевка находились шубартель (224 рабочих: мужчин – 179, женщин – 45), занимавшаяся выделкой кож, войлока и пошивом шуб (на сумму 1 400 000 руб. – за 1940 г.). В Алексеевке также находилась деревообделочная артель (45 рабочих-мужчин), производившая бочкотару (на сумму 110 000 руб. – за 1940 г.).

В селе Большая Халань работала шубартель (110 рабочих: мужчин – 95, женщин – 15), занимавшаяся выделкой кож, войлока и пошивом шуб (на сумму 936 000 руб. – за 1940 г.).

На территории района имелось 105 мельниц (83 ветряных, 14 водяных, 5 конных просорушек, 2 с двигателем, 1 вальцовая) – суточная мощность помола колебалась на разных мельницах от 2 до 520 центнеров в сутки, а также 2 кустарные хлебопекарни в Короча с суточной производительностью 7–8 тонн.

В Корочанском районе работала 1 электростанция на нефтяном двигателе мощностью 50 киловатт, располагавшаяся в Короча по улице Советской. В военно-экономической справке было отмечено: «Большая часть городского населения электрифицирована, а остальное городское и сельское население освещается керосиновыми лампами» [3, л. 9, 25, 30–33, 35].

Площадь земельных угодий в Корочанском районе составляла 112 140,53 гектаров, в том числе: пашня – 73 595,20 га (65,6 %), сенокос – 4 368,57 га (3,89 %), леса и кустарники – 7 932,79 га (7 %), садовые земли – 11 267,49 га (10 %), болота и озера – 91,29 га (0,08 %), прочие земли – 14 885,19 га (13,27 %). Посевная площадь занимала 57 087 га: зерновые продовольственные культуры – 25 902 га (45,3 %); зернофуражные культуры – 10 868 га (19 %); картофель, овощи и бахчи – 3 984 га (6,97 %). Показатели сбора валовой продукции были следующими: зерновые продовольственные культуры – 27 645 т; картофель, овощи и бахчи – 14 211 т; подсолнечник, кориандр, конопля – 9 536 т; кормовые травы – 4 653 т [3, л. 14, 17].

В Корочанском районе насчитывалось 50 079 голов крупного рогатого скота (в том числе коровы – 8 804, волы – 356), мелкого рогатого скота – 31 799, свиней – 9 244. Особо учитывалось конское поголовье, лошади являлись основной тягловой силой, а также поставлялись в Красную Армию. В Корочанском районе было 4 142 лошади, в том числе годных к поставке в вооруженные силы – 1 777 (133 для кавалерии, 312 для артиллерии, 1 332 – обозных). Наиболее многочисленным было конское поголовье в Яблоновском (661), Плотавском (508), Большехаланском (444), Кощеевском (414) сельских Советах [3, л. 20, 21, 39].

В Короче находился хлебофуражный склад (емкостью 300 т), 5 торговых складов общей площадью 466,7 м², 10 овощехранилищ вместимостью 734 т. Сенохранилищ на территории района не имелось [3, л. 10, 11].

В военно-экономической справке Корочанского районного военного комиссариата по Корочанскому району за 1940 г. и первичных отчетах колхозов по переписи мелкой промышленности (на 1 января 1945 г.) имеются сведения о следующих колхозах: Алексеевский сельсовет – имени Андреева, имени Петровского, «2-я пятилетка»; Афанасовский сельсовет – «Искра», «РККА»; Бехтеевский сельсовет – «Коллективист», имени Калинина, «Коминтерн», «Пахарь», «Широкий гул», «Красный пахарь»; Большехаланский сельсовет – имени Дзержинского, имени Орджоникидзе, «Красный химик», «Путь к коммунизму», имени 2-й пятилетки, имени Сталина; Голеньковский сельсовет – имени Новицкого, «Новый путь», «Коллективист», имени Шевченко; Городищенский сельсовет – «Зеленый гай»; Заяченский сельсовет – «Дружба», «1 Мая», имени Филатова; Ивицкий сельсовет – «12 год Октября», «1 Мая», «Друг крестьянина»; Казанский сельсовет – имени Дзержинского, «Пролетарий»; Клиновецкий сельсовет – «День Парижской коммуны»; Коротковский сельсовет – имени Сталина, имени Буденного, «Путь к социализму»; Кощеевский – имени Ворошилова, «Ударник 2-й пятилетки», «Встреча 2-й пятилетки», имени Советов, «Строитель социализма»; Круглобродовский сельсовет – имени Пушкина, имени Демьяна Бедного; Ломовский сельсовет – «Красное Знамя», «12 лет РККА», «Труд творчества», «Новая жизнь», «Заветы Ильича»; Мазикинский сельсовет – «Большевик», «Красный боевик»; Мальцевский сельсовет – «Красная заря», «Пролетарий»; Нечаевский сельсовет – «Крестьянин»; Новослободский сельсовет – «Красный Октябрь», «Красное знамя»; Пестуновский сельсовет – «Красный борец», имени Ленина, «Большевик»; Песчанский сельсовет – имени Молотова, «13 лет РККА»; Плосковский сельсовет – «Красная Нива»; Плотавский сельсовет – «Труд», «ОГПУ», «Завет Ленина», «Боевик», имени Степана Разина, имени Куйбышева; Погореловский сельсовет – «Красный Октябрь», «Красная Волна», «Вільна праця»; Поповский сельсовет –

«Обновленная земля»; Проходенский – имени Фрунзе, «Красный пионер»; Самойловский сельсовет – «Путь Ильича»; Сетнянский сельсовет – «Завет Ильича», «Красный партизан»; Соколовский сельсовет – «Завет Ильича», «Труд», «Червона зірка», «Новая жизнь», «Путь крестьянина», «2-я пятилетка»; Ушаковский сельсовет – «Красная заря», «Памяти Ильича», «Активист», «Труженик»; Фоцеватовский сельсовет – имени Сталина, «Труд хлебороба», «Друг крестьянина», «День урожая», «13 год Октября»; Яблоновский сельсовет – «Красный пахарь», имени Буденного, имени Ворошилова, «Страна Советов», «Победа» [1, 1–86; 3, л. 30–33].

Через Корочанский район проходило 8 межрайонных грунтовых дорог:

- 1) Короча – Белгород, протяженностью 56 км;
- 2) Короча – Прохоровка, протяженностью 46 км;
- 3) Короча – Скородное, протяженностью 36 км;
- 4) Короча – Великомихайловка, протяженностью 25 км;
- 5) Короча – Большетроицкое, протяженностью 45 км;
- 6) Короча – Чернянка, протяженностью 45 км;
- 7) Короча – Шебекино, протяженностью 60 км;
- 8) Короча – Новый Оскол, протяженностью 56 км.

В Корочанском районе было 205 тракторов (177 колесных и 28 гусеничных) и 7 двухосевых прицепов, работало 3 машинно-тракторных станции (МТС) с общим количеством 187 тракторов и 13 автомашин – Корочанская (68 тракторов (61 колесный и 7 гусеничных) и 4 грузовых автомашины), Алексеевская (62 тракторов (53 колесных и 9 гусеничных), 6 автомашин – 4 грузовых и 2 легковых) и Большехаланская (57 тракторов (47 колесных и 10 гусеничных) и 3 грузовых автомашины).

В районе имелось 127 автомашин (8 легковых, 116 грузовых (в том числе 90 грузоподъемностью 1–1,5 т, 25 грузоподъемностью 2,5–3 т) и 3 специальных – автоцистерна и 2 кинопередвижки). При этом городского транспорта как отдельного вида ни в одном районе не существовало. Специализированный гараж на 7 грузовых автомобилей с мастерской был один (находился в Короче).

Годовая мощность автотракторных ремонтных мастерских при МТС составляла: 137 мелких ремонтов (Корочанская – 52, Алексеевская – 45, Большехаланская – 40), 89 средних (Корочанская – 48, Алексеевская – 20, Большехаланская – 21) и 56 капитальных (Корочанская – 23, Алексеевская – 18, Большехаланская – 15). В 4 километрах от Корочи находилась машинно-тракторная мастерская (МТМ). Она была не дооборудована, помещение не достроено, поэтому МТМ работала не на полную мощность, вместо 40 текущих ремонтов в год выполнялось 20, вместо 28 капитальных – 18. Количество рабочих мастерской составляло 22 человека.

В районе имелось 22 бака для хранения топлива общей емкостью 381,5 т, 323 железные бочки общей емкостью 64,7 т, 33 бидона емкостью

до 20 литров и 4 бидона свыше 20 литров. При этом специальные бензоразливочные колонки в районе отсутствовали.

Кроме того, в Корочанском районе было 3 635 повозок разных типов (на железном и деревянном ходу, пароконных и одноконных), в том числе 234 «милитаризированных повозок» (армейского образца) [3, л. 10, 12, 13, 15, 16, 19, 24, 28].

Посадочная площадка для самолетов (площадью 352 800 м²) находилась на территории колхоза имени Коминтерна Бехтеевского сельсовета между слободой Бехтеевка и селом Клиновец. При этом хорошо оборудованных аэродромов не было. Водных путей сообщения также не имелось [3, л. 5, 8].

Из средств связи в районе были представлены телеграф, телефон и радио. В Короче действовал радиоузел с аппаратом УП 8-2. В военно-экономической справке отмечалось: «Радиоузел находится в удовлетворительном состоянии, слышимость тоже, но требует увеличения мощности». В райцентре имелся 1 телеграфный аппарат системы «Морзе». В Корочанском районе было телефонизировано 79 % сельсоветов, 1 % колхозов, все совхозы. Работала телефонная станция в Короче (на 100 номеров) и 3 подстанции – Алексеевская (на 24 номера), Афанасовская (на 30 номеров), Большехаланская (на 12 номеров). Телефонная связь отсутствовала в Александровском, Круглобродовском, Мазикинском, Мальцевском, Новослободском, Песчанском, Плотавском, Самойловском сельских Советах. Телефонная и телеграфная связь с Курском и Москвой осуществлялась только через Белгород. Однако накануне Великой Отечественной войны в Короче велось строительство узла двухсторонней групповой телефонной связи, мощностью до 10 ватт при районной конторе связи [3, л. 6, 7].

Бытовые условия района характеризовались как удовлетворительные, «как городское, а также и сельское население находится в чистых и светлых квартирах». В Короче действовала одна общедоступная баня, подчинявшаяся городскому отделу коммунального хозяйства. В ней были душ и дезинфекционная камера с пропускной способностью 30 человек в час. Кроме того, имелись бани при промышленных предприятиях: в Короче при маслозаводе, в селах Алексеевка и Большая Халань при шубартелях. В райцентре работал один водопровод при средней школе № 1. Вода подавалась насосной станцией из бурового колодца, средняя суточная мощность подачи воды составляла 5000 литров, отмечалось, что вода «хорошая и для питья вполне пригодна». Гостиниц в городе и районе не было. В Короче находился Дом колхозника (учреждение, организуемое для приезжих колхозников) площадью 308 м² с 51 спальным местом. В Корочанском районе имелось 2 полных средних школы на 1 466 человек, 24 неполных средних школы на 7 227 человек, 46 начальных школ на 30 650 человек, 32 избы-читальни,

6 библиотек, 39 клубов, в городе Короча – кинотеатр на 300 мест и Дом социалистической культуры (соцкультуры) на 150 мест [3, л. 34, 35, 37].

В районе действовало 3 больницы: в Короче, в селах Алексеевка и Большая Халань. В Корочанской больнице имелось 90 коек (общих – 30, в инфекционном отделении – 20, в хирургическом – 20, в терапевтическом – 20). В районной больнице было 4 врача, 16 человек среднего медперсонала, 38 человек – обслуживающего персонала. При Корочанской больнице имелся заразный барак на 20 коек, к нему были прикреплены один врач и 4 представителя среднего медперсонала. В Алексеевской больнице было 20 общих коек, работали: 1 врач, 5 человек среднего медперсонала, 10 человек обслуживающего персонала. В Большехаланской больнице было 15 общих коек, 4 представителя среднего медперсонала, 9 человек обслуживающего персонала. По эпидемическому состоянию район считался благонадежным. За 1939 г. вспышек тифа зафиксировано не было. Но ранее, в 1938 году были случаи заболевания брюшным тифом, скарлатиной, коклюшем, дизентерией, гриппом и малярией – преимущественно в селах Алексеевка, Ушаково, Новая Слободка, Фоцеватое, Яблоново [3, л. 36].

В районе действовала 1 ветеринарная лечебница – в селе Погореловке. Она была рассчитана на 31 станкоместо (в том числе 4 инфекционных). Станок – приспособление для закрепления крупного рогатого скота и лошадей в определённом положении при выполнении различных ветеринарных и зоотехнических манипуляций – взятие крови на анализ, обработка копыт, подковывание, клеймение и др.). В ветлечебнице работали один врач и 2 фельдшера. На 190 лошадей по району приходилось одно станкоместо. Средний радиус обслуживания ветлечебницей составлял 5–10 километров. Кроме того, в селе Алексеевка находился ветврачебный участок (4 станкоместа, 2 сотрудника), а в 4 селах (Алексеевка, Пестуново, Плотавец, Яблоново, Ивица) имелись ветфельдшерские участки – в каждом из них работал один человек. Район по эпизоотическим заболеваниям также считался благополучным, заразных заболеваний не наблюдалось. В отдельных колхозах наблюдались случаи чесотки лошадей, но накануне ВОВ заболевание зафиксировано не было. В 1940 году проводилась прививочная кампания против рожи свиней и сибирской язвы. Ветеринарная функция – ковка сельскохозяйственных животных выполнялась в ковочных кузницах. Таковых в районе было 122. В них трудился 131 кузнец. Средняя пропускная способность колебалась от 8 до 35 лошадей в день. Наиболее высокая пропускная способность была в Большехаланской кузнице – 96 лошадей в день, 42 лошади в день в Бехтеевской кузнице, по 35 лошадей в Алексеевской и Погореловской кузницах [3, л. 22].

Таким образом, Корочанский район Курской области накануне Великой Отечественной войны был преимущественно аграрным.

Большинство населения проживало в сельской местности, доля городского населения в Корочанском районе составляла всего 7,3 %. Основная часть жителей была занята в сфере аграрного производства. Количество рабочих промышленных предприятий (без учета машинно-тракторных станций) составляло 823 человека – лишь 1,1 % от населения района. Предприятия, в основном, занимались переработкой сельскохозяйственной продукции. В районе отсутствовал специальный городской автотранспорт, парк автомобилей только начинал формироваться. Были слабо развиты телеграфная, телефонная и радиосвязь. Мощность электростанции была невелика, регулярно снабжалась электричеством только большая часть населения райцентра и расположенные в нем предприятия. Коммунальное хозяйство было развито слабо (даже в райцентре действовал один водопровод, имелась одна общедоступная баня – не считая маслозаводской).

Санитарно-эпидемиологическое состояние района признавалось удовлетворительным. Хотя количество медицинских учреждений и медперсонала было невелико. Аналогичная картина наблюдалась и в ветеринарии. Тем не менее, перед началом Великой Отечественной войны район имел хозяйственную базу и возможности для её совершенствования.

Можно с полным правом утверждать, что составлявшиеся районными военкоматами Курской области военно-экономические справки представляют собой ценный исторический источник, содержащий обширные сведения об административном устройстве и хозяйстве районов современной Белгородчины (в том числе и о Корочанском) в 1939–1940 гг.

Источники и литература

1. Государственный архив Белгородской области (далее – ГАБО). Ф. Р-299. Оп. 1. Д. 20.
2. ГАБО. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 12.
3. ГАБО. Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 1.

О. Н. Аргунов, В. В. Коровин, А. А. Кауров, А. Н. Манжосов

«МНЕ ПРИ НЕМЦАХ ЖИЛОСЬ ЛУЧШЕ...» (О НЕПРИГЛЯДНЫХ ФАКТАХ БЫТОВОГО ПОВЕДЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ РЕЖИМА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ ЧАСТЬЮ ЖЕНСКОЙ МОЛОДЕЖИ КУРСКОЙ И ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В 1941–1943 ГОДАХ)

В многовековой истории России события Великой Отечественной войны стали одними из наиболее суровых испытаний. Победу, которую пришлось оплатить миллионами человеческих жизней, удалось завоевать

благодаря консолидации советского общества. В ходе боевых действий важную роль играли не только военная техника и талант полководцев, но и патриотизм, интернационализм, честь и достоинство каждого человека, в том числе их поведение на оккупированной территории.

В 1941–1942 гг. захватив западные и юго-западные районы РСФСР, военные и политические структуры нацистской Германии установили жестокий оккупационный режим. Районы Орловской, Курской и Воронежской областей РСФСР находились под немецкой оккупацией в среднем от 7 до 24 месяцев. Так, немецкие фашистские войска заняли Орёл 3 октября 1941 г. (освобожден войсками Красной Армии 5 августа 1943 г.), Брянск – 6 октября 1941 г. (освобождён 17 сентября 1943 г.), Курск – 2 ноября 1941 г. (освобожден 8 февраля 1943 г.), правобережную сторону Воронежа – 6 июля 1942 г. (освобождена войсками 60-й армии 25 января 1943 г.) [1, с. 83, 90, 138].

На оккупированных территориях, насаждая «новый порядок», нацисты стремились само понятие «Россия» стереть с карты «Новой Европы». Гитлеровские военные, экономические, репрессивные органы привлекали подконтрольное гражданское население на принудительные работы для обеспечения нужд вермахта и Третьего Рейха. Для поддержания и укрепления оккупационного режима немецко-фашистские захватчики активно заигрывали и с «местными кадрами».

Историки М. И. Семиряга, Б. Н. Ковалёв, В. В. Коровин и др. подчеркивают, что никакая армия, действующая в качестве оккупационной силы, не могла бы обойтись без сотрудничества с населением оккупированных территорий [2, с. 5; 3, с. 10; 4, с. 10–22]. Детальное исследование документов военных лет, хранящихся в различных архивах, в том числе в архивах Управлений ФСБ России по Курской и Орловской областям (недавно прошедшие рассекречивание), дало возможность представить различные историко-психологические феномены поведения женщин на оккупированных территориях: от участия в сопротивлении захватчикам (партизанское и подпольное движение), до сотрудничества с нацистским оккупационным режимом, и дать анализ степени участия женщин в сотрудничестве с врагом на временно оккупированных территориях.

Жестокость установленного режима, отсутствие продовольствия, материальных средств, страх за собственную жизнь, судьбу детей и родственников вынуждали многих женщин Курской и Орловской областей терпимо относиться к оккупантам и даже оказывать им определенное содействие. Это особенно явно было заметно на повседневном уровне отношений женщин и немецко-фашистских солдат и офицеров. Так по данным, собранным фронтовыми разведчиками и переданным в феврале 1942 г. в 4-е отделение политотдела 21-й армии Юго-Западного фронта, в Белгороде многие немецкие солдаты и офицеры передавали белье для

стирки русским женщинам. К немецким офицерам в Обояни в качестве уборщиц направлялись красивые девушки 17–18 лет [4, с. 237, 238; 5, л. 44, 45].

Ради исторической справедливости отметим, что оккупанты чаще всего не отличались вежливостью и «признательностью» за такие услуги. Разведчики 21-й армии указывали, что для стирки белья немцы мыла не давали, а женщин, которые плохо стирал белье, «обвиняли в пособничестве партизанам, грозили расстрелом или повешением». На хуторе Староживье Прохоровского района Курской области немецкие офицеры, ежедневно приглашавшие новых «уборщиц», издевались над ними, избивали и заставляли ползать на четвереньках [5; л. 46, 75].

С особой жестокостью фашистские оккупанты относились к тем женщинам, которые не желали оказываться в положении рабынь. На станции Прохоровка Южной железной дороги фашисты расстреляли гражданку Лозовскую, только за то, что она посмела жаловаться в военную комендатуру на немецких солдат, забравших последние продукты питания. 20 января 1942 г. в Обояни оккупанты казнили учительницу В. И. Букрееву. К ее одежде была приколотта табличка с надписью: «Букреева Вера повешена за то, что она по приходу красных войск могла выдать людей, помогавших немцам...» [5, л. 46; 7, с. 35].

Сегодня особого историко-психологического осмысления требуют причины, которые побуждали женщин вольно или по принуждению сожительствовать с оккупантами. Несомненно, многие из них или по побуждению стали на этот путь под угрозой физической расправы или наступающей голодной смерти. Так, начальник 4-го отделения политотдела 21-й армии батальонный комиссар В. А. Чаплыгин в феврале 1942 г. докладывал начальнику политотдела армии бригадному комиссару И. И. Михальчуку о том, что в Белгороде женщины «из-за куска хлеба сожительствовают с немцами». Путем репрессивных мер немцы побуждали к этому, в случае отказа обвиняя их как партизанок [5, л. 67, 75, 78].

Аналитики 3-го Управления полиции безопасности и СД в записке, направленной 17 августа 1942 г. своему руководству, отмечали: «... Русская женщина в сексуальном отношении совсем не соответствует представлениям германской пропаганды. Половое распутство совсем ей неизвестно... Население рассказывает, что при проведении общего медицинского осмотра восточных работниц у всех девушек была установлена еще сохранившаяся девственность». В докладе из Бреслау сообщалось, что «90 % восточных работниц в возрасте 17–29 лет были целомудренными» [6, с. 25–26].

Но далеко не у всех женщин в дни оккупации сохранились высокие нравственные категории, присущие советской молодежи. У ряда молодых курских и орловских женщин в основе половой «угодливости» лежали не только страх репрессий, но и низменные физиологические потребности.

Так в Орле, Курске, Белгороде оккупантами были открыты 11 «домов терпимости», в которые часто добровольно приходили молодые женщины. Отметим, что некоторые из них за это поплатились, получив в «награду» букет венерических заболеваний. В конце ноября 1941 г. в Курске уже было зарегистрировано до 300 женщин, зараженных сифилисом [4, с. 244–245]. В Белгороде зимой 1942 г. ежемесячно в вендиспансере регистрировали до 30 молодых женщин, у которых выявлялось это же заболевание. 8 ноября 1942 г. газета «Курские известия» сообщала: «Анна Левшина из Курска, заразившая немецкого солдата венерической болезнью, по приговору местной комендатуры от 28.10.1942 года присуждена к смерти» [7, с. 35–36].

Многие из женщин, оставшихся на оккупированной территории, которые вели распутный образ жизни, позднее горько раскаивались перед окружающими соотечественниками. Так в статье «Новый порядок в Курске», написанной сразу после освобождения города, военный публицист И. Г. Эренбург отмечал: «Смазливая девушка. Выщипанные брови. Карминовые губы. Прежде она была студенткой Курского пединститута. Ее соблазнили подачки немецких офицеров, танцы, французское шампанское. Ее соотечественники пятнадцать месяцев мужественно сражались. А она услаждала палачей своего народа. Она сейчас сидит у себя в комнате и плачет. Измена, как ржа, разъедала ее сердце. Она стала отверженной – для себя самой...» [8].

О нравах, царивших у значительной части курянок, оставшихся в оккупированном Курске, свидетельствуют и воспоминания В. Н. Петраковой. «Одна «дама» (не буду называть ее имя), жившая напротив нас [ул. 8-е Марта г. Курска – *авт.*], сдала немцам мужа-партизана, сама спала с немцами, которые останавливались в ее доме...» [9, с. 25].

5 мая 1943 г. Сталинским райкомом партии было рассмотрено персональное дело члена ВКП(б) с 1940 г. Т. П. Семичевой, работавшей до войны заведующей кадрами артели «Швейник». Ее муж, Н. К. Семичев был командиром взвода в районном истребительном батальоне и погиб 2 ноября 1941 г. при защите рубежей обороны родного города.

В период оккупации Т. П. Семичева устроилась работать уборщицей в немецкую воинскую часть. По материалам расследования было установлено, что имея четверых малолетних детей, она сожительствовала с немецким офицером по имени Аральд, который постоянно проживал на квартире у Семичевых [10, л. 29].

Бюро Сталинского райкома ВКП(б) исключило Т. П. Семичеву из членов партии и рекомендовало ее освободить от должности заведующей сектором кадров хлебозавода [11, л. 2–2 об].

Работая в должности начальника пожарной охраны табачной фабрики, М. Н. Васильчикова до войны была осуждена. Оставшись в

Курске, она регулярно вызывалась в гестапо, подписав обязательство на неучастие в сопротивлении оккупационным властям. Бюро горкома ВКП(б), исключив М. Н. Васильчикову из партии, имело информацию о том, что она была причастна к аресту своей родной сестры Л. Н. Лобковой – секретаря партбюро артели «19 лет Октября», расстрелянной гитлеровцами в стенах гестапо [11, л. 3–4].

Глубокий историко-психологический анализ этого явления периода Великой Отечественной войны представлен и в докладной записке начальника Управления НКГБ по Орловской области подполковника госбезопасности А. Д. Домарева, направленной во 2-е Управление НКГБ СССР 24 августа 1943 г. через 20 дней после освобождения Орла советскими войсками. В ней содержатся факты, отражающие суровую действительность вражеской оккупации. «Ирыгина, 17 лет, дочь коммуниста, при немцах работала на кухне в одной из воинских частей немецкой армии. Рассматривая перспективы своего будущего, высказывалась: “После немцев, когда мы повидали интеллигентное обращение, в деревню неохота ехать. При немцах я хотя и на кухне работала, жила как инженерша... Мне при немцах жилось лучше, чем сейчас...”» [12, л. 125].

Жена летчика Ефремова, сражавшегося на фронтах Великой Отечественной войны, сожительствовала в Орле с немецким офицером и позднее восхваляла его. «С капитаном Эрлихом я работала в госпитале. Он такой хороший человек. Всех родственников моих устроил на работу, и благодаря ему все остались дома, не поехали в Германию. Отремонтировал мне еврейскую квартиру и поселил меня туда...» Другая орловчанка – Козлова – говорила: «Зачем черт принес Красную Армию? Никакой пользы она не принесла, и я их не ждала. Немцы нас всем обеспечили... с ними и погулять можно было...» [13, с. 146–147].

Анализируя поведение некоторых орловских женщин в оккупации, подполковник госбезопасности А. Д. Домарев сделал неординарный вывод: «Молодежь женского пола, значительная часть которой в период временной оккупации немцами г. Орла находилась на более привилегированном положении, проявляет антисоветские настроения. Они сожалеют о потерянном прошлом положении при оккупантах и восхваляют немецких грабителей... Молодежь мужского пола к девушкам питает презрение за их прошлое поведение и общение с немецкими оккупантами. Девушки выражают недовольство мужчинами, в том числе и военнослужащими Красной Армии, за презрительное отношение к ним...» [13, с. 160–161].

Действительно, освободителям многих советских городов Центрального Черноземья РСФСР было основание «презирать за прошлое поведение» определенную часть женского населения. Так, не только в активное сожительство с немецкими офицерами, но и на путь открытого

предательства вступила переводчица военной комендатуры Белгорода 18-летняя комсомолка Инна Захарина, дочь бывшего заведующего общим отделом Белгородского райисполкома [5, л. 65]. Помощник старосты по ул. Чичерина (г. Белгород), бывшая заведующая кладовой автогужевого треста, жена секретаря комсомольской организации треста Чёрных, активно «обслуживала» потребности немецких офицеров, выдавала многих комсомольских активистов [5, л. 66].

Целый семейный «тандем» стрелочника станции Курск Г. И. Зикеева занимался обеспечением быта оккупантов. Жена Зикеева – Надежда Федоровна – служила у немцев заведующей хлебным ларьком. Старшая дочь Надежда стала личной переводчицей немецкого офицера Гольцгютера, и при отступлении фашистов из Курска выехала с ним в Германию. Вторая дочь Зикеевых в августе 1942 г. добровольно уехала на работу в Бремен [14, с. 29].

В докладе начальнику 1-го отделения Управления контрразведки «Смерш» Брянского фронта майору Воронину 8 августа 1943 г. агент «Марта» указывала на жительниц Орла-агентов гестапо: бывшую работницу облсуда Михайлову, работницу паспортного стола 2-го полицейского участка Дерябину, переводчицу общества «Восток» Ивлеву и других, работавших в контакте с офицерами абверкоманды «Виддер». Они длительное время проводили разведывательную и шпионскую работу в советском тылу, выдавали советских активистов, находившихся в оккупированном Орле [13, с. 111].

В марте 1943 г. особым отделом НКВД Воронежского фронта в Курске за предательскую деятельность была арестована бывшая учительница А. В. Дубровина. Как отмечалось в документах областной прокуратуры, «проживая на временно оккупированной территории в Курске, на почве враждебного отношения к советской власти, Дубровская встала на путь измены Родине, поступила на службу в филиал немецкой разведки. Дубровская играла видную роль в работе разведки; принимала личное участие в вербовке советских граждан для шпионской работы в тылу Красной Армии; заведовала материальным обеспечением разведчиков и их семей; состояла в близкой связи с одним из руководителей разведки, эмигрантом С. Г. Васильевым-Борель». За предательскую деятельность в составе штаба «1Ц-Антон» абверкоманды «Бруно-105», располагавшегося в Курске, А. В. Дубровина военным трибуналом войск НКВД Воронежского фронта была осуждена на 15 лет лишения свободы. [15, л. 15; 16, с. 335, 334].

Активную роль в антисоветской агитации, проводимой немецко-фашистскими оккупационными властями, играли сотрудницы газеты «Новый путь» (с 1 ноября 1942 г. – «Курские известия»), бывшие преподаватели: немецкого языка Курского пединститута А. А. Демина-Фильшина, русского языка педучилища С. К. Егорова-Ларионова [17, л. 19,

22; 18, с. 546–547]. А. А. Демина-Фильшина вскоре стала главным переводчиком газеты, коллектив которой возглавлял ее муж, преподаватель латинского языка Курского пединститута Г. И. Фильшин. В газете печатались статьи антисоветской направленности, содержавшие грубую клевету на советский строй и Красную Армию [17, л. 19, 61, 69].

Представленные в статье материалы убедительно показывают, что коллаборационизм – это содействие агрессору в военное время со стороны граждан обороняющегося государства, в том числе и местного населения. М. И. Семиряга справедливо подчеркивал, что эта разновидность фашизма и практика сотрудничества национальных предателей с гитлеровскими оккупационными властями наносила ущерб своему народу и Родине [2, с. 7, 460]. Она должна быть охарактеризована как измена родине как в нравственном и в уголовно-правовом смысле этого понятия.

В 2019–2020 гг. по поручению Президента Российской Федерации и Федерального архивного агентства на территории областей Российской Федерации, которые в 1941–1943 гг. находились в зоне немецко-фашистской оккупации, была проведена огромная работа по выявлению различных архивных документов, свидетельствующих о злодеяниях оккупационных властей по отношению к мирному населению.

Итогом этой работы стало многотомное издание: подготовленное курскими и орловскими архивистами и историками [19; 20]. Данные тома включили в себя широкий спектр разновидовых документов, которые показывают многообразие документальных свидетельств злодеяний и нацистского террора по отношению к мирным советским гражданам, оставшимся на оккупированных противником территориях. Не обошли стороной составители сборников и проблемы коллаборационизма, в том числе и со стороны молодых женщин и девушек, выделив их в отдельные разделы, тем самым сняв вопрос о табуированности данной проблематики в современном историко-информационном пространстве. Это очень важный шаг в развитии отечественной исторической науки, не только заполняющий большое «белое пятно» в истории Великой Отечественной войны, но и показывающий многообразие трагедий человеческих судеб, переживших это эпохальное событие.

Источники и литература

1. Освобождение городов. Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под общ. ред. генерала армии С. П. Иванова. М., 1985.
2. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
3. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М., 2004.

4. Коровин В.В., Манжосов А.Н., Головин Е.А., Коровин В.А. Цена предательства: Коллаборационизм на территории Курской области в 1941–1943 годах и социально-правовые последствия. Курск, 2016.
5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 130.
6. Мухин Ю.И. Крестовый поход на Восток. «Жертвы» Второй мировой. М., 2004.
7. Коровин В.В., Манжосов А.Н., Немцев А.Д., Пожидаева Н.Н. «Твой путь я разделю, как верная подруга...». Курск, 2007.
8. Курская правда. 1943. 26 февр.
9. Петракова В.Н. Оккупация // Курский край. Научно-историч. журнал Курского обл. науч.-краевед. об-ва. 2006. № 9–10.
10. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-86. Оп. 1. Д. 200.
11. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 754.
12. Архив Управления ФСБ России по Орловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30.
13. «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки / сост. А. Т. Жадобин, В. В. Марковчин и др. М., 2003.
14. Букреев И.Н. «Мы начеку, мы за врагом следим...» // Курский край. Научно-историч. Журнал. 1999. № 5 (8).
15. Государственный архив Курской области. Ф. Р-369. Оп. 6. Д. 4.
16. Суровая правда войны: 1942 год на Курской земле. Часть 2. Сб. док-тов. Курск, 2010.
17. Архив Управления ФСБ по Курской области. Архивное уголовное дело № 9515.
18. Чуев С. Проклятые солдаты. М., 2004.
19. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Курская область: Сборник документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева; отв. ред. В. В. Раков; отв. сост. О. Н. Аргунов; авт. науч. ст. С. А. Никифоров; авт. археогр. предисл. О. Н. Аргунов, Л. С. Ласочко. М., 2020.
20. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Орловская область: Сборник документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева; отв. ред. Ю. В. Апарина; сост. Л. М. Кондакова (отв. сост.), Ю. В. Апарина, А. А. Ветошко, С. Н. Воробьева, О. С. Пантелеева. М., 2020.

А. А. Пчелинов-Образумов, Т. В. Крылова

**ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ САНИТАРНО-ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИХ
МЕРОПРИЯТИЙ И МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ В ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНАХ КУРСКОЙ И
ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В 1943 ГОДУ**

В ходе изучения данной темы были привлечены документы фондов Государственного архива Белгородской области – Вейделевского (Р-54), Валуевского (Р-76), Прохоровского (Р-109), Беленихинского (Р-110),

Ладомирского (Р-175) районных Советов депутатов трудящихся; Белгородского (Р-68) городского Совета депутатов трудящихся.

Хронологические рамки статьи охватывают 1943 г.: от начала освобождения территории современной Белгородской области от гитлеровской оккупации (январь) до четырех первых месяцев после окончательного изгнания захватчиков в ходе Курской битвы (сентябрь-декабрь).

Как известно, Белгородская область была образована в 1954 г., в годы Великой Отечественной войны ее территория входила в состав двух областей – Курской (в том числе Белгородский, Прохоровский, Беленихинский, Валуйский районы) и Воронежской (включая Вейделевский и Ладомирский районы).

Изгнание врага из восточных районов Белгородского края началось в январе 1943 г. К началу марта 1943 г. почти вся территория современной Белгородской области была очищена от захватчиков. Но в ходе последующего немецкого контрнаступления Борисовский, Грайворонский, Микояновский, Томаровский районы, большая часть Белгородского и часть Шебекинского вновь подверглись оккупации. Лишь в августе 1943 г. результате победы Красной Армии в Курской битве враг был окончательно выбит из пределов Белгородчины [11, с. 711–714].

На освобожденной от врага территории возобновляли свою работу органы власти. К числу актуальных проблем, которые приходилось решать, относились и вопросы здравоохранения. Уже в январе – феврале 1943 г. в освобожденных районах Воронежской и Курской областей (Алексеевском, Буденновском, Валуйском, Вейделевском, Ладомирском, Никитовском, Ровеньском, Уколовском, Уразовском, Шаталовском и др.) начали осуществляться мероприятия по борьбе с эпидемическими заболеваниями (в первую очередь с тифом) [12, с. 355].

Так, 10 февраля 1943 г. Валуйский районный Совет депутатов трудящихся принял проект решения «О проведении санитарно-эпидемических мероприятий по г. Валуйки и району», которое было утверждено на первом заседании райсовета 15 февраля [6, л. 9 об.]. В целях предупреждения распространения эпидемических заболеваний в городе и районе и улучшения санитарного состояния было решено обязать председателей исполнительных комитетов городского, поселкового (Соцгородок) и сельских Советов депутатов трудящихся, городской отдел коммунального хозяйства (горкоммуноотдел), руководителей учреждений, организаций и предприятий:

- 1) в трехдневный срок очистить от трупов людей и животных дороги, улицы, площади, дворы и другие места; трупы павших животных отправлять на салотопку, а людские закапывать на расстоянии не ближе 200 метров от колодцев, водоемов, рек (ниже их течения) и жилых домов на глубину не ниже 2 метров;

2) к 1 марта 1943 года очистить дворы, площади, улицы, скверы, дороги от навоза и мусора, вывезти в указанные места нечистоты из уборных, отремонтировав их, а также привести в надлежащее санитарное состояние помойные ямы и мусорные ящики;

3) к 1 марта 1943 года привести в санитарное состояние колодцы и водоёмы, сделать крышки и повесить ведра общего пользования, выделив ответственных лиц по охране этих питьевых источников;

4) к 15 февраля 1943 года выделить в каждом селе отдельные помещения для ночлега проходящих граждан и отдельно для военнослужащих;

5) немедленно отремонтировать и пустить в эксплуатацию все имеющиеся на селе бани и дезинфекционные камеры, а где таковых нет, приспособить помещения и оборудовать их;

6) всех острозаразных больных по указанию врачебного персонала немедленно направлять в больницу.

Райсовет обязал председателя горисполкома и райторготдел к 20 февраля 1943 года привести в должное санитарное состояние городской рынок и произвести необходимый ремонт.

Руководителям пищевых предприятий, производств, торговых точек, водокачки, бань, лечебных заведений, парикмахерских и других было предписано обеспечить прохождение рабочими и служащими медосмотра, обеспечить их спецодеждой, помещения, инвентарь и посуду содержать в надлежащей чистоте.

За нарушение решения виновные подвергались административному взысканию – денежному штрафу до 100 рублей или исправительно-трудовым работам до 30 дней. В злостных случаях – к судебной ответственности по законам военного времени. Контроль за выполнением решения возлагался на районный отдел здравоохранения (Райздравотдел), государственную санитарную инспекцию и начальника районной милиции [6, л. 9 об. – 10].

23 февраля 1943 г. исполнительный комитет Прохоровского районного Совета депутатов трудящихся принял проект решения «О мероприятиях по борьбе с сыпным тифом» [7, л. 36]. Райсовет предписал обследовать все села района и выявленных сыпнотифозных больных поместить в инфекционное отделение больницы. Для этих целей предполагалось приспособить отделение при Прелестненском медучастке, а также при Подолешенской больнице.

В каждом населенном пункте назначался сануполномоченный на каждые 20 домов, который вместе с выделенными медработниками обязан был в пятидневный срок провести обследование вверенной ему территории и провести санобработку населения: «для чего все население пропустить через бани, дезинфекционные камеры, приспособив с этой целью домашние печи, где нет камер». В домах, где имелись сыпнотифозные

очаги, предписывалось провести тщательную санобработку и наложить карантин на срок инкубации (2 недели). Лица, уклоняющиеся от госпитализации, привлекались к ответственности по законам военного времени. Отчет о проделанной работе следовало представить в райздравотдел к 12 марта.

Прохоровский райсовет предписывал к 15 марта восстановить эпидемическую станцию и подобрать штат для обслуживания таковой, а также провести проверку санитарного состояния жилых домов, улиц, дворов, колодцев [7, л. 36–36 об.].

Санитарно-эпидемиологическая обстановка в Курской области оставалась сложной, поэтому 14 марта 1943 г. исполнительный комитет Курского областного Совета депутатов трудящихся принял решение о санитарно-оздоровительных мероприятиях и в целях предохранения населения от эпидемических заболеваний. В этой связи 27 марта 1943 г. Прохоровский райсовет подготовил решение «О содержании в санитарном состоянии населенных пунктов района и мерах предохранения от эпидемических заболеваний». Райисполком обязал председателей сельских Советов совместно с заведующими лечебными учреждениями мобилизовать медицинских и школьных работников, работающих в лечебных учреждениях и школах, и актив села для проведения оздоровительных мероприятий с 1-го по 16 апреля. Заведующие лечебными учреждениями должны были провести с сануполномоченными десятичасовой семинар и закрепить за всеми населенными пунктами медицинских работников «для оказания практической помощи сануполномоченным». Председатели сельсоветов и колхозов должны были возобновить работу исправных бань, снабжая их топливом и рабочей силой в дни работы, неисправные отремонтировать к 10 апреля; а сануполномоченные «следить за тем, чтобы все граждане имели возможность купаться в бане не реже одного раза в декаду, а белье и одежду подвергать дезинфекции в санпропускнике», немедленно приступить к ремонту и очистке источников водоснабжения, к очистке дворов от навоза, проверке отхожих мест. В каждом колхозе под ответственность правления необходимо было оборудовать бочки с кранами, крышками и прикрепленными к ним кружками, для подвоза воды на поля. О ходе выполнения данных мероприятий начальник раймилиции и председатели сельсоветов должны были доложить исполкому райсовета 10 апреля 1943 г. [7, л. 57–57 об.].

О том, как проводились в жизнь данные мероприятия по Курской области, позволяет судить один из документов Валуйского районного Совета депутатов трудящихся. 6 апреля 1943 г. райсовет констатировал: «После освобождения Валуйского района от немецких оккупантов были организованы медицинские бригады по городу по проведению санитарно-противоэпидемических мероприятий, обследовано 1 010 домовладений,

внесено 304 предложения, проведено 45 санбесед, избрано сануполномоченных по городу 40 человек, по району 209 чел., обследовано колодцев 209, из которых 61 отремонтирован, больные сыпным тифом госпитализируются и регулярно проводятся санобработки очагов. Все пищевые предприятия осмотрены, заведены санитарные журналы, убраны людские трупы и трупы животных, организована бригада медработников по проведению санитарно-противоэпидемических мероприятий на селе, бойня приведена в удовлетворительное сансостояние». Но, вместе с тем, было отмечено: «...коммунальные дворы крайне загрязнены, санустановок нет (уборных, мусорных ящиков); хлорирование воды в городе не проводится. Хлоратор не установлен, водокачка не отремонтирована, санпропускник не приспособлен, колодцы и водоразборные колонки по городу и району полностью не отремонтированы, рынок загрязнен, уборные не отремонтированы, вода на рынок не подведена, сады и скверы общего пользования не приведены в должное состояние». Райисполком обязал должностных лиц города и района принять меры к устранению недостатков, председателей сельсоветов и колхозов «во всех случаях заболевания острозаразных больных немедленно сообщать в райздравотдел, обеспечивая транспортом для госпитализации больных», а районный отдел здравоохранения «создать дополнительно бригады медработников для посылки на село по проведению санитарно-противоэпидемических работ» [6, л. 50, 51].

В освобожденных районах требовалось наладить работу медицинских учреждений (а, по сути, восстановить их). 5 марта 1943 г. Вейделевские райсовет и райком ВКП (б), «учитывая огромную важность работы больницы в настоящее время», приняли совместное решение «срочно профинансировать райбольницу и в дальнейшем финансировать в первую очередь и бесперебойно», а также обязали райпотребсоюз и районный отдел торговли «немедленно обеспечить райбольницу всем необходимым продовольствием как: хлеб, крупа, картофель, лук, сахар, яйцо», удовлетворять «бесперебойно мясом и жирами», маслопром «отпускать творог, молочный обрат, сыворотку», «Заготскот» «все отходы убоя скота, не подлежащие отправлению в РККА, передавать больнице» [2, л. 9].

30 апреля Вейделевский райисполком, «учитывая крайне тяжелое положение с продуктами больницы для питания больных и раненых, находящихся на излечении в больнице», обязал районные учреждения оказать помощь больнице, а РайФО «профинансировать Вейделевскую больницу на выплату зарплаты, питание и другие расходы в сумме 44 тысячи» [1, л. 58, 61 об.].

Представление о состоянии медицинской помощи в тыловых районах после первых месяцев освобождения от гитлеровской оккупации дает решение Валуйского райсовета от 5 мая 1943 г. Райисполком отмечал:

«после освобождения района от немецких оккупантов сеть здравоохранения, в основном, восстановлена. Медицинские учреждения укомплектованы медкадрами, акушерками, фельдшерами и врачами. Организована медицинская помощь на дому горполиклиникой, а также оказывается неотложная хирургическая помощь». Но, вместе с тем имелись серьезные недостатки: в горбольнице содержание больных и течение лечения признавались крайне неудовлетворительными, при наличии 160 койко-мест, по состоянию на 5 мая 1943 г. в больнице находилось 103 человека больных, в том числе 56 военнослужащих. Не хватало мебели, постельного белья, одежды. Поступавшие больные и находящиеся в стационаре из-за отсутствия ванны совершенно не мылись и находились в антисанитарном состоянии. В хирургическом и терапевтическом отделениях наблюдалась острая нехватка медикаментов, в особенности нет бинтов, ваты, йода, в инфекционном отделении отсутствовала противодифтерийная сыворотка. Поскольку Курское аптекоуправление не отпускало лекарственные средства, медицинские учреждения города и района не получали медикаментной помощи [6, л. 124–125].

Райисполком обязал заведующую райздравотделом Аркатову и главврача городской больницы Кузнецову в кратчайший срок устранить имеющиеся недостатки «соблюдая чистоту, и особенно обратить серьезное внимание по уходу и лечению больных, находящихся на стационарном лечении», а также «проверить и укомплектовать средний и младший медперсонал горбольницы, устранив наличие грубостей и со стороны медперсонала к больным». Было решено просить начальника гарнизона Валук перевести всех военнослужащих в ближайшие госпитали и оказать содействие в получении медикаментов с военного склада, обратиться к Курскому облсовету с просьбой «об отгрузке белья и медикаментов для Валуйского района, согласно заявке райздравотдела», а облздравотдел прислать врача-хирурга. Для улучшения бытовых условий сельских медработников, председателям сельсоветов было предписано «своевременно выплачивать зарплату и обеспечить медработников на селе индивидуальными огородами». Райздравотдел также обязали «восстановить работу малярной станции, открыть детясли, молочную кухню при детконсультации» [6, л. 125–126].

К лету 1943 г. санитарно-эпидемиологическая обстановка продолжала оставаться сложной. 31 мая Валуйский райсовет принял решение «О мероприятиях по борьбе с желудочно-кишечными заболеваниями». Основное внимание было уделено очистке и ремонту колодцев «как основного источника распространения желудочно-кишечных заболеваний», санитарному состоянию рынков, городского хлебокомбината. Заведующую райздравотделом Аркатову обязали закончить к 1 июля прививочную кампанию против брюшного тифа и

дизентерии, а председателей сельсоветов подготовить бани с дезкамерами к 10 июня [6, л. 153, 155, 156].

10 июля 1943 г. Курские облисполком и обком ВКП(б) направили руководству Прохоровского района секретное предписание о мерах по борьбе с распространением сыпного тифа. По данным облздравотдела из 151 человека, заболевших в июне месяце в районе сыпным тифом, было госпитализировано 125, из 25 бань, которые надо было выстроить и приспособить, наличествовала только одна. В районе продолжали иметь место многочисленные случаи новых заболеваний сыпным тифом, создавалась угроза распространения эпидемии на расквартированные в районе воинские части. Это было расценено обкомом ВКП(б) и облисполкомом «как прямое преступление перед Родиной, влекущее за собой подрыв боеспособности Красной Армии». Областные органы власти потребовали немедленно осуществить ряд мероприятий:

в трехдневный срок госпитализировать всех заболевших сыпным тифом; привести в порядок больницы, обеспечив их всем необходимым, обеспечить медработников транспортом для обследования территории района;

подготовить бани и дезкамеры, провести обязательную трехкратную санобработку (через 7 дней) очагов заболевания;

установить особый контроль за населенными пунктами, в которых скапливалось большое количество людей, направляемых на оборонные и иные работы, запретить самовольное передвижение населения, в особо тяжелых случаях накладывать карантин на населенные пункты по договоренности с командованием воинских частей (а также согласовать с ними план противоэпидемических мероприятий).

Данные о проведенных мероприятиях и эпидемическом состоянии Прохоровского района необходимо было предоставить в Курские обком ВКП(б) и облисполком к 20 июля 1943 г. [8, л. 32, 33].

Победоносное завершение Курской битвы дало возможность начать восстановление медицинских учреждений в ранее оккупированных гитлеровцами районах. Так, на первом заседании 28 августа 1943 г. Белгородской городской Совет депутатов трудящихся выделил помещения для размещения поликлиники и городской больницы, обязав главврача Богуславскую «закончить приспособление этого здания к 25 сентября и разместить в нем больных хирургического отделения», а также утвердил мероприятия по улучшению питания и медицинского обслуживания больных детей [3, л. 1–1 об.].

7 сентября 1943 г. Ладомировский районный Совет обсудил план дальнейшего восстановления Харьковской райбольницы и ее подготовки к зиме: выделение рабочей силы и стройматериалов [10, л. 90–90 об.]. 3 декабря Вейделевский райисполком принял решение о ремонте главного корпуса районной больницы с 7 декабря, выделив для этого 45 тыс. руб. [1,

л. 16]. В Белгороде 20 декабря городские власти выделили здание для размещения венерологического диспансера [5, л. 2 об.].

В октябре – декабре 1943 года районными органами исполнительной власти были приняты решения в связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой. Так, 9 октября на заседании Белгородского горисполкома одним из вопросов был «О мероприятиях по предупреждению острых желудочно-кишечных заболеваний и сыпного тифа и борьбе с ними на 1943 год». Помимо мер по очистке города и поддержания санитарного состояния городских объектов (в особенности пищевых предприятий), было предписано в суточный срок извещать органы здравоохранения о заболевших и «проводить 100 % госпитализацию больных брюшным тифом, паратифом, дизентерией и токсической диспепсией, с обязательной санобработкой очага заболевания», ежемесячно устраивать медосмотры работников предприятий общественного питания [4, л. 1–1 об.].

В конце ноября 1943 г. (точная дата не указана) Курский облисполком направил в Прохоровский райсовет секретное распоряжение, запрещавшее мобилизацию рабочей силы из семейств, имеющих больных тифом. Перед отправкой мобилизованных по железной дороге предписывалось подвергать их обязательной санитарной обработке и не допускать контактов с гражданским населением [8, л. 104]. В это же время (26 ноября) Беленихинский райисполком принял решение «О борьбе с противоэпидемическими заболеваниями в районе». Предписывалось выявлять «больных тифом сыпным, брюшным, детскими инфекционными заболеваниями, малярией, венерическими болезнями и др. заразными болезнями», своевременно госпитализировать всех заболевших (тифозных больных в течение суток), создать 3 санбригады для обработки очагов заражения [9, л. 28–28 об.]. Решением Белгородского горисполкома от 20 декабря была организована чрезвычайная городская противоэпидемическая комиссия «в целях быстрейшего наведения сан. порядка по городу и предотвращения эпид. вспышек инфекционного заболевания» [5, л. 2 об.].

Таким образом, в январе – декабре 1943 года на Белгородчине ключевыми мероприятиями местных органов власти в сфере здравоохранения стало наведение и поддержание санитарного порядка (уборка органических остатков, ремонт и благоустройство источников водоснабжения, приведение в порядок мест торговли, предприятий общественного питания и др.); борьба с эпидемическими и инфекционными заболеваниями (брюшной и сыпной тиф, дизентерия, малярия, желудочно-кишечные) – выявление заболевших, строительство бань и дезинфекционных камер, проведение прививочной кампании; восстановление медицинских учреждений, помощь госпиталям Красной Армии. Санитарно-эпидемиологическая обстановка на протяжении 1943 г.

продолжала оставаться сложной (несмотря на принимаемые меры), этому способствовали не только трудности военного времени, но близость фронта. Деятельность медицинских учреждений в районах (по мере их освобождения от гитлеровской оккупации), в целом, была восстановлена. Однако медучреждения испытывали значительные трудности: переполненность вследствие обслуживания военнослужащих и гражданского населения, нехватка кадров, оборудования, лекарственных средств, работа в плохо отремонтированных и неустроенных помещениях.

Источники и литература

1. Государственный архив Белгородской области (далее – ГАБО). Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 4.
2. ГАБО. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 5.
3. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 4.
4. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 6.
5. ГАБО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 11.
6. ГАБО. Ф. Р-76. Оп. 1. Д. 2.
7. ГАБО. Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 9.
8. ГАБО. Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 14.
9. ГАБО. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 3.
10. ГАБО. Ф. Р-175. Оп. 2. Д. 9.
11. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Белгородская область: Сборник архивных документов. М., 2020.
12. Чиченков А.П. Белгородчина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Белгород, 2005.

И. А. Долженков, Е. В. Попов

ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИИ КУРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА (1949–1965 гг.)

История становления высшего сельскохозяйственного образования в Курской области интересна и берет свое начало в далеком прошлом. Путь от концепции и осознания необходимости создания аграрного высшего учебного заведения до его реализации оказался очень сложным и долгим – почти 100 лет.

В XIX в. потребность в специалистах по сельскому хозяйству возросла, особенно после отмены крепостного права в 1861 г. и возникновения в связи с этим необходимости реформирования земельных правоотношений. Курское губернское земство в 1891 г. подняло вопрос о создании сельскохозяйственного института для центральной России в Курской губернии, но вопрос не был решен положительно.

На пороге третьего десятилетия XXI в. Курская ГСХА является одним из ведущих сельскохозяйственных вузов Центрального Черноземья. Тысячи студентов учатся, овладевают практическими навыками будущей профессии, развиваются, общаются в современных благоустроенных корпусах. Но как же все начиналось? В юбилейный год нашей академии мы обратимся в прошлое и осветим восстановленные по материалам архивных документов начальные этапы строительства и становления нашего вуза.

История создания Курской ГСХА начинается в послевоенные годы, когда в условиях голода и разрухи с особой остротой встал вопрос о нехватке в регионе специалистов в сфере сельского хозяйства. С целью решения данной проблемы 15 ноября 1949 г. Курский обком ВКП(б) и облисполком обратились с просьбой в Совет Министров об открытии в Курской области сельскохозяйственного института. Правительство СССР отнеслось к данной просьбе благосклонно и 15 мая 1951 г. Совет министров принял постановление № 1618 об организации сельхозинститута в Курской области. Для размещения института были переданы помещения и земельный участок санатория «Марьино» Рыльского района.

На первый 1951–1952 учебный год было принято 275 студентов. Директором назначен Николай Иванович Солодовников, выпускник Воронежского сельскохозяйственного института, бывший фронтовик. Необходимое количество профессоров и преподавателей было направлено в Курскую область для работы в сельскохозяйственном институте.

В дальнейшем, однако, были принято решение перенести институт в Курск. Проектные работы были выполнены Курской областной проектной конторой «Облпроект» коллективом авторов во главе с начальником областного отдела строительства и архитектуры И. Н. Улиным, начальником «Облпроекта» [1, л. 7].

Проектным заданием было предусмотрено строительство 4-этажного главного учебного корпуса на 2000 учащихся, двух 4-этажных общежитий на 440 человек каждое, жилого 48-квартирного дома и других учебно-вспомогательных зданий. Общая сметная стоимость комплекса зданий и сооружений была утверждена в сумме 42,2 млн руб. Для строительства института был отведен участок площадью более 20 га, расположенный на северной окраине города Курска, по улице Карла Маркса, на землях бывшего колхоза им. Дзержинского.

В проектном здании предусмотрено размещение трех факультетов: агрономического, зоотехнического и механизации сельского хозяйства. Предполагалось построить 6-колонный портик над центральным входом и башню. Но после смерти И. В. Сталина началась борьба с «архитектурными излишествами» и данный проект не был реализован полностью.

Для создания базы учебной практики студентов и научно-исследовательской работы коллектива было создано учебно-опытное хозяйство. 14 апреля 1954 г. была произведена закладка первого объекта общежития № 1 на 440 человек [2, л. 2.]. В этом же году началось строительство второго общежития на 440 человек и 48-квартирного жилого дома.

Официально сельхозинститут начал свою работу 1 сентября 1956 г. Первый набор студентов был всего 100 человек (по сравнению с 8 тыс. сегодня). Первые годы существования института характерны деятельным участием студентов, преподавательского состава и сотрудников института в строительстве зданий, оснащении кафедр, благоустройстве территории и укреплении учхоза. В весенне-летний период устраивались воскресники.

Первой же осенью был разбит и посажен сквер против первого общежития и парк за пятым общежитием. Студенты посадили саженцы, которые со временем выросли в те красивые голубые ели, которые ныне являются визитной карточкой и гордостью академии. Студенты первого набора посадили коллекционный плодовый сад.

В 1957 г. успешно велось строительство института. Решением Курского горсовета за № 625 от 26 июля 1957 г. утвержден акт сдачи в эксплуатацию жилого 48-квартирного дома для профессорско-преподавательского состава. А 30 сентября 1957 г. сдан в эксплуатацию корпус второго общежития.

В 1959 г. было закончено строительство факультета механизации. Зал уборочных машин корпуса механизации был переоборудован в спортивный и актовый зал, где проводились массовые собрания (вплоть до 1964 г.).

В конце 1963 г. было закончено строительство и введен в эксплуатацию главный учебный корпус. На основании письма Главного управления высшего и среднего сельхозобразования МСХ СССР от 15 августа 1964 г. в Курском сельхозинституте была создана государственная комиссия по приему главного корпуса института под председательством ректора института А. А. Сысоева [3, л. 156]. Весной 1964 г. была проведена большая работа по благоустройству и озеленению территории института. Приказом по институту № 353 от 21 мая 1964 г. за руководство этой работой доценту И. П. Костенко и старостам студенческих групп была объявлена благодарность.

В начале 1965 г. (Приказ по Министерству сельского хозяйства за № 30 от 4 февраля 1965 г.) был введен в эксплуатацию главный учебный комплекс с инженерными коммуникациями (гараж, мастерские), принятый по акту 20 ноября 1965 г. [4, л. 6].

Таковы основные этапы становления материально-технической базы Курского сельхозинститута, будущей Курской государственной сельскохозяйственной академии. Благодаря самоотверженным усилиям

студентов и преподавателей, был заложен фундамент для успешного развития нашего вуза в XXI в.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-723. Оп. 1. Д. 6.
2. ГАКО. Ф. Р-723. Оп. 1. Д. 5
3. ГАКО. Ф. Р-723. Оп. 1. Д. 36.
4. ГАКО. Ф. Р-723. Оп. 1. Д. 42.

Е. И. Тимохов

МИНИ-ФУТБОЛ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 1980-х гг.

Согласно исторической справке Ассоциации мини-футбола России, рождение отечественного мини-футбола произошло в конце 1980-х гг., когда редакция газеты «Комсомольская правда» стала проводить Всесоюзные соревнования под названием «Честь марки» среди производственных коллективов, а Федерация футбола СССР – Всероссийские соревнования среди юношей. Одним из главных инициаторов развития мини-футбола в нашей стране выступил Семён Николаевич Андреев, который стал президентом Всесоюзной (впоследствии Всероссийской) Ассоциации мини-футбола [1].

Первая сборная СССР по мини-футболу была создана во второй половине 1980-х гг. Как сообщает в своей статье Р. Новиков, команда состояла из любителей и игроков, завершивших профессиональную карьеру в большом футболе. Главным тренером той команды был назначен вышеупомянутый С. Н. Андреев. По мнению автора, парадоксальным стало то, что сборная была создана раньше, чем был проведен первый чемпионат СССР по мини-футболу [2].

Развитие отечественного мини-футбола происходило как на всесоюзном, так и на региональном уровне. Данная статья направлена на освещение спортивных соревнований по мини-футболу в Курской области в конце 1980-х гг. На хранении в ОКУ «Госархив Курской области» имеется архивный фонд «Курский областной комитет по физической культуре и спорту», в котором были выявлены документы, заслуживающие внимания в рамках нашей работы.

Из отчета главного судьи В. А. Боброва можно узнать то, что в Курске проходили игры Всесоюзного турнира по мини-футболу «Честь марки» среди передовых предприятий страны на стадионе Локомотив с 25 по 27 августа 1988 г. В соревновании приняло участие 16 команд,

которые были разбиты на две группы посредством жеребьевки. Состязания в 8 подгруппах проводились по групповой системе. Затем были проведены стыковые игры, по результатам которых призовые места заняли следующие команды: 1-е место заняла команда «Текстильщик» (Чебоксары); 2-е место – «Гжель» (Гжель); 3-е место – «Сталь» (Чебоксары). В данном турнире приняла участие и курская команда «Кожевник», занявшая седьмое место [3, л. 83].

В. Воробьев в своей статье объясняет участие местной команды в данном соревновании тем, что курское кожевенно-обувное объединение было занесено на Доску почета Всесоюзной ВДНХ. Это являлось необходимым условием для участия в соревнованиях [4].

Команды-призеры Всесоюзного турнира «Честь марки» были награждены ценными призами Госкомитета РСФСР и редакции «Комсомольская правда». Как отмечает в судейском отчете В. А. Бобров, призы были вручены следующим командам: приз за «Корректную игру» была удостоена команда «ВДНХ» (Москва); за «Красивую игру» – «Сталь» (Волгоград). Приз «Зрительских симпатий» был вручен команде совхоза «Октябрьский» (Калужская область) [3, л. 83, 84]. Лучшим бомбардиром турнира стал В. Короткин из команды «ТСХА им. К. А. Тимирязева» (Москва). «Самым техничным футболистом» был признан его одноклубник Норберт Элемба. В. Воробьев сообщает, что за свою профессиональную карьеру Н. Элемба становился трехкратным чемпионом Конго по футболу, а также пятикратным чемпионом Кубы [4].

Такой же турнир проходил в г. Льгове, на котором первое место заняла команда Орловского объединения «Научприбор». Как отмечает В. Воробьев, оргкомитет на данном соревновании возглавил председатель Льговского горисполкома А. Н. Шелест. По мнению автора статьи, льговчане отличились своей организацией: они сумели организовать вкусное питание, устроили командный вечер отдыха, а также другие культурные мероприятия [4].

Совсем иную картину организации командного досуга в г. Курске увидел В. Воробьев. Для большей наглядности приведем слова автора: «Меня [Воробьева В. – *Е.Т.*] как газетчика атаковали футболисты с многочисленными претензиями. Питались футболисты где попало. Никакой культурной программы не было ... Если добавить, что билетами на обратный путь куряне гостей не обеспечили, то ясно совершенно, что будут думать о Курске гости» [4]. В этом плане имеет место противоречие между статьей В. Воробьева и отчетом главного судьи турнира В. А. Боброва. Последний, в своем заключении отметил следующее: «Участникам Всесоюзного турнира “Честь марки” была так же предложена большая культурная программа» [3, л. 84].

Исходя из вышеизложенного, напрашивается вывод, что оценку организации курянами Всесоюзного турнира «Честь марки» следует

определять не только в сравнении с организацией таких же соревнований во Льгове, но и с игрой местной команды «Кожевник» – то есть довольно средней.

Помимо Всесоюзных соревнований по мини-футболу на территории Курской области проходили и районные состязания «Зимний мяч России». Согласно отчету председателя Обоянского спорткомитета А. Г. Карнаухова за 1988 г., в Обоянском районе были проведены массовые Всероссийские соревнования по мини-футболу «Зимний мяч России», в которых приняли участие 24 команды [5, л. 5].

Такие же состязания были организованы и в Мантуровском районе. Согласно отчету председателя Мантуровского райспорткомитета М. Попова, массовые соревнования по мини-футболу «Зимний мяч России» проходили в районе с 10 января по 27 марта 1988 г. На спортивных мероприятиях были представлены 19 коллективов физической культуры, а также 3 средних школы. Первое место на соревнованиях заняла команда КФК колхоза им. 25-го партсъезда, среди школ лидером оказалась Ястребовская средняя школа. Как отметил М. Попов в своем информационном отчете, команды-победительницы были награждены кубками, памятными подарками и грамотами райспорткомитета [5, л. 13].

В Медвенском районе соревнования по мини-футболу «Зимний мяч России» проходили в период 1988–1990 г. Председатель Медвенского райспорткомитета И. Гайдуков сообщил, что в районных состязаниях участвовало 18 команд, представлявших общеобразовательные школы и сельские коллективы физической культуры. Победителем среди общеобразовательных школ стала Медвенская средняя школа, а среди сельских КФК – совхоз «Реутчанский» [5, л. 16].

Следует упомянуть, что массовые соревнования по мини-футболу «Зимний мяч России» в указанный период проходили как в городах Железногорск, Курчатов, так и в Дмитриевском, Глушковском районах. В данных спортивных мероприятиях принимали участие представители общеобразовательных школ, коллективы физической культуры, а также производственные бригады [5, л. 14–15, 17, 19].

Таким образом, мы убедились в том, что развитие отечественного мини-футбола как самостоятельного вида спорта в конце 1980-х гг. было отражено и на карте Курской области. Массовые мини-футбольные соревнования проходили в рамках Всесоюзного турнира «Честь марки» и районных состязаний «Зимний мяч России». Опыт проведения данных спортивных мероприятий был учтен при создании отечественной школы мини-футбола в 1992 г. Все это способствовало тому, что сегодня сборная России борется за самые высокие места в чемпионатах Европы и мира.

Источники и литература

1. История развития мини-футбола // Ассоциация мини-футбола России [Электронный ресурс] // URL: <http://amfr.ru/amfr/history> (дата обращения: 01.07.2021).
2. Новиков Р. История развития мини-футбола в России и в мире // Футбольный эстет [Электронный ресурс] // URL: <https://football-esthete.ru/istoria-razvitiia-mini-futbola> (дата обращения: 01.07.2021).
3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-5355. Оп. 1. Д. 441.
4. Воробьев В. Горький осадок. Футбол: «Честь марки» // Курская правда. 1988. 7 сент.
5. ГАКО. Ф. Р-5355. Оп. 1. Д. 449.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСТОРИИ КУРСКОГО КРАЯ. БИБЛИОГРАФИЯ

А. И. Раздорский

ВСЕПОДДАННЕЙШИЕ ДОНЕСЕНИЯ ПРАВИТЕЛЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ А. Н. ЗУБОВА ЗА 1783–1790 гг. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В отечественной исторической науке широко распространено мнение, что всеподданнейшие отчеты губернаторов, представлявшиеся ими на высочайшее имя, возникли в начале XIX в. – в первые годы формирования министерской системы. В 1802 г. министр внутренних дел В. П. Кочубей специальным циркуляром затребовал от губернаторов сведения о состоянии подведомственных им губерний. Полученную информацию планировалось использовать при подготовке ежегодного всеподданнейшего отчета по Министерству внутренних дел (МВД). Позднее Александр I распорядился о ежегодной доставке информации о положении каждой отрасли управления. Вследствие этого последовал циркуляр МВД губернаторам от 4 ноября 1804 г. о составлении ими ежегодных отчетов. Программа и правила представления этих документов, впервые изложенные в указанном циркуляре, впоследствии неоднократно менялись (в 1828, 1837, 1842, 1853, 1870, 1897 гг.) [8, с. 199–205].

Вместе с тем, практика представления губернаторами отчетов монархам существовала и ранее – еще в XVIII в. Нижегородский губернатор Н. М. Баранов во всеподданнейшем рапорте о состоянии возглавляемой им губернии за 1894 г. отмечал, что «императрица Екатерина II, признав важность и необходимость непосредственного представления к подножию престола областными правителями достоверных и подробных отчетов об истинном состоянии управляемых ими районов, в 1764 г. вменила губернаторам в обязанность доводить до августейшего сведения обо всем происходящем в губерниях, указывать вкравшиеся в управление непорядки или упущения и недостатки в существующих узаконениях» [5, с. 1].

Губернаторские отчеты XIX – начала XX в. хорошо знакомы исследователям и активно используются ими при изучении различных аспектов социально-экономической и политической истории России указанного периода (подробнее см.: [12]). Документы же подобного рода, относящиеся к XVIII в., известны гораздо меньше.

Основной корпус губернаторских отчетов за 1760–1790-е гг. или, точнее сказать, «всеподданнейших донесений» правителей губерний,

направленных на высочайшее имя, сконцентрирован в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде 16 («Разряд XVI. Внутреннее управление – (коллекция) Государственного архива Российской империи»).

В настоящей публикации рассматриваются всеподданнейшие донесения, представленные в 1783–1791 гг. Екатерине II правителем Курской губернии Афанасием Николаевичем Зубовым (1738–1822), занимавшим этот пост в 1781–1791 гг. [4, с. 151]. Они находятся в составе дела № 755, хранящемся в указанном фонде РГАДА [1]. Данное дело, насчитывающее 90 листов, представляет собой конволют, в котором помимо донесений Зубова присутствуют и некоторые другие документы (о них будет сказано ниже).

Всего в деле имеется 48 донесений, самое раннее из которых датировано 16 ноября 1783 г., а самое позднее – 1 января 1791 г. (3 донесения относятся к 1783 г., 4 – к 1786 г., 10 – к 1787 г., 11 – к 1789 г., 19 – к 1790 г. и 1 – к 1791 г.) В рассматриваемый период донесения о положении дел в подведомственном регионе правители губерний должны были представлять два раза в месяц (в XIX – начале XX в. – один раз в год). В большинстве «регулярных» донесений лишь констатируется факт, что в течение отчетного периода каких-либо чрезвычайных происшествий не произошло, никаких же других сведений в них не приводится. Например:

«Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица и самодержица всероссийская государыня всемилостивейшая.

Вашему императорскому величеству имею щастие всеподданнейше донести, что в течении второй половины ноября месяца во всемилостивейше вверенной управлению моему Курской губернии состояло все благополучно и никаких чрезвычайных происшествий не случилось.

Повергающий себя к освященным стопам Вашим со всеглубочайшим благоговением, всемилостивейшая государыня!

Вашего императорскаго величества верный подданный Афанасий Зубов.

Ноября 27 дня 1786 года. Курск» [1, л. 9] (здесь и далее сохраняем при цитировании орфографию оригинала).

Из 48 донесений Зубова, имеющих в деле № 755, подобным образом выглядят 37.

Иногда в «регулярных» отчетах помимо традиционной формулы о ничем не нарушаемом общем благополучном течении жизни все же встречаются сведения о разного рода событиях, заслуживающих по мнению правителя губернии высочайшего внимания. Так, в первом из дошедших по времени донесении Зубова от 16 ноября 1783 г., в частности, говорится: «Во исполнение всевысочайшаго Вашего императорскаго

величества указа, воспоследовавшего 24-го августа сего года, всеподданнейше Вашему императорскому величеству донести честь имею, что в Курской губернии сими числами было два пожара, из которых от первого в Путивле сгорел один однадворческой двор, а от второго в Курске одна изба. Кроме ж сего во оной губернии обстоит благополучно» [1, л. 1].

Большой интерес для истории судоходства по реке Сейму представляет «регулярное» донесение правителя Курской губернии от 6 мая 1787 г.: «Вашему императорскому величеству имея щастие всеподданнейше донести, что в течении последней половины минувшаго апреля месяца во всемилостивейше вверенной управлению моему Курской губернии состояло благополучно, приемлю смелость включить здесь об открывшемся нынешнею весною новом и никогда не бывалом судоходстве по реке Семи, которую по впадении ее в Десну посредством Днепра можно проводить суда до Херсона. Удобность сия хотя и многим жителям здешняго края была известна, но в разсуждении состоящих на упомянутой реке Семи при мельницах запруд и неизвестного хода никто из купцов не отваживался произвести тому опыт; минувшаго же апреля 14-ть числа Льговской округи села Козли из подданных князя Трубецкаго малороссиянин Барзенцов отправил в Киев судно свое собственное с конопляным маслом, вятчиною и салом, которое строили и грузили ниже губернского города Курска в сорока пяти верстах и которое по известиям города Льгов, Рыльск и Путивль прошло уже благополучно. На построение судна сего лес куплен Орловской губернии в Брянской округе и привезен был зимою. Длиною оное осмнатцать, а шириною пять аршин. Грузу положено девятьсот пятьдесят пудов, работников при нем девять человек, с рядом каждому по три рубли на месяц» [1, л. 12–12 об.].

В донесении от 26 апреля 1790 г. Зубов извещал Екатерину II о незаурядном природном явлении, приключившемся в губернии: «Вашему императорскому величеству имею щастие всеподданнейше донести, что в городе Путивле минувшаго марта с 26-го на 27-е число по полудню в 10-м часу чувствуемо было самое малое землетрясение, от которого ни чему повреждения не приключилося. В прочем по Курской губернии в первой половине апреля месяца состояло благополучно» [л. 51].

Помимо «регулярных» донесений встречаются и «внеочередные», направленные на высочайшее имя по тому или иному поводу. Так, в донесении от 24 ноября 1783 г. Зубов пишет: «Ваше императорское величество всевысочайше повелеть соизволили о всем, ко мне доходящем касательно до опасной болезни в соседних турецких областях, а отчасти и в полуострове Крымском [речь идет о вспышке чумы в Причерноморье и Приазовье. – *А. Р.*] доставлять Вашему императорскому величеству обстоятельныя донесении: я вчерашнего дня получа по сей материи уведомление от господина генерал-порутчика и ковалера Василья Алексеевича Черткова [воронежского и харьковского генерал-губернатора.

– *А. Р.*], что таковой опасной болезни как в Харькове, так и в близ лежащих ко вверенным ему от Вашего императорскаго величества губерниям местах по благодати Божией нигде не слышно, всеподданнейше Вашему императорскому величеству доношу, что и в Курской губернии состоит все благополучно» [1, л. 2–2 об.].

Особое донесение Зубова от 5 ноября 1786 г. посвящено передаче орденов, которыми был награжден орловский и курский генерал-губернатор (в 1783–1786 гг.) Франц Николаевич Кличка, скончавшийся в Орле 28 октября 1786 г. (но похороненный в Курске): «Знаки орденов Святаго великомученика и победоносца Георгия и Святыя Анны, оставшия после покойного генерал-порутчика, правившаго здесь должность генерал-губернатора и кавалера Клички, имею счастье у сего представить Вашему императорскому величеству» [1, л. 5] (в документе имеется помета о передаче Георгиевского креста «в дому того ордена», а ордена Св. Анны — вице-президенту Военной коллегии графу В. П. Мусину-Пушкину).

В донесении от 28 июня 1789 г. правитель Курской губернии сообщает об отправлении в действующую армию (в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг.) орловского и курского генерал-губернатора Антона Богдановича де Бальмена [1, л. 26]. В трех донесениях (от 24 октября 1789 г., 26 июля и 18 октября 1790 г.) идет речь о сборе в губернии рекрут [1, л. 34, 70–71, 62–63], причем к двум последним приложены статистические ведомости по этому вопросу. В донесении от 20 апреля 1789 г. Зубов извещает императрицу о получении именного указа о комплектовании гвардейских полков [1, л. 38]. В донесении от 28 ноября 1786 г. содержится информация о доставлении в казначейство доходов дворцового ведомства [1, л. 8–8 об.].

В деле № 755, по-видимому, случайно оказались подшиты три всеподданнейших донесения правителя Орловской губернии С. А. Неплюева, относящихся к 1790 г.: от 1 июня (за вторую половину мая), от 22 июня (за первую половину июня) и от 20 июля (за первую половину июля) [1, л. 54, 56–57, 60–61]. Во всех трех донесениях сообщается, что дела в губернии обстоят в целом благополучно («Долгом поставляю всеподданнейше донести Вашему императорскому величеству, что во второй половине истекшаго маия месяца в Орловской губернии состоит благополучно»), но в двух документах при этом говорится о градобитиях, нанесших ущерб посевам (сведения на этот счет приведены в ведомостях, приложенных к донесениям).

Ознакомление со всеподданнейшими донесениями правителей Курской и Орловской губерний показывает, что эти документы существенно отличаются как по объему и составу содержащейся информации, так и по регулярности представления от ежегодных всеподданнейших отчетов губернаторов XIX – начала XX в. Донесения XVIII в. представлялись не реже 24 раз в год, но при этом они весьма

кратки, а большинство из них носит сугубо формальный характер. Тем не менее, в этих источниках могут встретиться весьма интересные, порой уникальные исторические сведения, и поэтому они обязательно должны привлекаться к изучению.

Из документов, не относящихся к всеподданнейшим донесениям, в деле № 755 имеются, в частности, рапорт Зубова на имя генерал-губернатора Клички от 30 июля 1786 г. о дождях, бурях, грозах и граде в разных местах Курской губернии, гибели хлеба и сена от града [1, л. 6–7 об.], его же рапорт на имя генерал-губернатора де Бальмена от 10 июня 1787 г. о том, что в губернии все обстоит благополучно [1, л. 87] (помимо всеподданнейших донесений, направлявшихся на высочайшее имя, правители губерний представляли также рапорты генерал-губернаторам, непосредственно курировавшим их губернии), «Ордер правителю Курского наместничества господину действительному статскому советнику и кавалеру Зубову» генерал-губернатора де Бальмена о его отправлении в действующую армию [1, л. 27–27 об.], ведомость о посеве и урожае хлеба в Курской губернии в 1790 г. [1, л. 50], «Журнал, что котораго числа и каким образом происходило при открытии по всевысочайшему ея императорскаго величества учреждению новой в Курске губернии» [1, л. 79–86].

В заключение отметим еще вот какой факт. В процитированных всеподданнейших донесениях А. Н. Зубова постоянно упоминается понятие «Курская губерния», словосочетание же «Курское наместничество» нам ни разу не встретилось. Это обстоятельство еще раз убедительным образом свидетельствует об ошибочности широко распространенного мнения о том, что в 1770-е гг. в ходе екатерининской губернской реформы в Российской империи были созданы «наместничества», якобы «преобразованные» в 1797 г. в «губернии». Так, в текст статьи «Курская губерния», опубликованной в «Большой Российской энциклопедии» за моей подписью, редакцией издания без согласования с автором были внесены фразы: «Образована 23.5(3.6).1779 как Курское наместничество», «12(23).12.1796 Курское наместничество преобразовано в К[урскую] г[убению]» [11, с. 433]. На самом же деле термин «губерния» в последней четверти XVIII в. обозначал территорию, составлявшую административно-территориальную единицу, а термин «наместничество» – систему управления этой территорией [9, с. 404]. Курская губерния была учреждена 23 мая 1779 г., 6 июня того же года утвердили ее штат (10, т. 20, № 14880, с. 825–826; № 14887, с. 845). Эти законодательные акты определили границы губернии и ее внутреннюю структуру. 27 декабря 1779 г. было открыто Курское наместничество, то есть начали функционировать органы власти вновь созданной губернии, что получило отражение в сенатском указе от 4 февраля 1780 г. (10, т. 20, № 14984, с. 916–917). В указе же Павла I от 12 декабря 1796 г. «О новом разделении

государства на губернии» ни о каком «преобразовании наместничеств в губернии» ничего не говорится, в нем идет только речь об упразднении некоторых ранее созданных губерний. Курская губерния согласно этому указу сохранила свой статус (10, т. 24, № 17634, с. 229–230). Следует также иметь в виду, что в екатерининское время термины «губерния» и «наместничество» использовались нередко как синонимичные (так, например, в «Описании Курского наместничества», составленного в 1785 г. курским губернским землемером И. Ф. Башиловым, автор постоянно использует словосочетание «Курская губерния» [см.: 2, л. 4, 5–7 об. и далее]). В XIX в. термин «наместничество» в том значении, в каком он употреблялся в последней четверти XVIII в., вышел из употребления («наместничествами» стали именоваться конгломераты окраинных губерний и областей, объединенных под властью наместников — Кавказское наместничество, наместничество Дальнего Востока и др.).

В 1780–1790-е гг. получила распространение практика объединения нескольких губерний (обычно двух или трех) под властью одного генерал-губернатора (Курская губерния, как уже было отмечено выше, находилась в этот период вместе с Орловской губернией в ведении орловского и курского генерал-губернатора). Подобные объединения губерний в литературе иногда называют «наместничествами» [3, с. 817], однако это ошибка. Основанием для неверного утверждения о том, что Курская и Орловская губернии составляли якобы одно наместничество, послужил, по всей видимости, указ от 13 июня 1781 г. «О новом росписании губерний, с означением генерал-губернаторов» [10, т. 21, № 15171, с. 135–136]. Согласно этому документу были сформированы объединения из двух или трех губерний во главе с генерал-губернаторами, которые иногда титуловались «государевыми наместниками» [см., например: 6, с. 140–141]. Однако в указе 1781 г. термины «генерал-губернаторство» и «наместничество» не употребляются, более того, законодательные акты и архивные материалы рассматриваемого периода доказывают неправоту мнения о том, что в наместничества могли входить две или более губерний [7, с. 17]. Орловская и Курская губернии по указу 1781 г. составили между собой объединение, во главе которого был поставлен генерал-губернатор А. А. Прозоровский (при этом в тексте указа Орловская губерния, вопреки алфавитному порядку, указана перед Курской, поэтому генерал-губернатора следует считать орловским и курским, а не наоборот). Однако обе губернии (наместничества) продолжали существовать самостоятельно и управляться каждая своим правителем.

Источники и литература

1. Российский государственный архив древних актов. Ф. 16. Оп. 1. Д. 755.
2. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 18801.

3. Государственный архив Курской области: Путеводитель. Курск, 2005.
4. Губернии Российской империи: История и руководители, 1708–1917. М., 2003.
5. Его императорскому величеству нижегородского губернатора рапорт [за 1894 год]. [СПб., 1895].
6. Ерошкина А. Н., Мезенцев Е. В. Генерал-губернаторство // Государственность России: Государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV века — февраль 1917 г.): Словарь-справочник. Кн. 1. М., 1996.
7. Мигунова Т. Л. Административно-судебная и правовая реформы Екатерины Великой (историко-правовой аспект): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Владимир, 2008.
8. Минаков А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного Центра второй половины XIX – начала XX вв.). Орел, 2011.
9. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007.
10. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.
11. Раздорский А. И. Курская губерния // Большая Российская энциклопедия. Т. 16. М., 2010.
12. Раздорский А. И. Печатные всеподданнейшие отчеты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи, 1845–1916: Сводный каталог. СПб., 2020.

ЦЕРЕМОНИАЛ ВСТРЕЧИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ЛЕТОМ 1787 ГОДА

Внешне- и внутривосточные события 1770-х – 1780-х гг. существенно повлияли на развитие Российской империи. Замыслив поездку в Крым, Екатерина II планировала решить две задачи: оформить антитурецкий альянс с Австрией и произвести ревизию новоприсоединенных территорий¹. Кроме того, из-за недавних волнений, связанных с пугачевщиной (1773–1775 гг.), императрица сомневалась в социально-политической стабильности страны², желая проверить качество исполнения законов 1775–1785 гг.³. Как следствие, маршрут пролегал через стратегически важные центры, а руководители наместничеств должны были отчитаться о работе госучреждений⁴. 2 марта 1786 г. орловский и курский генерал-губернатор Ф. И. Кличка получил предписание за личной подписью императрицы о подготовке

¹ Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. Т. 3. Внешняя политика. СПб., 1885. С. 386–441.

² Мавродин В.В. Крестьянская война под руководством Пугачева. М., 1973.

³ Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Т. I. Города России в XVIII столетии. СПб., 1875; Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М., 1909; Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 г., № 14392 [Текст] // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). СПб., 1830. Собр. 1. Т. 20. С. 229–304.

⁴ Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 26. Д. 50. Л. 34.

наместничества к ее приезду¹. Подробное описание мероприятий содержится в документах Курского наместнического правления и городского магистрата, состоящих на хранении в Государственном архиве Курской области (далее – госархив). Среди них: сведения о сборе средств на строительство Триумфальных ворот, контракты на поставку фуража и стройматериалов с купцами и помещиками, расписания дворцов и ночлегов и многое другое². В 2016 г. часть этих материалов была опубликована в сборнике статей «События и люди в документах курских архивов»³.

Зимой 1787 г. в присутственные места рассылались церемониалы, один из которых в 2001 г. был обнаружен в госархиве при переработке фонда 1693 «Богатенская нижняя расправа»⁴. Документ содержал унифицированные постулаты, продиктованные статьями 53, 54 и 432 «Учреждений об управлении губерний Всероссийской империи» 1775 г., и дополнения, учитывавшие местные социокультурные особенности⁵. По мнению Н. И. Златоверховникова, Н. П. Барышникова и Д. Н. Бантыш-Каменского, торжественность приема, оказанного императрице, являлась демонстрацией искоренения «пугачевской крамолы» и материально-технической готовности страны к назревавшей войне⁶. По замечанию А. А. Махотиной, финансовая сторона дополнялась патриотическим символизмом. Сценарий мероприятий и дизайн возводимых объектов прославляли царствующую династию, выражая глубокое почтение к монархии⁷.

Цель настоящей публикации – ознакомить с текстом церемониала и показать, как социально-политические преобразования 1780-х гг. повлияли на его содержание. Работа с источником базировалась на сочетании контекстного анализа и структурного контент-анализа. Повышенное внимание уделялось фрагментам, отражающим отношения между землевладельческим и торговым сословиями – дворянством и купечеством. В целом, богатенский церемониал и сопутствующие ему документы

¹ ГАКО. Ф. 26. Д. 50. Л. 94.

² ГАКО. Ф. 26. Д. 50. Л. 91–94.

³ Ефремова И.С. О подготовке губернии к проезду Её Императорского Величества Самодержицы Всероссийской Екатерины II // События и люди в документах курских архивов. Сборник статей. Вып. XIV. Курск, 2016. С. 85–95.

⁴ ГАКО. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 176. Л. 5–8 об.

⁵ Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 г., № 14392 [Текст] // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собр. 1. Т. 20. С. 233, 294–295.

⁶ Златоверховников Н.И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902. С. 15–28; Барышников Н.П. Императрица Екатерина II в Орловской губернии. Орел, 1886; Бантыш-Каменский Д.Н. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810. С. 36–37.

⁷ Манохина А.А. Путешествие Екатерины II: идейно-художественная программа церемониала встречи императрицы // Вестник Московского государственного университета. 2010. № 6. С. 112–125.

подтверждают позицию А. А. Кизеветтера об укреплении положения коммерческой аристократии и превращении города в политико-экономическую опору монархии¹.

Нормативно-правовыми актами 1775–1785 гг. горожане наделялись имущественными, гражданскими и политическими правами, близкими к дворянским². Однако сословная дистанция между ними сохранялась. Например, классный чин судьи магистрата был на позицию ниже аналогичной должности в уездном суде, а от рекрутчины, телесных наказаний и тяглых служб освобождались только купцы 1-й гильдии³. Сообразно статусу церемониал отводил для старой аристократии более привилегированные позиции. Дворяне приветствовали Екатерину II на губернской границе, у Триумфальных ворот, а затем ехали верхами впереди императорской кареты⁴. В то же время, судьи магистрата ждали ее у въезда в город и следовали позади императорского экипажа⁵. Это символизировало, что хозяином уезда является дворянство, а магистрат – законный представитель города. Также оба сословия подарили наместничеству Триумфальные ворота: дворяне – пограничные, купечество – городские⁶. В самом Курске шесть разрядов городского гражданства располагались по знатности: от мещан и посадских близ Херсонских ворот до гильдейского купечества и почетных граждан у порога дворца, отведенного под императорские апартаменты⁷. За правопорядок и инфраструктуру в селах отвечали помещики, а за благоустройство городской территории нес ответственность магистрат⁸. Такой порядок свидетельствовал о расширении социальной опоры монархии за счет купеческо-мещанских слоев и начальном перепрофилировании экономики с аграрной на промышленную⁹.

Публикация документа осуществляется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. При этом стилистические и синтаксические особенности оригинального текста

¹ Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М., 1909. С. 136–151; Он же. Из истории законодательства в России в XVII–XIX вв. Ростов н/Д, 1904. С. 15–31.

² Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М., 1909. С. 145.

³ Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М., 1909. С. 136–151; Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 г., № 14392 [Текст] // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собр. 1. Т. 20. С. 294.

⁴ ГАКО. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 176. Л. 5.

⁵ ГАКО. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 176. Л. 5 об.

⁶ ГАКО. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 176. Л. 5, 6.

⁷ ГАКО. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 176. Л. 7 об.

⁸ ГАКО. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 176. Л. 7 об.

⁹ Троицкий С.М. Финансовая политика Российского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 3.

сохраняются. Текст публикуется полностью, в квадратных скобках заключены вставленные знаки препинания, исправленные синтаксические конструкции и восполненные сокращения слов. Публикация, вступительная статья и комментарии даны старшим научным сотрудником Государственного архива Курской области И. С. Ефремовой.

Церемониал, котор[ый] во время Высочайшего Императорского Величества шествия в Курском наместничестве исполнять надлежит

[I] На границах губернии[,] то есть при въезде[,] близ губернского признака[,] Курскую и Харьковскую губернию разделяющего[,] где поставлены будут Триумфальные ворота, и при выезде, близ села Очек [Очки], на самой точке окончания Фатежского уезда находится должны[:]

господин губернатор

господин губернский предводитель с уездным предводителем и дворянами уездными и судья того уезда с заседателями[,] земской исправник с заседателями нижнего земского суда[,] губернский землемер с уездным[,] с того города [штатными] командами верхами[.]

[II] За версту от Белгорода встретит Ея Величество магистрат[,] который[,] поклонясь Ей на дороге и пропустя [вперед][,] езд[е]т вслед немедленно[,] только кареты Ея Величества не объезжает[.]

У Триумфальных гражданских ворот встречает Ея Величество градской голова с лучшими тамошними купцами и комендант с гарнизонной командою, где купечество только [кланяется] Ея Величеству[,] [Её] не останавливая[.]

На дороге по обеим сторонам расставить народ так[,] чтобы [стояли] мещане, а потом купцы ближе ко дворцу[.] Ближе к крыльцу поставить школьников[,] а пред ними их учителя[.] Потом[,] подле самого крыльца присутственных мест[,] [стоят] канцелярские служители[,] позади [них] судьи и заседатели. Впереди там быть и казначею со своими приказными и присяжными и ведомостями по своему месту. И каждый присутственного места начальник иметь должен при себе рапорты и ведомости от своего места[,] и тут оные[,] кому мною приказано будет[,] тому и подавать на каковом порядке. И на другой день после обеда стоять долженствует по дороге, лежащей к Обояни и коменданту. Ея Величество выпроводить за город и после остаться [долженствует] уездному предводителю с дворянством, а перед каретою Ея ехать саженой же за 50 или далее штатной драгунской команде[,] которые[,] проехав до границы Богатенской, остановятся.

[III] На черте Богатенской округи должно выехать и быть в первой перемене богатенскому предводителю дворянств[а], присутствующим уездного суда и расправы, земскому исправнику [со] своими заседателями. Уездному землемеру и предводителю с дворянством ехать верхами по два

в ряд пред каретою Ея Величества[,] а пред ними саженьях в 15 команде штатных драгун того города до ночлежного дворца, где [им должно] остановиться[,] отдав поклон Ея Величеству[.] Когда же мною тут представлены будут те присутствующие[,] то каждому их начальнику иметь при себе рапорт и ведомость от своего места, кои и подавать тому[,] кому от меня приказано будет[,] таким же порядком[.] И на другой день Ея Величество препроводить до границы обоянской.

[IV] На обоянской границе встречают таковые же чины по прописанному порядку¹ Ея Величество с тамошнею драгунской командой[,] которая[,] [до]ехав до гражданских ворот[,] по обе стороны останавливается. Предводитель же с дворянами надлежащим порядком следует до места перемены лошадей.

За версту до города Обояни встретить [императрицу] городничему с магистратом[,] и городничему ехать пред каретою Ея Величества[,] а магистрат[,] поклонясь ей на дороге и пропустя [вперед][,] едет вслед немедленно[,] только кареты Ея Величества не объезжает.

На дороге по обеим сторонам расставить народ[.] Присутствующим же [с] канцелярскими служителями стать у своих присутственных мест на улице и иметь[,] как выше сказано[,] рапорты и ведомости.

Городничий[,] проводя Ея Величество за город[,] останавливается. Штатных же драгун команда и уездный предводитель с дворянами провожают Ея Величество [по] выше предписанном[у] порядк[у] до Курской границы[,] [до] Медвяно[го] Колодез[я].

[V] На Курской границе также встречают Ея Величество уездный предводитель с дворянами и курская штатная команда, уездных присутственных мест присутствующие и земской исправник с заседателями нижнего земского суда, и уездный землемер[.] Уездный предводитель и дворяне со штатной командою препровождают [Ея] до постоянного двора Селихова, где встретить [надлежит] Ея Величество господам губернатору, вице-губернатору, губернскому предводителю и всем уездным предводителям с дворянами, губернскому почтмейстеру с почтальонами[.] Ехать пред каретою Ея Величества в тот город Курск нижеследующим порядком[:] господа губернатор и вице-губернатор приездом в Курск своим предваряют[;] почтмейстер за ним почтальоны по два в ряд сажень за полтора от кареты[,] потом штатная курская команда[,] за нею господам дворянам по два в ряд[,] потом предводителям по два в ряд и[,] наконец[,] господину губернскому предводителю.

Всем стараться далее уезжать от кареты, дабы пыли ко остановке не сделать[,] и таким образом ехать в город[,] куда приказано будет[:] в Собор или во дворец[.] Конные драгуны остаются[,] не въезжая градские ворот[а], по обеим сторонам дороги[,] почтмейстер же с почтальонами проезжает к самым Триумфальным воротам, а прочие господа дворяне, предводители

¹ В тексте – «на прописанном порядке».

уездные и губернска[ий] едут по-прежнему из Собора во дворец пред каретою Ея Величества.

При въезде в Курск[,] при караульном домике[,] у вала[,] встречает [императрицу] городничий верхом[.] Перед Триумфальными воротами стоят городской магистрат и голова с 12-ю лучшими мещанами. На воротах же поставить трубачей, тавры, которым играть[,] сколько в виду будет карета, где Ея Величество сидеть соизволит.

Между Триумфальных ворот[,] в конце Херсонской площади[,] стоять губернскому магистрату с купечеством по обе стороны дороги, потом по обеим сторонам цеховым с их значками и за ними народной школы ученикам и пред ними их учителю.

Как скоро показываться будет шествие в город[,] то и начать из пушек стрелять, в колокола звонить, и продолжать до тех пор[,] пока Ея Величество во дворец прибыть изволит, что при въезде во всяком городе наблюдать должно, ежели где имеются пушки.

У дворца поставить для караула роту военнослужащих и расставить часовых, где должно. В ординарцы при дежурстве генерал-адъютанта назначить штатной роты офицера, восемь человек конных штатной команды с капралом. По прибытии дежурного генерал-адъютанта яв[иться] к нему офицер[у] и пода[ть] рапорт.

Во время ожидания Ея Императорского Величества в Соборе, отнюдь туда никого[,] какого бы чину и звания не был[,] не пускать[,] кроме благородных женщин, которые одни туда впускаются¹. Касательно же представлению их Ея Величеству[,] на сие они должны ожидать повеление.

Никакой повозки и лошадей отнюдь не было на тех улица[х], по коим высочайшее шествие будет[.] Кареты же благородных женщин, которые в Собор поедут[,] чтобы отъезжали во особое место[,] каковое и назначить за производимым каменным для присутственных мест строением.

Мосты и улицы в городе от Триумфальных ворот усыпать травой и цветами. Вам[,] купцам, мещанам и мастеровым, собраться на назначенные места в день прибытия Ея Величества (который после объявлен будет). Причем градскому голове, городского магистрата присутствующим и старостам смотреть, чтоб те люди стояли порядочно и чрез улицу с одной на другую сторону и вслед за экипажами не бегали, а при том не было бы никакого шума и крику[,] и прочих непристойностей[,] и чтоб никто не был в каком-либо безобразном одеянии[,] но каждой должен быть одет по состоянию своему в пристойном и чистом платье[,] а для лучшего наблюдения порядка и благопристойности определены будут стряпчие.

Когда Ея Величество в город приехать изволит[,] то состоявшим за городом от Триумфальных ворот до Херсонской площади купцам,

¹ В тексте – «впустятся».

мещанам и мастеровым дозволяется перейти в город и стать на площади около Гостиного двора[,] против окон и улицы[,] идущей подле дворца. В городе по улицам стоящим до того времени со своих мест не отходить, пока Ея Величество изволит возвратиться из Собора во дворец, ежели сие в первый день прибытия Ея последует.

За день до прибытия все большие и малые проезжие улицы в городе вычищать так, чтоб на оных грязи, сору, пыли, щепы и соломы, никакой нечистоты и лесу не было[,] и усыпать песком. На идущую же улицу от дворца к Собору приготовить песка, которого на оную употребить половину, а другую оставить для такой же усыпки оной на случай Высочайшего шествия в монастырь. Равным образом и [на других улицах песка] приготовить, а особливо от дворца к Московской дороге. И половину употребить на усыпку, другую же хранить до повеления.

Дорогу[,] лежащую от дворца к Собору и монастырю[,] усыпать травую и полевыми цветами, наблюдая однако ж, чтоб как тут веток и нигде по улицам елику или березок и других деревьев не имелось.

По всем улицам[,] по коим имеет быть высочайшее шествие[,] неослабно наблюдать, чтоб в тот час по оным ни в экипажах, ни верхами никто не ездил[,] что и препоручается в особое смотрение штатной команды капитану. Для того иметь ему от штатной команды офицера, потребное число унтер-офицеров и рядовых и расставить их в пристойных местах, чтоб они крайне того наблюдали.

Во все время высочайшего в городе Курске пребывания наблюдать, чтоб весь город каждый вечер до первого часу полуночи был иллюминирован и на всех окнах были б свечи, а кто пожелает, тот может выставить против своего дома плошки, чего наистрожайше смотреть полиции[,] как равно[,] и чтобы улицы на всякой наивозможнейшей чистоте были содержаны.

Если будут приезжающие из других городов купцы, мещане и разночинцы, оным приказать, чтоб явились в городской магистрат[.] Места, где они должны стоять для зрения высочайшего шествия, им будут показаны[:] самовольно нигде не станови[ться]. Градским же женщинам место назначить близ Гостиного двора, под галереями и в прочих подобных местах[.] И чтобы лавки везде закрыты и заперты были

Сверх назначенных для народа мест в случае недостатка и тесноты народ может быть на заборах и окнах, только б без шум[а] и крик[а], во всякой благопристойности. На самой же улице, где им не назначено, [чтоб] никого не было, дабы тем не стеснить проезда и не сделать беспорядка и помешательства, что особливо наблюдать долженствует штатной команды капитану.

При выезде Ея Величества из Курска провожается Она точно также, как прием Ея предписан, и те же люди пред нею едут[.] Но штатной конной команде дожидаться Ея Величества за чертой города и ехать за каретой, покудова приказано будет.

На фатежской границе по выше предписанному встретит [Ее] тамошний предводитель с дворянством[,] и уездного нижнего земского судов члены[,] и уездный землемер, и предводитель с дворянами со штатной командою препровождают до ночлежного в Ольховатке дворца, от того же с прочими чинами, которые при встрече Ея Величества предназначены Орловской губернии

С подлинника читал канцелярист Никита Тимофеев; подписался подпоручик Сергей Стручков.

ГАКО. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 176. Л. 5–9. Рукопись. Копия с копии.

«...О СДЕЛАНИИ РАСПОРЯЖЕНИЯ, ЧТОБЫ ИКОНА ЗНАМЕНИЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ ПО СЛУЧАЮ СБЛИЖЕНИЯ КРЕСТНОГО ВЫНОСА ОНОЙ ИЗ КУРСКА В КОРЕННУЮ ПУСТЫНЬ, ПО ПРИЧИНЕ СВИРЕПСТВОВАНИЯ В ГОРОДЕ КУРСКЕ ЭПИДЕМИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНИ ХОЛЕРЫ, И ПРОИСХОДЯЩЕЙ ОТ НЕЙ СМЕРТНОСТИ ЛЮДЕЙ, ВО ИЗБЕЖАНИЕ МНОГОЛЮДСТВА, ПРИ ИМЕЕМОМ БЫТЬ СТЕЧЕНИИ НАРОДА В КУРСК К ОПРЕДЕЛЕННОМУ КРЕСТНОМУ С ИКОНОЙ ХОДУ В КОРЕННУЮ ПУСТЫНЬ, ОТВЕЗЕНА БЫЛА ТУДА, БЕЗ ВСЯКИХ ОБРЯДОВ ЦЕРЕМОНИАЛА...»

Холера – стародавний спутник человечества. В Святом писании говорится: «Не пресыщайся всякою сластиею и не бросайся на разныя снеди, ибо от многоядения бывает болезнь, и пресыщение доводит до холеры»¹. Холера была описана в санскритском сочинении «Аюрведа», о холере писал Гиппократ. Еще двести лет тому назад, в течение почти целого столетия холера вселяла в миллионы людей суеверный страх и сомнения в силе медицины.

В истории холеры в XIX веке выделяют шесть пандемий: с 1817 по 1823 гг., с 1826 по 1837 гг., с 1846 по 1862 гг., с 1864 по 1872 гг. и с 1883 по 1896 гг. В Курской губернии эпидемии холеры были зафиксированы в 1830–1831, 1847–1849, 1853–1855, 1866–1867, 1870–1872 и 1892–1893 гг.

О новой, неведомой до тех пор ужасной болезни – холере – в России стало известно относительно недавно – в 1823 г., когда первые заболевания были зафиксированы на Кавказе и на Каспии. В Курскую губернию холера пришла из Полтавской и Харьковской губерний. Уже в конце сентября 1830 г. со стороны Харьковской губернии, главным образом города Изюма, и Курской губернии, были выставлена кордонная стража и

¹ Цит. по: Павловский Л. Холерные годы в России: Исторический очерк. СПб., 1893. С. 1.

карантинные заставы, которые удерживали проезжающих людей на 5–14-дневную обсервации. Были построены многочисленные кордонные и карантинные помещения и выкопаны землянки для карантинной прислуги в предвещии грядущей зимы¹.

Первые сведения о появлении холеры в пределах Курской губернии датируются 28 августа 1830 г. Экономический крестьянин Никита Емельянов, ехавший из Таганрога и, уже, будучи больным, остановился на постоялом дворе за селом Чермошным Никольской волости Белгородского уезда, заразив там несколько человек, в том числе и исповедовавшего его священника².

В Курске холера появилась 10 октября 1830 г. из Обоянского уезда: купец Веретенников, проезжая из Харькова, заболел холерой. Сам купец поправился, а другие лица, контактировавшие с ним, начали умирать³.

Всего в России в 1830–1831 гг., по неполным данным, заболели холерой 534 548 чел. из них умерли 234 664 чел.⁴, в том числе в Курской губернии соответственно 15 552 и 7 379 чел.⁵

В фонде «Курская духовная консистория» Государственного архива Курской области хранится дело, на титульном листе которого значится: «Дело о появившейся эпидемической болезни называемой холерой и о прекращении оной». Дата начала дела обозначена «1 октября 1830 года», а окончания – «15 сентября 1833 г.»⁶. 11 июня 1831 г. Курская духовная консистория направило в Коренной монастырь письмо, которое было получено в монастыре 13 июня 1831 г. Публикуемый документ представляет собой два листа бумаги размером 23x36 см, с филигранью (водяными знаками) «1830» и «ЕБ». В архивном деле документ вшит неправильно: после первого листа (Л. 44) следует другой документ (Л. 45–50), а затем окончание публикуемого документа (Л. 51).

Учитывая сложную эпидемиологическую ситуацию в Курской губернии в 1831 г., Курская духовная консистория распорядилась изменить порядок крестного выноса иконы Знамения Божией Матери из Знаменского монастыря и последующей доставки ее в Коренную пустынь.

¹ Павловский Л. Холерные годы в России: Исторический очерк. СПб., 1893. С. 38.

² Тихомиров И.О. Очерки холерной эпидемии 1830 и 1831 годов в Курской губернии // Труды Курского губернского статистического комитета. Выпуск четвертый. Курск, 1874. С. 34.

³ Тихомиров И.О. Очерки холерной эпидемии 1830 и 1831 годов в Курской губернии // Труды Курского губернского статистического комитета. Выпуск четвертый. Курск, 1874. С. 103–104.

⁴ Васильев К.Г. История эпидемий в России (Материалы и очерки). М., 1960. С. 254–255.

⁵ Д-ский Н. Холера в 1830–1831 годах в Курской губернии // Исторический вестник. СПб., 1886. Т. XXV. С. 132.

⁶ Государственной архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 20. Оп. 2. Д. 136.

Археографическая подготовка документа произведена согласно «Правилам издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Текст публикуемого документа передан в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. При этом стилистические особенности текста сохранены. Неисправности текста, не имеющие смыслового значения (орфографические ошибки, искажения в терминах, географических названиях, фамилиях и т. п.), исправлены в тексте без оговорок. Пропущенные в тексте документа и восстановленные составителем слова (или части слов) заключены в квадратные скобки. Публикуемый документ снабжен легендой, содержащей сведения о названии архива, номере фонда, описи, дела, листа и др. Вступительная статья и документ для публикации подготовлены зам. директора по НИР ОКУ «Госархив Курской области», кандидатом исторических наук В. В. Раковым.

**Письмо Курской духовной консистории
игумену Коренного мужского монастыря
Паисию с братией**

**11 июня 1831 г.
№ 430**

Преосвященнейший Иннокентий епископ Курский и Белогородский и Кавалер от 9-го июня за № 39 по отношению г[осподина] Курского гражданского губернатора и Кавалера Павла Николаевича Демидова от 8-го июня за № 8113 по эстафете присланному, коим просил Его Преосвященство о сделании распоряжения, чтобы Икона Знамения Божией Матери по случаю сближения крестного выноса оной из Курска в Коренную пустынь, по причине свирепствования в городе Курске эпидемической болезни холеры, и происходящей от ней смертности людей, во избежание многолюдства, при имеемом быть стечении народа в Курск к определенному крестному с иконой ходу в Коренную пустынь, отвезена была туда, без всяких обрядов церемониала, по крайней мере, двумя днями ранее определенного на вынос туда иконы.

Сей времени изволим предписать Курского Знаменского монастыря отцу Архимандриту и Кавалеру Иоасафу, дабы: а) означенную Святую Икону Знамения Божией Матери Курской, согласно требованию г[осподина] губернатора, без всякого оглашения отправить в Коренную пустынь, с благонадежным иеромонахом и иеродиаконем, в приличном Святыне экипаже под прикрытием какого-либо числа военной команды, буде сие признает нужным Его Превосходительство. Г[осподин] гражданский губернатор, 16 числа сего июня, а до того заблаговременно, чрез Курской духовное правление, настоятелю Коренной пустыни игумену

Паисию с братией [изволил] предписать: в) чтоб он сделал подобающую Святой иконе встречу, но также без всякого о том оглашения приходящему на богомолие народу во избежание многолюдства; с) чтоб употреблял благовидныя средства и меры для входа богомольцев в монастырь не в большом количестве; d) во время бытия Святой иконы в пустыне, моление перед оной иконою отправлять, избегая народной тесноты, вне церкви, на приличном среди монастыря открытом месте, для чего: е) заблаговременно устроил для Святой Иконы, на случай дождя, благоприличную палатку, подобие балдахина, со всех сторон открытую; f) для очищения воздуха, в случае внесения иконы в церковь, где колодезь, приказал заблаговременно в верху церкви выставить, если не весь, то, по крайней мере, нужное, по усмотрению его, количество окон, а имеющиеся в нижних окнах форточки были бы всегда днем открыты; g) впускал в сию церковь для предосторожности от стеснения, тех только богомольцев, да и то по небольшому количеству, для коих отправляем быть имеет молебн Божией Матери; по окончанию же молебна, коль скоро кто из богомольцев приложится к Святой иконе, немедленно рекомендовал бы тому выходить из церкви и, наконец: h) имел в запасе все предохранительные от холеры средства, Правительством преподанные.

С предписанием какового Его Преосвященства предписания правление сие Вам для должного и непременно по нему выполнения и сообщает.

**Протоиерей Роман Гладкой
Иерей Иоанн Истоин**

ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 136. Л. 44–44 об., 51. Рукопись. Подлинник. Автографы.

**ОФИЦЕРЫ-БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ
В 1920-е гг.: СТАТИСТИЧЕСКАЯ СВОДКА
КУРСКОГО ГУБЕРНСКОГО ОТДЕЛА
ОГПУ ЗА 1924 г.**

Истории из жизни участников антибольшевистского движения, отказавшихся эмигрировать после завершения Гражданской войны (1917–1922 гг.), являются еще *terra ignota* (лат. «неизвестная земля») для исследователей первых десятилетий советской власти в России¹. В

¹ Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов н/Д, 2010; Некоторые истории о бывших участниках белого движения можно найти в работах западных ученых. См., например:

настоящее время в литературе делается акцент на роли офицерского корпуса антибольшевистских армий в Гражданской войне¹. Количество офицеров белых армий, их военное образование, тактическое искусство, безусловно, оказали влияние на исход проводимых ими операций на фронте. Публикуемый ниже документ позволяет обратиться к проблеме инкорпорации лиц, сражавшихся с большевиками, в «новое» советское общество, начинавшее путь своего становления.

Данная справка является частью переписки, которую вел губком с органами правопорядка и безопасности, которая находится на хранении в Государственном архиве общественно-политической истории Курской области в архивном фонде П-16 «Историко-партийный отдел Курского губкома РКП(б)». Губернский отдел ОГПУ занимался сбором сведений о лицах, прошедших фильтрационную проверку в лагерях на территории Курской и Орловской губерний в 1920–1922 гг. и зарегистрированных на местах после эвакуаций белых армий за рубеж². Информация о бывших «белогвардейцах» поступала в органы государственной безопасности не только из других губернских отделов ОГПУ, но и с места работы «лишенцев». Они лишались ряда гражданских прав, поскольку в Конституции РСФСР 1918 г. содержалась статья о поражении в правах для противников советской власти (духовенства, лиц, использующих наемный труд, «активных» контрреволюционеров)³.

Таким образом, справка может быть использована при изучении социальных процессов, происходивших в советском обществе в период перехода от военного коммунизма к НЭПу.

Текст публикуемого документа передан в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Публикуемый документ снабжен легендой, содержащей сведения о названии архива, номере фонда, описи, дела, листа и др. Вступительная статья и документ

Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. Смит Д. Бывшие люди. Последние дни русской аристократии. М., 2018.

¹ См., подр.: Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016; Его же. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018; Его же. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020.

² Об Орловском лагере см. подр.: Абинякин Р.М. Особый учет бывших белых офицеров в Советской России и СССР в 1920-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. № 3-1. С. 66–75; О фильтрации: Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 390–391.

³ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218. См. подр. о «лишенцах»: Маргиналы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х годов / под ред. С. А. Красильникова. М., 2017. С. 10–15; Валуев Д.Н. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.): (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012.

для публикации подготовлены студентом 4-го курса Высшей школы экономики Д. А. Капустиным.

**Статистическая таблица о бывших белых офицерах и чиновниках,
состоящих на особом учете и числящихся зарегистрированными в
Курском губернском отделе ОГПУ**

1924 г.

Курский уезд

Звание	Деникина	Врангеля	Петлюры и Гетмана	Прочих белых армий	Колчака
Чиновников	10	1	0	0	2
Прапорщиков	41	5	0	1	4
Подпоручиков	30	3	0	0	4
Поручиков	14	2	1	0	7
Штаб. капитанов	6	0	0	0	2
Капитанов	4	0	0	0	1
Подполковников	1	1	0	0	0
Полковников	3	2	0	0	0
Прочих	3	1	0	0	1
Всего по уезду	112	15	1	1	21

Белгородский уезд

Звание	Деникина	Врангеля	Петлюры и Гетмана	Прочих белых армий	Колчака
Чиновников	11	1	0	0	2
Прапорщиков	4	4	1	0	1
Подпоручиков	10	2	0	0	0
Поручиков	6	0	1	2	2
Штаб. капитанов	3	0	1	0	1
Капитанов	1	0	0	0	1
Подполковников	1	0	0	0	0
Полковников	1	0	0	0	0
Прочих	2	0	0	0	0
Всего по уезду	49	7	3	2	6

Грайворонский уезд

Звание	Деникина	Врангеля	Петлюры и Гетмана	Прочих белых армий	Колчака
Чиновников	1	0	0	0	0
Прапорщиков	8	0	0	0	1
Подпоручиков	5	1	1	0	0
Поручиков	5	0	0	0	2
Штаб. капитанов	1	0	0	0	0
Капитанов	0	0	0	0	0
Подполковников	0	1	0	1	

Полковников	0	0	0	0	0
Прочих	0	0	0	0	1
Всего по уезду	20	2	1	1	4

Дмитриевский уезд

Звание	Деникина	Врангеля	Петлюры и Гетмана	Прочих белых армий	Колчака
Чиновников	1	1	0	0	0
Прапорщиков	4	1	0	0	0
Подпоручиков	4	3	0	0	2
Поручиков	2	1	0	0	0
Штаб. капитанов	2	0	0	0	0
Капитанов	1	0	0	0	0
Подполковников	0	0	0	0	
Полковников	0	0	0	0	0
Прочих	0	0	0	0	1
Всего по уезду	14	6	0	0	2

Обоянский уезд

Звание	Деникина	Врангеля	Петлюры и Гетмана	Прочих белых армий	Колчака
Чиновников	3	0	0	0	0
Прапорщиков	4	0	0	1	0
Подпоручиков	3	1	0	0	1
Поручиков	2	0	0	0	0
Штаб. капитанов	0	0	0	0	0
Капитанов	1	0	0	0	0
Подполковников	0	0	0	0	0
Полковников	0	0	0	0	0
Прочих	1	0	0	0	0
Всего по уезду	14	1	0	1	1

Корочанский уезд

Звание	Деникина	Врангеля	Петлюры и Гетмана	Прочих белых армий	Колчака
Чиновников	1	1	0	0	0
Прапорщиков	4	1	0	0	0
Подпоручиков	4	3	0	0	2
Поручиков	2	1	0	0	0
Штаб. капитанов	2	0	0	0	0
Капитанов	1	0	0	0	0
Подполковников	0	0	0	0	0
Полковников	0	0	0	0	0
Прочих	0	0	0	0	1
Всего по уезду	14	6	0	0	3

Старо-Оскольский уезд

Звание	Деникина	Врангеля	Петлюры и Гетмана	Прочих белых армий	Колчака
Чиновников	1	0	0	1	0
Прапорщиков	3	1	0	0	1
Подпоручиков	1	1	0	0	2
Поручиков	3	1	0	0	0
Штаб. капитанов	0	0	0	0	0
Капитанов	0	0	0	0	0
Подполковников	0	0	0	0	1
Полковников	0	0	0	0	0
Прочих	0	0	0	0	1
Всего по уезду	8	3	0	1	4

Тимский уезд

Звание	Деникина	Врангеля	Петлюры и Гетмана	Прочих белых армий	Колчака
Чиновников	2	0	0	0	0
Прапорщиков	1	1	0	0	1
Подпоручиков	1	1	0	0	0
Поручиков	0	1	0	0	0
Штаб. капитанов	0	0	0	0	0
Капитанов	0	0	0	0	0
Подполковников	0	0	0	0	0
Полковников	0	0	0	0	0
Прочих	0	0	0	0	1
Всего по уезду	4	3	0	0	2

Львовский уезд

Звание	Деникина	Врангеля	Петлюры и Гетмана	Прочих белых армий	Колчака
Чиновников	1	0	0	0	3
Прапорщиков	6	1	0	0	1
Подпоручиков	2	1	0	0	0
Поручиков	2	0	0	0	0
Штаб. капитанов	0	0	0	0	0
Капитанов	2	0	0	0	0
Подполковников	0	0	0	0	0
Полковников	0	0	0	0	0
Прочих	0	0	0	0	0
Всего по уезду	13	2	0	0	4

Рыльский уезд

Звание	Деникина	Врангеля	Петлюры и Гетмана	Прочих белых армий	Колчака
Чиновников	3	0	0	0	1
Прапорщиков	5	0	1	0	0
Подпоручиков	6	1	0	1	0

Поручиков	1	1	0	0	0
Штаб. капитанов	0	0	0	0	0
Капитанов	1	0	0	0	0
Подполковников	0	0	0	0	0
Полковников	0	0	0	0	0
Прочих	1	0	0	0	0
Всего по уезду	17	1	1	1	1

ГАОПИКО. Ф. П-16. Оп. 1. Д. 239. Л. 28. Машинопись. Подлинник.

О. А. Черников

ДОКУМЕНТЫ АРХИВНЫХ ФОНДОВ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Одним из самых многочисленных блоков документов, относящихся к советскому периоду истории, хранящихся в государственных и муниципальных архивах, являются документы фондов сельских и поселковых Советов.

В Государственном архиве Курской области (далее – ГАКО) на сегодняшний день это 665 фондов, общей численностью 98 715 единиц хранения. Здесь в основном сосредоточены документы за период с 1943 г. (то есть с момента освобождения территории Курской области от немецко-фашистских захватчиков) по 1980 г. Документы довоенного периода в абсолютном большинстве фондов не сохранились, а более поздние находятся на хранении в архивах муниципальных образований области.

Сельские и поселковые Советы являлись по своей сути первичными органами Советской власти и выступали в качестве нижнего звена всей системы Советов.

Сельский Совет был выборным органом. В полном составе собирался на специальные сессии. Повседневную текущую работу осуществлял исполнительный комитет во главе с председателем.

Кстати, в советский период Советы трижды меняли свое название. Так с 1917 г. по 1936 г. они именовались Советами рабочих, солдатских (с 1918 г. – красноармейских), крестьянских депутатов. После принятия Конституции СССР 1936 г. – Советы депутатов трудящихся. После вступления в силу Конституции СССР 1977 г. – Советы народных депутатов.

Состав документов, хранящихся в фондах ГАКО, стандартен. В первую очередь это протоколы и книги сессий сельсоветов, заседаний исполкомов и различные документы к ним. Так же присутствуют

протоколы общих собраний и сходов граждан, документы по выборам, наказы избирателей, информация об отчетах депутатов.

Большой объем составляют различные планы работ, сметы расходов как исполкомов, так и учреждений, состоящих на его бюджете, утвержденные бюджеты и отчеты об их исполнении, книги доходов и расходов Советов.

Интерес представляют и различные статистические отчеты: о половом и возрастном составе сельского населения, о наличии трудоспособного населения, о строительстве жилых домов, хозяйственных построек, о численности и расходовании фондов зарплаты работников, состоящих на бюджете сельсоветов, о наличии скота в личных подсобных хозяйствах и т. д.

При этом следует констатировать, что несмотря на достаточно большой объем документов фондов сельских Советов, они являются маловостребованными со стороны исследователей. Используются они в основном сотрудниками архива при исполнении запросов социально-правового и имущественного характера. Хотя и исследователи советской истории вполне могут найти не мало интереснейшего материала.

Понятно, что здесь присутствует много идеологических моментов. Часто кажется, что документы писались по единому шаблону, вне зависимости от нахождения сельского Совета. Повсеместно обсуждались одни и те же вопросы, принимались абсолютно одинаковые решения и т. д.

Тем не менее, сохранившиеся документы позволяют проникнуться «духом времени», увидеть происходившие на протяжении нескольких десятков лет изменения, в том числе и в повседневной жизни советских людей.

Как уже отмечалось одним из основных источников являются протоколы заседаний исполкомов сельских Советов. Трудно сказать, какие только вопросы не затрагивались в ходе заседаний. Основное количество рассматриваемых проблем можно отнести к производственным (организация посевной и уборочной, подготовка техники, осуществление поставок продовольствия государству колхозами, закупка продовольствия у населения и т. п.), но присутствовало и другое.

Так среди вопросов, обсуждаемых на заседаниях исполкома Верхне-Любажского сельского Совета Фатежского района в 1944 г., значится минимум вопросов не связанных с производственной тематикой: о возвращении расхищенных колхозных построек и имущества, о расчистке дорог, о ремонте школ, рассмотрении жалоб и т. д. [8].

В мирное время число подобных вопросов возрастает. Например, в 1953 г. на заседаниях исполкома Мало-Локнянского сельского Совета Суджанского района обсуждались вопросы: о работе сельского клуба, о деятельности колхозного роддома, о состоянии дорог местного значения, о

назначении госпособий многодетным и одиноким матерям, о нарушении регистрации новорожденных и т. д. [14].

На повестке дня исполкома Пореченского сельского Совета Суджанского района в 1966 г. стояли вопросы: об утверждении состава детской комиссии при отделе милиции, отчеты о работе заведующих сельскими клубами и библиотеками, о строительстве и ремонте школ, о работе почтового отделения, о благоустройстве населенных пунктов, о работе роддома, об организации сезонных детских яслей, о распределении стройматериалов среди граждан, разбор актов о потраве скотом посевов и т. д. [19].

В 1975 г. исполком Верхотопенского сельского Совета Касторенского района обсудил следующие проблемы: о состоянии и мерах по улучшению вечернего и заочного обучения, о содержании скота в личных подсобных хозяйствах, о самовольном увеличении приусадебных участков, о соблюдении санитарного состояния в магазинах, расположенных на территории сельсовета, о подготовке школ к новому учебному году, о финансировании культпросветучреждений, о состоянии и мерах по улучшению торгового обслуживания населения, о работе сберкассы и т. д. [2].

При этом следует признать, что схожие вопросы стояли на повестке дня всех сельских Советов Курской области в указанные временные периоды. В документах же наиболее интересными, на наш взгляд, являются не сами доклады ответственных лиц и принимаемые решения, а содержание обсуждений конкретных вопросов. В выступлениях участников, как правило, содержится информация о реальном положении дел (и положительное, и негативное), а не приукрашенная действительность.

Кстати достаточно интересным является вопрос «Разное». Так исполком Лебяженского сельского совета Курского района в 1976 г. в «Разном» обсуждал: утверждение состава товарищеского суда, использование средств самообложения на благоустройство, отстрел бродячих собак, проведение праздников, утверждение распорядка дня работы отделения связи, создание комиссии по привлечению и закреплению молодежи на селе, вопросы ответственности за потраву сельскохозяйственных культур и т. д. [21].

В большинстве же сельских советов под «Разным» понималось рассмотрение заявлений граждан. Это заявления о разделе имущества между членами семьи, выделении (закреплении) земельных участков под застройку, разрешении (запрещении) застройки (перестройки) жилых домов и хозяйственных построек, выделении стройматериалов и топлива, утверждении договоров (купли-продажи, дарения, сдачи в наем), разрешении на прописку, установлении опекунов, предоставлении льгот при уплате сельскохозяйственного налога, выделении пособий

(многодетным матерям, матерям одиночкам, престарелым). В рамках «Разного» так же происходил разбор внутрисемейных конфликтов (как имущественного, так и личного характера) и споров между соседями (включая «классические» – межевые).

Значительно меньше подобной информации содержится в протоколах сессий сельсоветов, которые созывались не реже шести раз в год. Но тем не менее вопросы повседневной жизни присутствовали и здесь.

В качестве примера приведем повестки дня сессий Пореченского сельского Совета Суджанского района за 1966 г.:

5 февраля 1966 г.:

1. О состоянии хранения и ремонта техники в колхозах «Памяти Ленина» и им. Куйбышева.

2. Организационный вопрос;

20 апреля 1966 г.:

1. О культурно-бытовом обслуживании колхозников на весеннем севе и полевых работах.

2. О благоустройстве и санитарном состоянии сел, населенных пунктов Пореченского сельсовета;

16 мая 1966 г.:

1. О мерах воспитательной работы среди населения сельского Совета в свете решений 25 съезда;

2. О мобилизации трудоспособного населения на прорывку сахарной свеклы в колхозах «Памяти Ленина» и им. Куйбышева;

28 июля 1966 г.:

1. О ходе уборки урожая зерновых 1966 г. и культурно-бытовом обслуживании механизаторов и колхозников на уборке урожая;

2. О строительстве «Спутника» (кинотеатра – О. Ч.) в колхозе им. Куйбышева;

3. О государственном плане организованного набора рабочих;

28 августа 1966 г.:

1. О готовности школ Пореченского сельского совета к новому учебному году;

17 сентября 1966г.:

1. О состоянии и мерах по укреплению социалистической законности в сельском Совете;

26 ноября 1966 г.:

1. Отчет о работе исполкома Пореченского сельского Совета за 10 месяцев 1966 г.;

2. Отчет председателей комиссий по благоустройству, здравоохранению, сельскому хозяйству [18].

Одной из форм работы депутатов Советов (в том числе и сельских) являлись постоянные комиссии. Основными направлениями деятельности

таких комиссий являлись: предварительное рассмотрение и подготовка вопросов, относящихся к ведению сельского Совета, содействие проведению в жизнь решений Совета, контроль за деятельностью государственных органов, предприятий, учреждений и организаций.

Согласно ст. 48 Закона РСФСР от 19 июля 1968 г. «О сельском, поселковом Совете депутатов трудящихся РСФСР»: «Сельский, поселковый Совет депутатов трудящихся образует мандатную комиссию, планово-бюджетную комиссию, комиссию по социалистической законности и охране общественного порядка, а также с учетом местных условий постоянные комиссии по отдельным отраслям хозяйства и культуры». Таким образом, перечень части постоянных комиссий, как правило решавших вопросы повседневной жизни граждан, определялся сельсоветаами самостоятельно. Хотя на практике их «набор» был также стандартен.

Так в 1971 г. решением сессии Верхотопенского сельского Совета Касторенского района были сформированы следующие постоянные комиссии: мандатная, планово-бюджетная, сельскохозяйственная, культурно-бытовая, по социалистической законности и охране общественного порядка [1, л. 19 об. – 21 об.].

Фактически точно такие же комиссии в это же время были созданы решением сессии Липовского сельского Совета Черемисиновского района: мандатная, культурно-просветительная, сельскохозяйственная, планово-бюджетная, социалистической законности и охраны общественного порядка. [10, л. 12, 14].

Позднее на основе Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» и «Положения о комиссиях по борьбе с пьянством», утвержденного Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 августа 1972 г., фактически повсеместно данный перечень был дополнен постоянными комиссиями по борьбе с пьянством и алкоголизмом.

Документы постоянных комиссий включают протоколы, планы, списки и т. д. Наиболее же информативны протоколы заседаний. Они содержат краткие отчеты ответственных лиц, выступления в прениях, постановления комиссий. Здесь отражены, как правило, те проблемы с которыми ежедневно сталкивались рядовые граждане.

Так, культурно-бытовой комиссией Останинского сельского Совета Тимского района в 1965 г. были рассмотрены вопросы о работе сельского клуба, библиотеки, почты, магазина, медицинского пункта, о состоянии учебно-воспитательной работы в 8-летней школе, о состоянии и ремонте колодцев, о готовности школ сельсовета к новому учебному году, о готовности учреждений культуры к работе в зимних условиях [6].

Постоянная комиссия по культуре и быту Липовского сельского Совета Черемисиновского района на своих заседаниях в 1976 г. обсудила проблемы работы Сенчуковского медицинского пункта, магазина № 11, библиотеки Липовской 8-летней школы, сберегательной кассы, организации подписки на газеты и журналы, работы с животноводами в летний период, работы учреждений культуры и магазинов во время уборки урожая и т.д. [11, л. 15–28].

Культурно-бытовая комиссия Верхнелюбажского сельсовета Фатежского района в 1980–1981 гг. обратилась к вопросам улучшения торгового обслуживания работников, занятых на весенне-полевых работах, благоустройства населенных пунктов (в рамках прохождения эстафеты Олимпийского огня), работе Верхне-Любажского дома быта, работе педколлектива средней школы, работе дома культуры, участию медработников Верхне-Любажской больницы в профилактике санитарного состояния на фермах, населенных пунктов, в магазинах и других объектах и др. [9, л. 4–6].

Вопросы, которые можно отнести к освещаемой теме, затрагивались и на заседаниях других комиссий. Так, в 1970 г. планово-бюджетной комиссией Русановского сельского Совета Черемисиновского района были рассмотрены вопросы изыскания дополнительных средств для строительства интерната при Русановской 8-летней школе, выполнения плана товарооборота магазинами сельсовета, улучшения кинообслуживания населения [12, л. 5–8 об.].

Достаточно интересны и документы комиссий по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Здесь рассматривалась как организация профилактических мер, так и заслушивались лица злоупотреблявшие спиртным, нарушители трудовой дисциплины, дебоширы и т. д. При этом, если реально оценивать работу данных комиссий, то документы свидетельствуют о ее достаточно слабой эффективности [См., например: 7, 16, 17].

Среди документов, содержащих материал по исследуемой проблеме, интерес представляют наказания избирателей, отчеты депутатов, а также протоколы встреч избирателей с кандидатами в депутаты, где также содержатся наказания. По своей сути наказания это поручения избирателей, имеющие общественное значение. Одобренные предвыборными собраниями они, во многом, определяли содержание деятельности сельских Советов.

Именно в наказах отражены вопросы, решение которых граждане ставили на первое место. Так жители Малолокнянского сельсовета Суджанского района в 1956 г. желали:

1. Электрифицировать с. Малая Локня.
2. Телефонизировать колхозы сельсовета.
3. Радиофицировать населенные пункты сельсовета.

4. Снабдить колхозы материалами для механизации трудоемких работ на животноводстве.

5. Построить новые колодцы на территории д. Кругленькое, с. Малая Локня и 10 колодцев капитально отремонтировать.

6. Оказать содействие колхозам им. Советов и Авангард в получении автомашин.

7. Построить колхозный клуб в колхозе им. Хрущева.

8. Капитально отремонтировать колхозный клуб в колхозе Авангард.

9. Построить интернат для учащихся средней школы» [15, л. 1].

Среди наказов избирателей Зареченского сельского Совета Тимского района в 1967 г.: закончить электрификацию села, построить библиотеку, построить сарай, оказать помощь в строительстве жилых домов, ходатайствовать перед райисполкомом о строительстве родильного дома, построить скважинные колодцы и т.д. [5, л. 9–9 об.].

Наказы, высказанные на встречах с кандидатами в депутаты Русановского сельского Совета Черемисиновского района в мае – июне 1975 г., содержали предложения: запрудить пруд в д. Русаново, улучшить торговое обслуживание населения хлебом и крупяными изделиями, улучшить кинообслуживание населения, построить 4 колодца, оказать помощь строительными материалами в строительстве медицинского пункта в д. Русаново, отремонтировать коровник в д. Никитское [13, л. 1–2].

В 1980 г. план мероприятий Верхотопенского сельского Совета Касторенского района по выполнению наказов избирателей включал: открытие магазина в х. Колганчик, организацию регулярного движения автобуса Касторное – Верхотопье, строительство моста в х. Колганчик, ремонт Дома культуры, строительство бани, поддержание в надлежащем порядке дороги от Верхотопья до Семеновки, содержание в хорошем состоянии дороги в д. Малиновка, осуществление организованного завоза топлив населению, открытие приемного пункта [3, л. 1].

Следует отметить, что несмотря на то, что значительная часть наказов выполнялась [См., например: 4, 13], в то же время многие из них так и оставались несбыточной мечтой на протяжении длительного времени и переходили от одного депутата к другому, от одних выборов к следующим. О слабом исполнении наказов говорят и отчеты депутатов, написанные часто просто «под копирку» [20].

В целом же следует еще раз отметить, что документы, хранящиеся в фондах сельских Советов, содержат достаточно значительный объем информации, раскрывающих повседневную жизнь курского села и, на данный момент, они по-прежнему «ждут» своих исследователей.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2997. Оп. 1. Д. 162.
2. ГАКО. Ф. Р-2997. Оп. 1. Д. 196
3. ГАКО. Ф. Р-2997. Оп. 1. Д. 244.
4. ГАКО. Ф. Р-3287. Оп. 1. Д. 136
5. ГАКО. Ф. Р-3292. Оп. 1. Д. 112.
6. ГАКО. Ф. Р-3315. Оп. 1. Д. 47
7. ГАКО. Ф. Р-3324. Оп. 1. Д. 112
8. ГАКО. Ф. Р-3725. Оп. 1. Д. 1
9. ГАКО. Ф. Р-3725. Оп. 1. Д. 168.
10. ГАКО. Ф. Р-3809. Оп. 1. Д. 111.
11. ГАКО. Ф. Р-3809. Оп. 1. Д. 149.
12. ГАКО. Ф. Р-3818. Оп. 1. Д. 128.
13. ГАКО. Ф. Р-3818. Оп. 1 Д. 177.
14. ГАКО. Ф. Р-3865. Оп. 1. Д. 28.
15. ГАКО. Ф. Р-3865. Оп. 1. Д. 47.
16. ГАКО. Ф. Р-3865. Оп. 1. Д. 239.
17. ГАКО. Ф. Р-3865. Оп. 1. Д. 267.
18. ГАКО. Ф. Р-3868. Оп. 1. Д. 120.
19. ГАКО. Ф. Р-3868. Оп. 1. Д. 121.
20. ГАКО. Ф. Р-3868. Оп. 1. Д. 239.
21. ГАКО. Ф. Р-4568. Оп. 1. Д. 219.

Д. М. Носов

МАТЕРИАЛЫ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ 1960-х – 1980-х гг.: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА ТРАНСПОРТНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Совершенствование и развитие транспортной системы (грузоперевозок и пассажироперевозок) является важнейшей составляющей развития любой территории. От того, насколько быстро и удобно в рамках административно-территориального субъекта могут перемещаться люди и грузы, зависит скорость решения большинства социально-экономических проблем и вопросов.

К середине 1960-х гг. железнодорожный транспорт, который являлся основным на территории Курской области, фактически исчерпал свой потенциал: имеющаяся железнодорожная сеть не могла в полной мере обеспечивать транспортом непрерывно возрастающую мобильность населения, особенно в вопросах перемещения внутри региона. Требовалась

выработка принципиально новой схемы транспортной инфраструктуры региона. И на протяжении последующих двадцати лет данная схема путем проб и ошибок постепенно реализовывалась. Основывалась она на формировании внутри региона сети автомобильных дорог с твердым покрытием, которые бы могли обеспечить более быстрое и удобное перемещение населения внутри области. Также данная сеть была более удобной и для организации грузоперевозок.

Данный процесс нашел свое отражение во многих источниках: от периодической печати до официальных документов исполнительных органов власти региона. Однако не стоит упускать из вида еще один весьма значимый исторический источник – документы партийных организаций региона. Подробному разбору данного вида источников и посвящена настоящая работа.

В ряду социально-экономических вопросов, которые регулярно обсуждались как государственными, так и партийными органами власти, транспортное обслуживание населения занимало далеко не первое место. В 1960-е гг. Курская область продолжала оставаться преимущественно аграрным регионом с преобладающим сельским населением, которое традиционно считается маломобильным. Однако уже в этот период времени решение многих экономических проблем региона требовало перемещения значительного числа людей по территории области. Это были преимущественно учебные и трудовые миграции.

В изучаемый период большая часть вопросов, связанных с трудовыми миграциями, рассматривалась партийными органами преимущественно в отношении города Курска и крупнейших строек региона. В изучаемый период строились Курская атомная электростанция и Михайловский горно-обогатительный комбинат. И, если проблема доставки рабочих на строительство атомной электростанции и ГОКа преимущественно решалась за счет организации централизованных перевозок самими предприятиями [1, л. 40–42], то транспортное обслуживание населения города Курска было постоянной «головной болью» местных властей. Большинство выявленных нами документов, в которых рассматриваются вопросы транспортного обслуживания, касаются ситуации в Курске и его пригородах. Однако немало документов, в которых имеются сведения об организации пассажироперевозок и в районах региона.

С точки зрения видовой принадлежности в большинстве своем они представлены деловой перепиской, аналитическими справками и информацией, а также отчетами о проделанной работе, что все вместе можно определить как делопроизводственные документы.

Выявленная переписка между различными партийными организациями (письма из обкома КПСС в горкомы и райкомы партии), между партийными организациями и исполкомами (областным,

городскими и районными), а также между партийными организациями и отдельными предприятиями, преимущественно представляет собой обмен информацией о выполнении тех или иных решений партийно-государственного руководства страны и региона. Значительная часть данной документации отложилась в фонде Курского обкома КПСС (П-1). Приведем лишь несколько примеров. Так, в письме, датированном 17 сентября 1971 г. руководство Курского отделения Московской железной дороги информировало обком КПСС о проделанной работе в деле повышения заработной платы на предприятии и как это сказалось на организации работы отделения, с том числе и на качестве пассажироперевозок [2, л. 68–75].

В интересном недатированном письме от Пристенского райкома КПСС в адрес Курского обкома партии приведены подробные сведения об организации пассажироперевозок на территории района в 1976–1977 гг., а также об их объемах [1, л. 34–36].

Не менее информативными для нашего исследования являются аналитические справки, которые отложились в документах партийных организаций различного уровня: от первичных парторганизаций до обкома КПСС. Это первичные документы, в которых в большинстве своем изложены основные направления работы организаций, связанных с перевозками пассажиров, проблемы, с которыми они сталкиваются, и основные итоги.

Так, в архивном фонде парторганизации Курского трамвайно-троллейбусного управления (П-2095) за 1974 г. отложилась серия подобных справок:

– две справки освещают работу троллейбусного депо за 1973 и первое полугодие 1974 гг.: в них весьма подробно изложены вопросы развития троллейбусного сообщения в городе Курске, а также представлено видение перспективы развития данного вида транспорта [3, л. 9–12, 50–55];

– справка о работе Северного трамвайного депо за полтора года (1973 – первое полугодие 1974 г.), в которой особое внимание было уделено замене устаревшего оборудования, а также расширению имеющихся мощностей [3, л. 58–64];

– и справка о работе Южного трамвайного депо за 9 месяцев 1974 г., в которой указаны не только итоги работы, но и аналитические сведения о расширении площадей и увеличении количества единиц подвижного состава [3, л. 80–83].

Большое значение для нашего исследования имеют информации, которые обсуждались на партсобраниях и собраниях активов. Чаще всего в них излагались определенные отчетные сведения, а также ключевые проблемы, с которыми сталкивались предприятия и учреждения, осуществлявшие перевозки пассажиров. Так, к примеру, в фонде

парторганизации управления междугородних перевозок (П-1546) отложились несколько информации об организации междугородних перевозок автобусами учреждений Курской области за 1984–1985 гг. В них имеются сведения о более чем ста междугородних маршрутах, что говорит о большой востребованности и интенсивности этого вида перевозок пассажиров [4, л. 127–131; 5, л. 26–30].

Отдельно стоит выделить отчетную документацию, которая сохранилась в фондах партийных организаций лучше всего. Так, серьезный массив отчетной документации сохранился в архивном фонде Курского городского комитета КПСС (П-2878). В большинстве своем это отчеты предприятий, организующих пассажироперевозки, чьи конторы находились в Курске. Крупнейшими из них были автоколонна № 1307, ПАТП-2, трамвайно-троллейбусное управление и другие. Отложились отчеты по каждому виду пассажирского наземного транспорта (автобусы, трамваи, троллейбусы, таксомоторы).

Наиболее интересными для нашего исследования представляются отчеты о работе таксомоторного парка [6, л. 176–193]. Данному виду транспорта практически не уделялось внимание в документах органов исполнительной власти, а документы ПАТП-1, к которому относился таксомоторный парк не сдавались на хранение в госархивы и в настоящее время найти их место хранения не представляется возможным, так как само предприятие было ликвидировано еще в 1990-е гг.

Еще одной важной группой партийных документов, которые были использованы в нашем исследовании, являются документы об участии различных организаций, связанных с пассажироперевозками, в социалистических соревнованиях (месячных, годовых и пр.), чаще всего нам встречалась информация о выполнении социалистических обязательств, а также документы об их итогах. К примеру, интересные сведения о ходе и выполнении социалистических обязательств были поданы в Курский обком КПСС Фатежским райкомом, где указывались точные цифры пассажироперевозок, количество имеющихся автобусов, а также состояние инфраструктуры [7, л. 1].

Достаточно информативными для нашего исследования также являются протоколы партийных собраний и собраний актива организаций, занимавшихся пассажироперевозками. Несмотря на то, что данные документы являются массовыми как по форме, так и по содержанию, в большинстве своем они содержат уникальную информацию по изучаемому нами вопросу. Зачастую эти сведения имеют негативную окраску, но совмещение историко-проблемного метода и источниковедческого анализа позволяет объективно оценить и данную информацию. К примеру, в фонде Курского обкома КПСС имеется протокол заседания парткома Курского железнодорожного узла от 18 августа 1983 г., на котором подробно разбирался вопрос об обслуживании пассажиров разъездными кассирами

[8, л. 37–47]. Данная услуга стала оказываться пассажирам поездов дальнего следования еще в 1973 г. и за 10 лет приобрела большую популярность. Была разработана система подготовки документов: бланки прямых плацкарт заполнялись разъездными кассирами заранее вместе с квитанциями о комиссионном сборе, которые при вручении документов пассажирам ими же на месте оплачивались [9]. К 1983 г. ежегодно таким образом продавались несколько сотен тысяч билетов. С такими объемами уже не справлялись работавшие разъездные кассиры, поэтому требовалась выработка нового подхода, что подробно и обсуждалось на заседании парткома.

Стоит отметить, что подобного рода документы являются основными, отложившимися в партийных фондах. Их изучение занимает особое место: оно наиболее трудоемкое, но их анализ позволяет разобраться не только в объективных проблемах работы учреждений, но и субъективных, которые зачастую являлись более значимыми.

Обобщая приведенные в настоящей работе сведения, мы можем сделать вывод о серьезной значимости документов партийных организаций при изучении вопросов, связанных с транспортным обеспечением населения Курской области в 1960-е – 1980-е гг. Эти документы расширяют и дополняют уже имеющиеся сведения по данному вопросу, выявленные в фондах органов власти и управлений, а также в периодических изданиях. Однако особую ценность партийные материалы представляют еще и в связи с тем, что большая часть организаций, осуществлявших пассажироперевозки, не сдали свои документы в Госархив Курской области. Таким образом, партийные документы становятся чуть ли не единственными первичными источниками информации по изучаемым нами вопросам.

Источники и литература

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 66. Д. 112.
2. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 58. Д. 519.
3. ГАОПИКО. Ф. П-2095. Оп. 1. Д. 75.
4. ГАОПИКО. Ф. П-1546. Оп. 1. Д. 28.
5. ГАОПИКО. Ф. П-1546. Оп. 1. Д. 29.
6. ГАОПИКО. Ф. П-278. Оп. 29. Д. 33.
7. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 63. Д. 129.
8. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 74. Д. 96.
9. Курская правда. 1974. 30 марта.

Н. В. Золоторева

**О НЕКОТОРЫХ РАРИТЕТАХ НАУЧНО-СПРАВОЧНОЙ
БИБЛИОТЕКИ ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
(ОБЗОР ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ
ОБМЕННОГО ФОНДА)**

Есть разные способы знакомить читающую публику с книжными фондами библиотек – это и обзоры, и небольшие очерки из истории книг. Для раскрытия фонда библиотеки, приближения документов к читателю интереснее всего будет обратиться к библиографическому обзору. Это первый обзор книг, хранящихся в обменном фонде библиотеки. К сожалению, были утрачены сведения о времени создания этого фонда, да и название не было четко определено: его называли иногда резервным, иногда обменным. Но в архиве был найден документ, из которого становится ясно, что фонд назывался обменным, и к июлю 1930 г. он уже существовал [1, л. 104]. Данный обзор вводный, он включает издания по многим отраслям знаний, но последующие библиографические сообщения мы планируем сделать систематическими.

Обычно книги поступают в библиотеки как рядовая книжная продукция, а раритетами они становятся позднее, в силу самых разных причин: становясь прижизненными изданиями классиков отечественной и зарубежной науки и литературы, краеведческими изданиями, книгами крупных издательств и издателей. Также большой интерес вызывают книги, если на них обнаруживаются экслибрисы, автографы и владельческие записи. Каждый раз, попадая в руки нового владельца, она приобретает неповторимую индивидуальность. Вот одно из изданий, которое сочетает в себе едва ли не все эти признаки.

«Теория вексельных курсов. Сочинение Георга Гёшена, члена Английского парламента» таково полное название первой, выбранной для обзора, книги. Издана она была в 1867 г. и считается прижизненным изданием. Джордж Иоахим Гёшен (1831–1907) был британским государственным деятелем и финансистом. Его книга занимает почетное место в экономической литературе Запада. В короткое время она пережила 6 английских изданий и была переведена почти на все европейские языки, в том числе и на русский. Это единственное научное изложение одного из важнейших вопросов политической экономии. Книга Гёшена написана популярным языком, чтение ее доступно каждому.

Этот экземпляр представляет уникальный образец переплетного дела. Переплет, являясь по существу «одеждой» книги, несет на себе отпечаток эпохи определенного художественного стиля. Обложка «слепая» (на ней ничего не напечатано), полу-кожаный переплет, корешок и углы обтянуты кожей, крышка и форзац выклеены пестрой бумагой ручной

выделки «под мрамор», продольные полосы в виде узорчатых линий делят корешок на 4 прямоугольника, так называемый бинтовой корешок. Во втором сверху золотым теснением указан автор книги. Кроме того, в ней имеется и каптал¹, и мраморный обрез², и ляссе³, правда, с течением времени она была почти утрачена.

В 1870-х гг. в русском переплетном деле происходит технический переворот: возникают первые русские фабрики по выпуску массовых издательских переплетов всех типов и видов. В целях рекламы фабричной продукции на форзацах задней крышки переплета появляются особые клейма, отпечатанные типографским способом, с именем или знаком владельца фабрики. Аналогичные клейма и тиснения появляются и на индивидуальных владельческих переплетах. На форзаце задней крышки данного экземпляра именно следующее клеймо: «Переплетная К. Экгарда, Васильевский остров, 8 линия, № 25». А на титульном листе дан адрес типографии Тиблена, и он совпадает с адресом мастерской. И типография, и переплетная мастерская находились в одном здании – особняке К. Задлера (отца жены Тиблена, петербургского врача, лечившего Пушкина в последние дни его жизни).

А теперь обратим внимание на форзац книги – там стоят два штампа. Один из них принадлежит библиотеке 4-й пехотной Курской школы Комсостава Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Эта школа располагалась в бывшем здании Курского епархиального женского училища по ул. Скорняковской (Блинова, 23) с декабря 1919 по 1924 г. [2, с. 33]. Можно было бы предположить, что книга перешла из одной библиотеки в другую, но штамп женского училища не стоит, да и тематика этой книги вряд ли подошла бы для учащихся. Но благодаря второму штампу можно понять, как изначально эта книга попала в Курск. «Книжный магазин для иногородних. Невский против Гостиного двора, д. 44». Судя по тому, что в конце некоторых слов стоит буква «Ъ», а ее отменили только в 1918 г. благодаря реформе русской орфографии, информацию о магазине надо искать в дореволюционное время. И правда, в конце XIX в. в Петербурге появились «...подвижные формы торговли, в том числе почтово-посылочные. Они назывались еще «Магазины для иногородних» [3, с. 117–118].

Следующая книга, о которой необходимо рассказать, интересна многими аспектами. Это прижизненное (1873) издание английского путешественника, историка, журналиста и литературного критика Вильяма

¹ Каптал – хлопчатобумажная тесьма с утолщенной кромкой, приклеенной к корешку книжного блока с целью наиболее прочного скрепления листов книги, а также её украшения

² Мраморный обрез – поверхность торца книжного блока, обрезанного, как правило, с трех сторон, для выравнивания составляющих его листов.

³ Ляссе – ленточка-закладка, прикрепленная к верхней части корешка

Диксона (1821–1879). В 1866 г. он путешествовал по Соединенным Штатам Америки, где внимательно изучал деятельность американских сект. Сведения о них, вместе с другими результатами путешествия, автор изложил в книге «Новая Америка». В оглавлении перечисляются многочисленные общества, церкви, учения: «Общины краснокожих», «Индийский вопрос», «Новый Иерусалим», «Мармонский театр», «Полигамическое общество», «Учение о многоженстве», «Спиритизм», «Пантагамия» и еще много интересного. Сразу после выхода в свет в 1867 г. книга стала невероятно популярной: только за три месяца последующего года она выдержала восемь переизданий и была переведена на многие языки. Важно отметить высокое качество бумаги и рисунков, напечатанных в Лондоне специально для этого издания.

Несколько слов об издателе этой книги. Имя Николая Петровича Полякова (1843–1905) навсегда связано с первым в России изданием перевода «Капитала» К. Маркса. Он также подготовил к изданию не менее 50 книг, которые сыграли немалую роль в русском общественном движении того времени. Все это позволяет считать Н. П. Полякова одним из самых значимых русских издателей. Но фамилии Полякова на этой книге вы не найдете, как и на многих других, которые он подготовил к изданию. На некоторых из них (для маскировки от цензуры) издателем значится «Русская книжная торговля». Поляковские издания вообще довольно трудно выявлять. Но нам повезло. Наше издание внесено в список тетради-каталога Полякова, которая была обнаружена в начале 1970-х гг. в запасном фонде библиотеки Института марксизма-ленинизма ЦК КПСС. «№ 96. Диксон. Новая Америка. СПб., 1868, изд. 2-е» [4, л. 1]. Эта запись с полным основанием говорит о принадлежности Полякова как издателя. И дополнительно еще одно доказательство состоит в том, что перевод для этой книги сделан Варфоломеем Александровичем Зайцевым (1842–1882), одним из основных переводчиков издателя Полякова.

На форзаце книги стоит штамп «Курская Мариинская женская гимназия» и владельческая запись «Из книг Н. Гладкова». По этим отметкам можно проследить путь книги: сначала этот экземпляр принадлежал Николаю Васильевичу Гладкову (?–1904), уроженцу Курска, купцу первой гильдии. Он входил в состав попечительских советов женских гимназий, и можно предположить, как книга оказалась в Мариинской гимназии.

Не менее интересна и уникальна книга «Соединенные Штаты Северной Америки: из путешествий 1857–1858 и 1869–1870 годов». Вышла она в 1873 г. Ее автор – писатель-путешественник Эдуард Романович Циммерман (1822–?) в 1857 г. совершил двухлетнее путешествие по США и Венесуэле, а в 1869 и 1870 гг. – вторично по Североамериканским Соединенным Штатам. Книга Циммермана замечательна во многих отношениях. Во-первых, она дает огромный

фактический материал о важных событиях истории Северной Америки. Книга написана ярким языком, с такими интересными подробностями в области градостроительства, эмиграции, народного образования, прав граждан, отношения к коренным народам, описание жизни негров после отмены рабства. Хочется привести хотя бы один отрывок из книги: «...здоровая американская цивилизация, внедрившись в стране, не дает в ней укорениться вредным началам, грозящим опасностью личной свободы и общественному благосостоянию людей, не изменяя при том ни своей веротерпимости, ни своим, основанным на народном самоуправлении, законам. Мормонизм с его многоженством, шакерство с его безбрачием, учение вольной любви – и все подобные частные попытки изменить обычный строй жизни могут разве послужить, в свою очередь, спасительным предостережением для современного общества, указывая ему на то, что в недрах современного гражданского быта скрываются коренные недостатки, подающие повод к зарождению подобных сект. Американская цивилизация, не препятствуя им развиваться на просторе и не страшась сама заразы, дает, таким образом, возможность обнаружиться всякому общественному недугу и тем самым открывает более надежные к радикальному его исцелению» [5, с. 138–139]. Это мысли «здоровой» американской цивилизации, но выходит спустя 150 лет «захворали!».

Во-вторых, сотоварищ этого путешествия, Михаил Иванович Хилков – имеет необыкновенную яркую биографию, и пройти мимо нее невозможно, тем более что его судьба была связана с Курской губернией. М. И. Хилков (1834–1909) – российский государственный деятель из княжеского рода. Начальное образование получил дома, по окончании Пажеского корпуса служил в лейб-гвардии Егерского полка. В 1860-х гг., когда появилось либеральное течение по освобождению крестьян, он раздал большую часть своих земель крестьянам и, будучи крайне либеральных воззрений, уехал в Америку почти без всяких средств. В 1864 г. снова уехал в Америку на службу в англо-американскую компанию по сооружению трансатлантической железной дороги простым рабочим. Оставив Америку, он около года прослужил слесарем на паровозном заводе в Ливерпуле. По возвращении на родину был назначен начальником пути на Московско-Киево-Воронежской железной дороге. А с 1895 по 1905 г. – министр путей сообщения Российской империи. Это был министр, при котором Россия стала великой железнодорожной державой.

А теперь, внимательно рассмотрим саму книгу.

Это издание прижизненное, хотя дата смерти автора неизвестна. В энциклопедии Брокгауза и Эфрона есть такая фраза: «...Восемь лет спустя, после вторичного путешествия по Америке в 1869 и 1870 гг., Циммерман посетил в кругосветном путешествии Австралию, Зеландию, Гавайские острова и Северную Америку» [6, с. 185–186]. То есть, книга была издана за 5 лет до данного путешествия.

На титульном листе стоит штамп Курского общественного клуба. Образован был клуб в 1864 году, занимался благотворительной деятельностью, организацией досуга горожан и другими общественными делами, размещался на 2-м этаже первого углового здания Московской улицы на правой стороне (угол Гостиной) [7, с. 29]. Судя по отчетам Курского общественного клуба, там же находилась библиотека, которая по количеству и разнообразию работ была весьма обширной: только на закупку книг, газет, журналов, корточек для библиотеки, переплет, составления и печатания каталога тратились очень приличные средства. В 1912 г. доход от продаж библиотечных каталогов составлял 653 руб., это при том, что цена одного каталога равнялась одному рублю [8, с. 37]. На балансе только одних библиотечных шкафов стояло 25 штук [9, с. 7–8].

В конце книги есть карта железной дороги от Нью-Йорка до Сан-Франциско.

Следующее издание «Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная». Книга была переиздана 12 раз (последнее издание вышло в 1874 г.) и стала крупнейшим вкладом в русское языкознание. Наш экземпляр был издан в 1848 г., это седьмое издание, прижизненное. Подготовка книги заняла три года. Это был учебник, где простым и понятным языком излагались новаторские схемы грамматики русского языка. Вот одна из них: при господстве универсальной теории о наличии трех главных членов предложения: подлежащего, сказуемого и связи, автор сумел укрепить учение о двух главных членах предложения. Но рассказ наш коснется не только учебника, популярного в XIX в., но и его автора – интереснейшего исследователя-славяниста и библиотекаря.

Александр Христофорович Востоков (1781–1864) был внебрачным сыном барона Х. И. Остен-Сакена и немцем по происхождению. Как незаконнорожденный, он был отдан на воспитание в приемную семью в Ревель, и первым его языком стал немецкий, но еще в раннем детстве Востоков выучил русский, и всю жизнь считал его родным. В семилетнем возрасте его отправляют на учебу в Петербург, дав фамилию Остенек, по окончании обучения он переименовал ее на Востоков. Далее учеба проходила в Сухопутном кадетском корпусе, где его готовили в корпусные учителя, но так как с детства он заикался, и в подростковом возрасте его заикание стало усиливаться, то к преподаванию его признали непригодным. Эта болезнь обрекла его впоследствии почти на полную немоту. Но физический недостаток совершенно не мешал заниматься наукой и литературной деятельностью. На протяжении многих лет он занимал различные казенные места, в том числе был хранителем рукописей в Императорской публичной библиотеке, старшим библиотекарем в Румянцевском музее. Востоков был основоположником сравнительно-исторического языкознания в России. Он доказал, что все славянские

языки восходят к одному источнику (праславянскому языку), установил фонетическое соответствие в области гласных звуков между славянскими языками, как доказательство их истинной близости.

Александром Христофоровичем было введено в оборот женское имя Светлана. Оно было образовано по образцу реально существовавших древних славянских имен типа Беяна, Милана. Востоков дал это имя героине своей поэмы «Светлана и Мстислав», которая была напечатана в 1802 г. Широкую известность имя получило после публикации в 1813 г. баллады Жуковского «Светлана». Таким образом, Светлана – уникальное имя, возникшее в русской литературе и получившее широкое распространение в качестве настоящего личного имени.

В фонде нашей библиотеки хранится фундаментальный труд Востокова «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума». По просьбе графа Румянцева ученый составил обстоятельный каталог коллекции славянских рукописей. Работа длилась целых 10 лет, каталог содержит палеографическое, археологическое и литературное описание 473 рукописей. Напечатанный в 1842 г. огромным томом в 899 страниц, каталог используется и по сей день при работе с собранием, хранящимся ныне в фондах Российской государственной библиотеки. Недаром этого ученого, вписавшего немало ярких страниц в историю русской лингвистической науки, уважительно называют отцом славянской филологии.

И, конечно же, заслуживает внимание книга А. А. Каменского «В. Э. Гладстон. Его жизнь и политическая деятельность» 1892 г. издания из серии «Жизнь замечательных людей». Создатель этой серии (выходила с 1889 по 1915 г.) Флорентий Федорович Павленков (1839–1900) – один из крупнейших книгоиздателей и редакторов России. В небольших по формату и объему, стоимостью 25 коп., скромно оформленных книжках читателю предлагались биографии выдающихся деятелей мировой науки, истории, литературы, искусства. Павленков подходил критически к отбору имен для серии. Биографии замечательных людей составлялись на основании лучших научных источников и популярно излагались. Павленков высоко ставил роль книжного издателя: он учитывал воспитательное значение своей деятельности и моральную ответственность за качество выпускаемых книг. Может быть, поэтому он помещал свое имя не внизу обложки и титульного листа, как это было принято, а наверху: «Жизнь замечательных людей. Биографическая серия Ф. Ф. Павленкова». Всего при жизни Флорентия Федоровича было напечатано 200 биографий тиражом свыше 1,5 млн экз. В Советской России эта серия не переиздавалась и фактически была выключена из культурного обихода, трансформированная в горьковскую «ЖЗЛ».

Автором этой книги, написавшим семь биографических очерков для библиотеки «ЖЗЛ», является Андрей Васильевич Каменский (1843–?) – русский литератор и переводчик с английского языка.

Биографический очерк посвящен Уильяму Гладстону (1809–1898) – английскому государственному деятелю и писателю, 41-му, 43-му, 45-му и 47-му премьер-министру Великобритании. Хочется привести отрывок из книги, который дает некоторое представление о Гладстоне, как о политике: «Во время переговоров о мире при окончании Крымской войны, когда вся Англия была против России, он доказал, что ограничение русского влияния на Черном море слишком тяжелое для России требование. А в самый разгар войны называл продолжение ее из-за славы “безнравственным, бесчеловечным и нехристианским”» [10, с. 82].

На каком-то этапе работы с книгой наше внимание привлекли инициалы, стоявшие нижней части корешка переплета: « 2 Ж.Г.». И ряд других экземпляров шрифтовые ярлыки: «С.П.Б.», «К.О.К.». После некоторых исследований, сопоставлений мы пришли к выводу, что инициалы на корешке книг и заглавные буквы на проставленных штампах идентичны. Например: «С.П.Б.» – Семеновская Публичная Библиотека, «К.О.К.» – Курский Общественный Клуб. Многие книги на протяжении XIX – начала XX вв. выходили из печати в обложке, а затем по желанию заказчика заключались в тот или иной переплет. Инициалы владельцев книг был характерным элементом оформления владельческих переплетов, и назывался он суперэкслибрисом. Наша книга не имеет штампа, но по владельческому знаку на ней можно с большой уверенностью сказать, что принадлежала она 2-й женской гимназии. Пусть мы не всегда можем проследить историю книги, но знать начало, это не так уж мало.

На титульном листе обращает на себя внимание запись: «С портретом Гладстона, гравированным в Лейпциге Геданом». Дело в том, что каждая книга этой серии была снабжена портретом, создание которого каждый раз требовало от гравера и издателя тесного сотрудничества. Некоторые заграничные граверы были всемирно известны и их мастерские имели международные связи, например, Гедан из Лейпцига. Каким образом производились заказы заграничным гравером? С имеющегося рисунка или с натуры получали фотографическую карточку. Фотографический негатив (желатинную пленку) бережно снимали со стекла и посылали в конверте письмом из Петербурга в Лейпциг. Рисунок с негатива легко переносился на дерево. Оставалось лишь гравировать. Гедан имел большую мастерскую, где работали до 40 человек рабочих-мастеров. Сам Гедан гравировал только головы, остальное предоставлял своим помощникам. При таком разделении труда Гедан успевал награвировать до 215 портретов в год. Из Лейпцига книги пересылались издателю. Все это стоило немалых денег. Так создавалось одно из самых дешевых изданий.

Во второй четверти XX в. выходило много общедоступных сочинений, популярных лекций по различным отраслям науки. В распространении знаний принимали участие передовые ученые. Примером сочинений такого рода может служить «Общепонятная физика. Ч. 2», хранящаяся в обменном фонде.

Автор этой книги Николай Григорьевич Писаревский (1821–1895) – ученый, специалист в области электрических средств связи, фотографии и топографии, общественный деятель, организатор и директор первого в России высшего электротехнического учебного заведения. Н. Писаревский – автор первой популярной книги о физике в России. Сочинение выходило дважды. Первое издание имело практическое приложение, и было вполне доступно малообразованному читателю. Но иногда ради простоты автор жертвовал точностью. Наше издание относится к 1856 г., и это уже второе издание, где ученый проделал огромную работу: учел новые наблюдения, рассказал о последних открытиях и изобретениях. Многочисленные рисунки, а их 582, помогают понять объяснения автора. Второе издание набрано двумя шрифтами: крупным – то, что адресовано неподготовленному читателю, мелким – ученые доказательства. «Общепонятная физика» еще долго оставалась важнейшим пособием для самообразования.

На рубеже XIX–XX вв. резко выросли тиражи научно-популярных изданий, они нередко достигали 10 тыс. экз. Такой тираж имела книга «Беседы о природе» Николая Матвеевича Зобова (1822–1873). Она выдержала несколько изданий, в библиотеке госархива хранится 19-е, выпущенное в 1914 г. И не удивительно! Издание удостоено Комитетом грамотности второй премии, Министерством Государственных имуществ золотой медали, рекомендована по ведомству учреждений Императрицы Марии, одобрена военно-ученым комитетом Главного Штаба для войск. Благодаря превосходной популяризации предмета, она разошлась во многие издания и была рекомендована для начальных училищ и публичных народных чтений. Это сочинение было востребовано и в вечерних рабочих школах, а учителя из Смоленских классов, в том числе Н. К. Крупская, включали «Беседы о природе» в перечень книг обязательных для изучения. «Человек дошел до того, что может с величайшей точностью вымерять теплоту: узнать, например, насколько вчера было холоднее в Архангельске, чем в Курске, в Петербурге, чем в Москве. Прибор для измерения теплоты называют термометр. Это иностранное слово, а по-русски оно значит: измеритель тепла, тепломер. Но, обыкновенно, прибор этот называют термометром, и я советую вам хорошенько запомнить это слово; его не трудно и выговорить. В науке нельзя объяснить без иностранных слов, а знаете почему? Потому что иностранцы, т. е. немцы, французы, англичане гораздо прежде нас, русских, начали учиться и узнавать законы природы. Вот у нас и явились

слова для обозначения различных предметов, относящихся к науке. Теперь уже эти слова выдумывать поздно, поневоле приходится брать готовые иностранные слова; да в этом и нет большой беды» [11, с. 55]. Какой ясный и выразительный слог! Так кто же автор этой книги, которую по достоинству оценили и власть, и будущие революционеры?

Николай Матвеевич Зобов – известный лесовод и активный общественный деятель середины XIX в. Он прошел путь от таксатора и подлесничего до профессора Санкт-Петербургского земледельческого и лесного института. Работая лесником 11 лет в Свяжском лесничестве, он страстно предался изучению природы и, особенно, ботаники, ставшей на всю жизнь его любимым предметом. Умение мастерски популярно излагать предмет, не в ущерб при этом научному характеру, огромное количество рисунков и таблиц (63 рисунка и 9 таблиц с помещенными на них политипажами¹) – все это для массы читателей сделало книгу любимой.

Также в обменном фонде хранится издание, посвященное Крымской войне 1853–1856 гг. По велению Александра II были собраны воспоминания непосредственных участников боевых действий во время Севастопольской обороны – всех желающих их предоставить, независимо от чинов и званий, зачастую анонимно, что давало возможность откровенно излагать ход событий. Рукописи представляли собой дневниковые записи, подробные письма и аналитические заметки боевых офицеров. «Сборник рукописей, представленных Его императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами» вышел в 1872 г. в трех томах, в библиотеке хранится первый том. Мемуары наполнены живыми деталями военных событий и быта, в них тесно переплетаются юмор и трагедия. Книга не отпускает, не оставляет равнодушным и может стать источником интереснейших фактов не только для специалистов, но и для всех, кто увлечен подлинной российской историей.

На страницах этой книги можно найти документ, подтверждающий участие дружин Курской губернии в боях в самые тяжелые дни обороны Севастополя [12, с. 446–447]. А так же воспоминание о князе Барятинском (1815–1879), который в июле 1855 г. был назначен состоять при Александре II (1818–1881) в Николаеве «...где не один раз представлял Его Величеству об опасности оставаться в Николаеве; но Государь Император продолжал оставаться в городе, и эта твердость вселила уверенность в жителей» [12, с. 290].

Как художник-гравёр над этой книгой работал первый в истории отечественного искусства академик гравирования по дереву, основоположник тоновой репродукционной ксилографии в России

¹ Типовой книжный декор для многократного использования, клише для типовых рисунков

Лаврентий Авксентьевич Серяков (1824–1881). Он буквально возродил в России самую древнюю технику гравирования – ксилографию, гравюру по дереву.

Путь мастера от безвестности к общероссийской славе был невероятно тяжел. Спасли художника природная одаренность и упорный характер. В восемь лет, как всех солдатских сыновей, Лаврентия записали в кантонисты, но по слабости здоровья перевели в учебный батальон. За отличную и безукоризненную грамотность его переводят писарем в столичный департамент военных поселений – этого отвратительного и уродливого проекта русской истории, с его унылым, бесчеловечным, почти арестантским бытом. Но начальство за точность и аккуратность исполнения чертежей переводит его в военные топографы. Скоро Лаврентий увлекается гравюрой и рискует предложить их в журнал «Иллюстрация», и в возрасте 23-х лет Серякова принимают в Академию художеств. После блестящего окончания Академии в течение 6-и лет работает в лучших граверных мастерских Франции, Швейцарии, Италии и Германии. Французы доверяют русскому граверу иллюстрировать «Историю Франции», вышедшую в 1859–1960 гг. На родину Лаврентий Серяков вернулся не только блестящим мастером, но и европейской знаменитостью. В последующие годы он работал для журналов «Всемирная иллюстрация», «Нива». Он создал целую галерею портретов русских писателей для «Русской библиотеки», 30 портретов русских исторических деятелей для издания «Отечественная история», а также цикл из 56 портретов-приложений к номерам журнала «Русская старина». И вот с работами этого великого мастера можно познакомиться, открыв сборник.

Это три портрета героев Севастопольской обороны: адмирала Нахимова, генерал-лейтенанта Хрулева и генерала от инфантерии Хрущева, а также «Вид Севастополя в 1854 году». Изящные политипажи: заставки, виньетки, буквицы – вы будете покорены. Они не просто украшают издание, а становятся самостоятельным художественным произведением.

На странице, где написано предисловие, стоят два штампа, и по ним мы можем проследить путь книги. Первый штамп принадлежит Взаимно-вспомогательному Обществу купеческих приказчиков в городе Курске, основанному в 1868 г. [13, с. 5]. Находилось оно в доме Е. А. Суворовой, угол Кондыревской и Верхней Гостиной (Димитрова, 2 и Марата). Во второй половине XIX в. в городах Курской губернии стали развиваться различные общественные организации. Применительно к курскому купечеству одной из таких организаций и было Общество купеческих приказчиков. Культурно-просветительская и досуговая деятельность заключалась, в том числе, и в создании библиотеки. Например, к 1 января

1906 г. в библиотеке находилось 1689 томов. В течение года членам Общества было выдано 2 572 книги [14, с. 91–92].

Второй штамп был проставлен в Курской Семеновской публичной библиотеке. Можно с большой уверенностью предположить, что наш сборник был передан в числе 2 000 томов пожертвованных книг при открытии библиотеки в 1894 г. тем же обществом купеческих приказчиков [15, с. 85–86].

Просуществовала библиотека примерно до 1934–1935 гг. Книги были переданы другим библиотекам города [16, с. 36–37]. Ныне в научной библиотеке архива книг со штампом Семеновской публичной библиотеки очень много. И, по всей видимости, это еще одно подтверждение, что обменный фонд начинал формироваться в 30-е годы XX в.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2968. Оп. 2. Д. 69.
2. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 6. Д. 3.
3. Книговедение: энциклопедический словарь. М., 1982.
4. Толстяков А.П. Люди, мысли и добро. М., 1984.
5. Циммерман. Э. Соединенные Штаты Семерной Америки. М., 1873.
6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 15 (XXXVIII). СПб., 1903.
7. Монастырев Е.И. История Курска в старой открытке. Курск, 2012.
8. Отчет Курского общественного клуба за 1915–1916 годы (ЛШ). Курск, 1916.
9. Отчет за время с 1-го сентября 1910 года по 1-е сентября 1911 года (48-й год) Курск, 1911.
10. Каменский А.В. В.Э. Глюдстон. Его жизнь и политическая деятельность. СПб., 1892.
11. Зебов Н.М. Беседы о природе. СПб., 1914.
12. Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству о Севастопольской обороне севастопольцами. СПб., 1872.
13. Годичный отчет Взаимно-вспомогательного общества купеческих приказчиков в г. Курске за 1881 год. Курск, 1882.
14. Курский сборник. Курск, 1907.
15. Обзор Курской губернии за 1898 год. Курск, 1899.
16. Курск: краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аргунов Олег Николаевич – начальник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области», кандидат исторических наук

Бабин Игорь Петрович – краевед, кандидат технических наук

Ванин Дмитрий Сергеевич – студент Курского железнодорожного техникума – филиала ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I»

Гончаров Александр Сергеевич – студент Курского железнодорожного техникума – филиала ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I»

Долженков Игорь Александрович – преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин ФГБОУ ВО «Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И. И. Иванова», кандидат исторических наук

Ефремова Ирина Сергеевна – старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»

Золоторева Наталья Вячеславовна – ведущий архивист отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»

Капустин Даниил Александрович – студент ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кауров Александр Александрович – преподаватель истории и обществознания МБОУ «Совхозская средняя общеобразовательная школа» Малоархангельского района Орловской области

Кауров Иван Александрович – студент Курского железнодорожного техникума – филиала ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I»

Кононов Николай Григорьевич – заслуженный работник культуры РСФСР, кандидат исторических наук

Коровин Владимир Викторович – профессор кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», доктор исторических наук

Крохина Анна Владимировна – преподаватель Курского железнодорожного техникума – филиала ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I», кандидат исторических наук

Крылова Татьяна Васильевна – начальник отдела использования архивных документов ОГКУ «Госархив Белгородской области»

Манжосов Александр Николаевич – заместитель председателя Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов г. Курска, кандидат исторических наук

Носов Дмитрий Михайлович – начальник управления безопасности ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Озеров Михаил Михайлович – ведущий инженер, Ростовский филиал ПАО «Ростелеком»

Палий Любовь Валерьевна – доцент кафедры истории России ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», кандидат исторических наук

Попов Евгений Викторович – заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин ФГБОУ ВО «Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И. И. Иванова», кандидат исторических наук

Потаскаева Татьяна Николаевна – старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»

Пчелинов-Образумов Александр Александрович – главный специалист отдела использования архивных документов ОГКУ «Госархив Белгородской области», кандидат исторических наук

Раздорский Алексей Игоревич – заведующий группой исторической библиографии, ведущий научный сотрудник ФГБУ «Российская национальная библиотека» (г. Санкт-Петербург), кандидат исторических наук

Раков Виктор Владимирович – заместитель директора по научно-исследовательской работе ОКУ «Госархив Курской области», кандидат исторических наук

Салтык Галина Александровна – профессор кафедры художественного образования и истории искусств ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук

Тимохов Евгений Игоревич – старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»

Холодова Елена Васильевна – ведущий научный сотрудник отдела истории архитектуры и градостроительства Нового времени Филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, кандидат архитектуры

Черкасова Наталья Николаевна – преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин ФГБОУ ВО «Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И. И. Иванова», кандидат исторических наук

Черникова Ксения Олеговна – обучающаяся МБОУ «Гимназия № 4» г. Курска

Черников Олег Алексеевич – заведующий филиалом ОКУ «Госархив Курской области», кандидат исторических наук

Чубаров Алексей Игоревич – старший научный сотрудник отдела истории ОБУК «Курский областной краеведческий музей», кандидат исторических наук

Шпаков Илья Владимирович – заведующий отделом формирования и сопровождения электронных ресурсов научной библиотеки ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», кандидат исторических наук

Сборник статей

**СОБЫТИЯ И ЛЮДИ
В ДОКУМЕНТАХ
КУРСКИХ АРХИВОВ**

Выпуск XX

Подписано в печать 03.12.2021 г.
Формат 60x84. Печать офсетная 80 г/м². Гарнитура Таймс. Тираж 55 экз.
Отпечатано ООО «Центр рекламы «Лоцман»
г. Курск, ул. Семеновская, 78